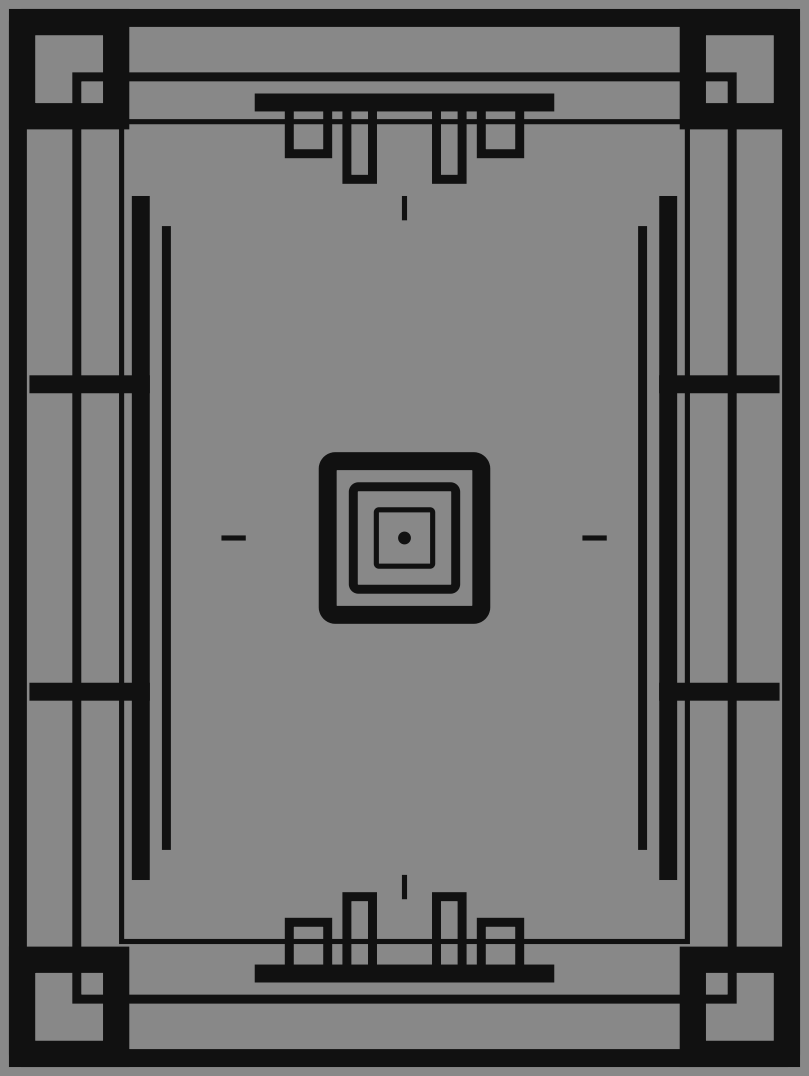

Улица Темных Лавок

Патрик Модиано

Патрик Модиано. Улица Темных Лавок
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

Патрик Модиано
Улица Темных Лавок

Посвящается Руди.
Посвящается моему отцу.

1

Я — никто. Просто светлый силуэт, в этот вечер, на террасе кафе. Не успел Хютте уйти, как хлынул дождь, настоящий ливень, и мне пришлось ждать, пока он перестанет.

За несколько часов до этого мы с Хютте в последний раз встретились в Агентстве. Он сидел, как всегда, за массивным письменным столом, но пальто не снял, и поэтому действительно чувствовалось, что он уезжает. Я сидел напротив него в кожаном кресле, предназначенном для клиентов. Яркий свет лампы с абажуром из опалового стекла бил мне прямо в глаза.

— Ну что, Ги… Вот и все… — вздохнул Хютте.

На столе валялась папка. Может, с делом того черноволосого коротышки с растерянным взглядом и отечным лицом, который поручил нам следить за своей женой. Во второй половине дня она встречалась с другим черноволосым коротышкой с отечным лицом в меблированных комнатах на улице Виталь, недалеко от авеню Поль-Думер.

Хютте задумчиво поглаживал коротко подстри-

женную седеющую бородку, которой заросли его щеки. Большие светлые глаза смотрели отрешенно. Слева от стола стоял плетеный стул, на котором я сидел, когда работал. За спиной Хютте почти полстены занимали стеллажи темного дерева с ежегодниками Боттена, телефонными и прочими справочниками за последние пятьдесят лет. Хютте часто говорил мне, что это для него незаменимое подспорье — без них он как без рук. И что ни одна библиотека не содержит столько ценных и волнующих сведений, ибо на страницах этих справочников можно обнаружить следы давно исчезнувших людей и обстоятельств их жизни — следы целых миров, о которых могут поведать они одни.

— Что вы собираетесь делать со всеми этими Боттенами? — спросил я Хютте, обводя широким жестом полки.

— Да ничего, Ги. Я хочу оставить за собой помещение.

Он окинул кабинет быстрым взглядом. Двустворчатая дверь в соседнюю комнату была распахнута, и я видел стоявший там потертый бархатный диван, камин и зеркало, в котором отражались ряды адресных книг, справочников и лицо Хютте. Клиенты обычно ждали приема

в этой комнате. Паркет был покрыт персидским ковром. На стене у окна висела икона.

— О чем вы думаете, Ги?

— Ни о чем. Значит, вы сохраните за собой помещение?

— Да. Я собираюсь время от времени приезжать в Париж и хотел бы останавливаться здесь.

Он протянул мне портсигар.

— По-моему, будет не так грустно, если ничего тут не трогать.

Мы проработали вместе больше восьми лет. Хютте сам создал Агентство частного сыска в 1947 году, и до меня у него сменилось немало сотрудников. Мы сообщали нашим клиентам интересующие их подробности «светской хроники», по выражению Хютте. Ведь наши отношения с клиентами, любил он повторять, это отношения «людей светских».

— Вы считаете, что сможете жить в Ницце?

— Ну конечно.

— И вы не будете там скучать?

Он выдохнул сигаретный дым.

— Надо же когда-то уйти на покой, Ги.

Он тяжело поднялся. Хютте весил, наверное, более ста килограммов и был почти двухметрового роста.

— Поезд отходит в двадцать пятьдесят пять. Мы успеем еще выпить по рюмочке…

Я пошел за ним по коридору, который вел в прихожую. Она была странной овальной формы, с выцветшими желтоватыми стенами. На полу стоял черный портфель, набитый доверху — его даже не удалось закрыть. Хютте поднял его. Он нес портфель под мышкой, придерживая другой рукой.

— У вас нет вещей?

— Я все отправил багажом.

Хютте открыл входную дверь, и я погасил свет в прихожей. На площадке он чуть помедлил, прежде чем захлопнуть дверь, и от металлического щелчка у меня екнуло сердце. Звук этот отмечал конец долгого периода моей жизни.

— Тоска берет, а, Ги? — сказал Хютте и, вынув из кармана пальто большой носовой платок, вытер лоб.

На двери все еще висела прямоугольная табличка черного мрамора, на которой было выведено блестящими золотыми буквами:

К. М. ХЮТТЕ

Частное сыскное агентство

— Пусть висит, — сказал Хютте и повернул ключ в замке.

Мы пошли по авеню Ньель к площади Перейр. Уже совсем стемнело. Несмотря на начало зимы, воздух был теплым. Дойдя до площади, мы сели за столик на террасе кафе «Гортензия». Хютте любил это кафе, потому что там были плетеные стулья, как в прежние времена.

— А вы-то что будете делать, Ги? — спросил он, отпив глоток коньяка, разбавленного водой.

— Я? Пойду по следу.

— По следу?

— Ну да. По следу своего прошлого.

Я произнес эту фразу торжественным тоном, и он улыбнулся.

— Я всегда верил, что в конце концов вы отыщете свое прошлое.

Теперь он был серьезен, и это меня тронуло.

— Но видите ли, Ги, я спрашиваю себя, стоит ли его искать…

Он замолчал. О чем он думал? О собственном прошлом?

— Вот вам ключ. Заходите туда. Мне это будет приятно.

Он протянул мне ключ, и я сунул его в карман брюк.

— И позвоните мне в Ниццу. Я хочу быть в курсе… ваших поисков прошлого…

Он встал и пожал мне руку.

— Я провожу вас?

— О нет, нет… Слишком печальный ритуал…

Он стремительно, не оглядываясь, вышел из кафе, и я ощутил какую-то пустоту в душе. Этот человек многое значит для меня. Неизвестно, что стало бы со мной без него, без его помощи десять лет назад, когда я был внезапно поражен амнезией и жил, словно блуждая в тумане. Его тронула моя судьба, и благодаря многочисленным связям ему удалось даже раздобыть мне документы.

— Вот держите, — сказал он, протягивая мне большой конверт с удостоверением личности и паспортом. — Вас теперь зовут Ги Ролан.

И Хютте, этот сыщик, к которому я обратился как к специалисту, чтобы он разыскивал свидетелей или хотя бы следы моей прошлой жизни, добавил:

— Дорогой мой Ги Ролан, с этой минуты перестаньте оглядываться назад, думайте о настоящем и будущем. Я предлагаю вам работать со мной.

Он почувствовал ко мне симпатию потому, наверное, — я узнал об этом лишь какое-то время спустя, — что его собственные следы тоже оборвались и целый кусок его жизни мгновенно провалился, не оставив никакой зацепки, ни

малейшей путеводной нити, которая могла бы хоть как-то связать его с прошлым. И правда, что может быть общего между этим изможденным стариком в поношенном пальто, который уходил от меня в ночь с большим черным портфелем под мышкой, и былым теннисистом, белокурым красавцем остзейским бароном Константином фон Хютте?

2

— Алло! Месье Поль Зонахидзе?

— Он самый.

— Это Ги Ролан… Помните, я…

— Как же, конечно помню! Мы можем увидеться?

— Если вам угодно…

— Давайте вечером, ну, скажем, в девять, в баре на Анатоль-де-ла-Форж… Устроит?

— Договорились.

— Жду вас. Пока.

И он тут же повесил трубку; от волнения у меня по вискам струился пот. Перед тем как набрать номер, я выпил для храбрости рюмку коньяка. Ну почему даже такой пустяк, простой звонок по телефону, стоит мне мучительных усилий и напряжения?

В баре на Анатоль-де-ла-Форж было пусто, он стоял за стойкой, но не в куртке бармена, а в пиджаке.

— Как удачно вышло, — сказал он. — По средам я вечером не работаю.

Подойдя, он положил руку мне на плечо.

— Я много думал о вас.

— Спасибо.

— У меня из головы не выходит ваша история…

Я хотел ему сказать, чтоб он так уж из-за меня не беспокоился, но не смог выдавить из себя ни слова.

— Теперь мне кажется, что вы иногда появлялись с кем-то, кого я часто видел в то время… Но с кем именно… — Он покачал головой. — Может, вы мне подскажете?

— Нет.

— Почему?

— Я ничего не помню, мсье.

Он принял это за шутку и сказал, словно играл со мной в какую-то игру или отгадывал загадку:

— Ладно. Сам справлюсь. Вы предоставляете мне свободу действий?

— Если вам угодно…

— Тогда поехали ужинать к моему другу.

Перед тем как выйти, он резким движением отключил электрический счетчик и запер на несколько оборотов массивную деревянную дверь.

Его машина стояла на другой стороне улицы. Черная, новая. Он предупредительно распахнул

передо мной дверцу.

— Мой друг держит очень милый ресторанчик, как раз на границе Виль-д'Авре с Сен-Клу.

— И мы едем в такую даль?

— Да.

С улицы Анатоль-де-ла-Форж мы свернули на авеню Гранд-Арме, и мне вдруг захотелось выскочить из машины. Я чувствовал, что не в силах ехать в Виль-д'Авре. Но надо было взять себя в руки.

На всем пути до Порт-Сен-Клу я пытался побороть душивший меня панический страх. Я был едва знаком с этим Зонахидзе. Может, он заманивает меня в ловушку? Но, слушая его, я понемногу успокоился. Он рассказывал мне о различных этапах своей профессиональной жизни. Сначала он работал в русских ночных кабаках, потом в «Ланже» — так назывался ресторан в садах у Елисейских полей, потом в отеле «Кастилия», на улице Камбон, и во множестве других заведений, пока наконец не попал в бар на Анатоль-де-ла-Форж. Но куда бы он ни переходил, он всегда работал бок о бок с Жаном Эртером — тем самым другом, к которому мы сейчас направлялись. Шутка ли, двадцать лет они шли как бы в одной упряжке. У Эртера тоже хорошая память. Уж

вдвоем-то они разгадают мою «загадку».

Зонахидзе ехал очень осторожно, и дорога заняла у нас почти три четверти часа.

Левую сторону этого павильона в виде бунгало скрывали ветви плакучей ивы. Справа росли тесно посаженные кусты. Из глубины просторного зала, где горел яркий свет, нам навстречу шел человек. Он протянул мне руку.

— Рад познакомиться, месье. Жан Эртер.

Потом повернулся к Зонахидзе:

— Привет, Поль.

Он привел нас в дальний конец зала. Там был накрыт столик на три персоны. В центре столика стояли цветы.

Эртер показал на одну из застекленных дверей:

— Во втором бунгало зал занят. Там свадьба.

— Вы здесь бывали? — спросил Зонахидзе.

— Нет.

— Ну-ка, Жан, покажи ему, какой вид отсюда.

Я последовал за Эртером на веранду, выходившую на пруд. Слева от меня через пруд был перекинут горбатый мостик в китайском стиле, ведущий в то, второе бунгало. За стеклянными дверьми в резком свете двигались пары. Там танцевали. До нас доносились еле уловимые звуки

музыки.

— Здесь всего несколько пар, — сказал он. — Боюсь, эта свадьба закончится оргией.

Он пожал плечами.

— Вы должны приехать к нам летом. У нас ужинают на веранде. Это так приятно.

Мы вернулись в ресторан, и Эртер затворил стеклянную дверь.

— Я приготовил вам легкий ужин, без затей.

Он жестом пригласил нас к столу. Они сели рядом, напротив меня.

— Какие вина вы предпочитаете? — спросил Эртер.

— Полагаюсь на вас.

— «Шато-петрюс»?

— Отличная мысль, Жан, — сказал Зонахидзе.

Подавал нам молодой человек в белой куртке. Свет бра, висевшего над столиком, бил мне прямо в глаза. Эртер и Зонахидзе оставались в тени, они наверняка посадили меня так нарочно, чтобы легче было разглядывать.

— Ну, Жан?

Эртер принялся за заливное, время от времени бросая на меня пронизывающие взгляды. У него были такие же темные волосы, как у Зонахидзе, и тоже крашеные. Сухая кожа, дряблые щеки и

тонкие губы гурмана.

— Да-да… — прошептал он.

Я не переставая моргал — из-за света. Он разлил вино.

— Да-да… Мне кажется, я уже где-то вас видел.

— Настоящая головоломка, — произнес Зонахидзе. — И месье отказывается помочь нам…

Он, по-моему, вошел во вкус.

— Но может, вы не хотите больше говорить об этом? Предпочитаете остаться инкогнито?

— Вовсе нет, — улыбнулся я.

Молодой человек подал телятину.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Эртер.

— Я проработал восемь лет в Частном сыскном агентстве Хютте.

Они ошарашенно уставились на меня.

— Но это наверняка не имеет отношения к моей прошлой жизни. Не принимайте этого в расчет.

— Странно, — заметил Эртер, пристально глядя на меня, — я бы не смог сказать, сколько вам лет.

— Наверное, из-за усов.

— Не будь у вас усов, — проговорил Зонахидзе, — мы, может, сразу бы вас узнали.

Он протянул руку и, приставив ладонь к моей верхней губе, чтобы закрыть усы, прищурился, словно портретист перед моделью.

— Чем больше я на вас гляжу, тем больше мне кажется, что вы появлялись в компании тех кутил… — начал Эртер.

— Но когда? — спросил Зонахидзе.

— Ну… очень давно… Мы уже целую вечность не работаем в ночных заведениях, Поль…

— Думаешь, еще в эпоху «Танагры»?

Эртер не сводил с меня глаз, и взгляд его становился все более напряженным.

— Простите, — сказал он, — вы не могли бы на минутку встать?

Я повиновался. Он оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы.

— Да-да, вы напоминаете мне одного нашего клиента… Тот же рост… Постойте…

Он поднял руку и замер, словно пытался удержать что-то, стремительно ускользавшее от него…

— Постойте, постойте… Все, я вспомнил, Поль… — Он торжествующе улыбнулся. — Можете сесть.

Эртер ликовал. Он не сомневался, что его сообщение поразит нас. С нарочитой церемонностью он подлил вина нам в бокалы.

— Так вот… Вы всегда приходили с одним человеком… таким же высоким… Может, даже выше…

Не вспоминаешь, Поль?

— О каком времени ты говоришь? — спросил Зонахидзе.

— О временах «Танагры», само собой.

— Такой же высокий? — пробормотал себе под нос Зонахидзе. — В «Танагре»?

— Не помнишь? — Эртер пожал плечами.

Теперь пришла очередь Зонахидзе торжествующе улыбаться. Он кивнул.

— Помню…

— Ну?

— Степа.

— Правильно. Степа.

Зонахидзе повернулся ко мне.

— Вы знаете Степу?

— Может быть, — сказал я осторожно.

— Ну конечно, — подтвердил Эртер, — вы часто приходили со Степой… я уверен…

— Степа…

Судя по тому, как Зонахидзе его произносил, имя было русское.

— Он всегда заказывал оркестру «Алаверды»… — сказал Эртер. — Это кавказская песня…

— Помните? — спросил Зонахидзе, изо всех сил сжимая мне запястье. «Алаверды»…

Он начал насвистывать мелодию, и глаза его

заблестели. Я тоже вдруг растрогался. Мне казалось, я узнаю эту мелодию.

Тут к Эртеру подошел официант, подававший нам ужин, и указал в глубину зала.

Там в полумраке за столиком, подперев ладонями голову, одиноко сидела женщина в бледно-голубом платье. О чем она думала?

— Новобрачная.

— Что она тут Делает? — спросил Эртер.

— Не знаю, — ответил официант.

— Ты не спросил, может, ей что-нибудь надо?

— Нет-нет, ей ничего не надо.

— А остальным?

— Они заказали еще десять бутылок «Крюгга».

Эртер пожал плечами.

— Меня это не касается.

Зонахидзе, не обращая внимания на новобрачную и на их разговор, настойчиво повторял:

— Ну… Степа… Вы помните Степу?

Он был так возбужден, что в конце концов я ответил ему с загадочной улыбкой:

— Да-да. Немного.

Он обернулся к Эртеру и торжественно произнес:

— Он помнит Степу.

— Я так и думал.

Официант, не двигаясь, стоял возле Эртера, и вид у него был растерянный.

— Месье, мне кажется, они займут спальни… Что делать?

— Я же говорил, эта свадьба плохо кончится… Ладно, старина, пусть себе… Нас это не касается…

Новобрачная по-прежнему неподвижно сидела за столиком. Только руки скрестила.

— Интересно, чего она там сидит в одиночестве? — сказал Эртер. Впрочем, нас это совершенно не касается.

И он махнул рукой, точно отгоняя муху.

— Вернемся к нашим баранам, — сказал он. — Значит, вы подтверждаете, что знали Степу?

— Да, — вздохнул я.

— Стало быть, вы принадлежали к их компании… А отличные были ребята, черт возьми, да, Поль?

— Да уж… Но все исчезли, — подавленно произнес Зонахидзе. — Вот только вы, мсье… Я рад, что нам удалось вас… локализовать… Вы были в компании Степы… Поздравляю… Та эпоха куда лучше нашей… а главное люди были иного сорта, не то что теперь…

— Главное — мы были моложе, — усмехнулся

Эртер.

— Когда, в какие годы? — спросил я с бьющимся сердцем.

— Да мы все путаемся в датах, — сказал Зонахидзе. — Во всяком случае, до потопа…

Он внезапно помрачнел.

— Бывают же совпадения… — сказал Эртер.

Он встал, подошел к невысокой стойке в углу и вернулся к нам, листая газету. Потом протянул ее мне, указывая на объявление:

«Дочь, сын, внуки, племянники и внучатые племянники, а также друзья Жорж Сашер и Степа де Джагорьев — с прискорбием извещают о кончине Мари де Резан, воспоследовавшей 25 октября, на девяносто втором году жизни.

Погребение на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа после отпевания в кладбищенской часовне 4 ноября в 16 часов.

Заупокойная служба девятого дня состоится 5 ноября в русской православной церкви: Париж, XVI округ, ул. Клод-Лоррен, 19.

Специальные уведомления рассылаться не будут.»

— Так, значит, Степан жив? — спросил Зонахидзе. — Вы с ним видитесь?

— Нет, — сказал я.

— И правильно. Надо жить настоящим. Ну что, Жан, коньячку напоследок?

— Сейчас.

С этой минуты они, казалось, потеряли всякий интерес к Степе и к моему прошлому. Но это уже не имело значения. Я напал на какой-то след.

— Вы не дадите мне эту газету? — спросил я с деланным безразличием.

— Конечно, — сказал Эртер.

Мы чокнулись. Итак, от того, кем я был когда-то, остался лишь смутный силуэт в памяти двух барменов, да и то заслоненный наполовину фигурой некоего Степы де Джагорьева. А об этом Степе они ничего не слышали со времен «потопа», как выразился Зонахидзе.

— Значит, вы частный детектив? — спросил Эртер.

— Уже нет. Мой патрон ушел на покой.

— А вы? Продолжаете этим заниматься?

Не отвечая, я пожал плечами.

— Как бы то ни было, я рад с вами познакомиться. Приходите, вы всегда будете здесь желанным гостем.

Он уже встал и протягивал нам руку.

— Простите меня… Я вас выставляю, мне надо заняться бухгалтерией… А тут еще они… только

оргий мне не хватало…

Он кивнул в сторону пруда.

— До свиданья, Жан.

— До свиданья, Поль.

Эртер задумчиво посмотрел на меня. И сказал, растягивая слова:

— Теперь, когда вы встали, у меня в памяти возникает совсем другой человек…

— Кто же? — спросил Зонахидзе.

— Один постоялец из отеля «Кастилия», который всегда возвращался поздно ночью… когда мы там работали…

Зонахидзе в свою очередь окинул меня взглядом.

— А что, — заметил он, — может, вы и жили когда-то в «Кастилии»…

Я растерянно улыбнулся.

Зонахидзе взял меня под руку, и мы направились к выходу. В зале стало еще темнее, чем раньше. Новобрачной в бледно-голубом платье за столиком уже не было. Когда мы вышли, с той стороны пруда до нас долетели всплески музыки и смех.

— Прошу вас, — обратился я к Зонахидзе, — если вам не трудно, напомните мне мелодию песни, которую заказывал этот, как его…

— Степа?

— Да.

Он стал насвистывать первые такты. Потом остановился.

— Вы хотите встретиться со Степой?

— Может быть.

Он с силой сжал мне руку.

— Скажите ему, что Зонахидзе часто думает о нем.

Его взгляд задержался на мне.

— Кто знает, может, Жан и прав. Вы были постояльцем отеля «Кастилия»... Постарайтесь вспомнить... отель «Кастилия», улица Камбон...

Я повернулся и открыл дверцу автомобиля. Кто-то съежился на переднем сиденье, прижавшись лбом к стеклу. Я наклонился и узнал новобрачную. Она спала, бледно-голубое платье задралось выше колен.

— Надо как-то от нее избавиться, — сказал Зонахидзе.

Я легонько потряс ее, но она не просыпалась. Тогда я обхватил ее за талию и с трудом вытащил из машины.

— Не можем же мы бросить ее прямо на землю, — сказал я и, подняв, отнес на руках в ресторан. Голова молодой женщины откинулась на

мое плечо, светлые волосы ласкали шею. Пряный аромат духов напоминал мне что-то. Но что?

3

Было без четверти шесть. Я попросил шофера такси подождать меня на улочке Шарль-Мари-Видор, а сам пошел пешком к улице Клод-Лоррен, где находилась русская церковь.

Двухэтажное строение с тюлевыми занавесками на окнах.

Справа тянулась широкая аллея. Я встал на противоположном тротуаре.

Первыми у входа в дом, со стороны улицы, остановились две женщины. Одна из них, темноволосая, коротко стриженная, была в черном шерстяном платке. На голове другой, сильно накрашенной блондинки, красовалась серая шляпа, по форме напоминавшая мушкетерскую. Я слышал, что они говорят по-французски.

Подъехало такси, из него с трудом выбрался совершенно лысый, тучный старик с набрякшими мешками под узкими монгольскими глазами. Он пошел по аллее.

Слева, свернув с улицы Буало, ко мне приближалась группа из пяти человек. Две немолодые женщины вели под руки старичка, бледного и

хрупкого, словно из гипса. За ними шли двое мужчин, наверное отец и сын, очень уж они были похожи друг на друга — оба в серых элегантных костюмах в полоску, — отец выглядел как-то фатовато, у сына были белокурые волнистые волосы. Их догнала машина, откуда вылез другой старик, подтянутый и быстрый, в пелеринке из плотного сукна, с седыми волосами ежиком. Выправка у него была военная. Не он ли Степа?

Все они вошли в церковь через боковой придел, в конце аллеи. Мне хотелось пойти за ними, но мое присутствие среди этих людей наверняка привлекло бы внимание. Меня все больше мучила тревога, что я так и не угадаю, кто из них Степа.

Справа поодаль остановился автомобиль. Из него вышли двое мужчин, потом женщина. Один мужчина, очень высокий, был в темно-синем пальто. Я перешел улицу и ждал, пока они поравняются со мной.

Они подходят все ближе, ближе. Мне кажется, что высокий, прежде чем свернуть в аллею вместе с остальными, бросает на меня пристальный взгляд. Сквозь витражи окон, выходящих на аллею, видны горящие свечи. Он наклоняется, чтобы пройти в дверь, слишком для него низкую,

и во мне возникает уверенность, что это и есть Степа.

Мотор такси работал, но шофера за рулем не оказалось. Дверца была приоткрыта, будто он должен вот-вот вернуться. Куда он мог деваться? Осмотревшись, я решил поискать его где-нибудь поблизости.

Я обнаружил его в кафе неподалеку, на улице Шардон-Лагаш. На столике перед ним стояла кружка пива.

— Вы еще долго? — спросил я.

— Ну… минут двадцать.

Белокожий блондин, пухлые щеки, голубые глаза навыкате. Пожалуй, я никогда не встречал человека с такими мясистыми ушными мочками.

— Ничего, что я не выключил счетчик?

— Ничего, — сказал я.

Он мило улыбнулся.

— Не боитесь, что такси угонят?

Он пожал плечами.

— Да ну…

Ему принесли бутерброд с ветчиной, и он деловито принялся за него, не спуская с меня тусклого взгляда.

— А кого вы, собственно, ждете?

— Да тут, одного… он должен сейчас выйти из русской церкви.

— Вы русский?

— Нет.

— Глупо как-то… Вы бы его спросили, когда он выйдет… Дешевле обошлось бы…

— Ничего не поделаешь.

Он заказал еще пива.

— Я не мог бы попросить вас купить мне газету?

Он полез было в карман, но я остановил его:

— Что вы…

— Спасибо. Купите мне «Эриссон». И еще раз спасибо… вот…

Я долго блуждал в поисках продавца газет и обнаружил его только на Версальской авеню. «Эриссон» оказался газетенкой, напечатанной на бумаге болотного цвета.

Он читал, нахмурив брови, и слюнявил палец кончиком языка, чтобы перевернуть страницу. А я смотрел, как этот полный блондин с голубыми глазами и белой кожей читает зеленую газету.

Я не решался прервать его чтение. Наконец он взглянул на свои миниатюрные часики.

— Пора идти.

На улице Шарль-Мари-Видор он сел за руль,

и я попросил подождать меня. А сам встал на прежнее место перед церковью, но на противоположном тротуаре. Никого не было видно. Вдруг они уже ушли? Тогда у меня нет никакой надежды вновь отыскать следы Степы де Джагорьева, потому что это имя не значится в парижском справочнике Боттена. За витражами по-прежнему горели свечи. Знал ли я прежде эту старую даму, которую отпевают сегодня? Если я когда-то бывал у Степы, он, наверное, знакомил меня со своими друзьями, возможно и с этой Мари де Резан. Она и тогда, видимо, была уже немолода.

Дверь в придел, где служили панихиду, — через нее они и вошли — дверь, с которой я теперь не спускал глаз, внезапно открылась, и в проеме появилась светловолосая женщина в мушкетерской шляпе. За ней брюнетка в черном платке. Потом отец и сын в серых полосатых костюмах — они поддерживали гипсового старичка, говорившего что-то лысому толстяку с монгольским разрезом глаз. Наклонившись, тот почти вплотную приблизил ухо к губам собеседника: голос гипсового старичка был, наверное, еле уловим, как слабое дыхание. Остальные шли следом. Я ждал с бьющимся сердцем, когда появится Степа.

Наконец он вышел — одним из последних. На-

роду оказалось много, человек сорок, не меньше, но я не терял Степу из виду благодаря его росту и темно-синему пальто. В большинстве своем это были люди пожилые, но я заметил и несколько молодых женщин и даже двоих детей. Никто не расходился, они все стояли на аллее и разговаривали.

Это напоминало переменку в провинциальной школе. Старичка с гипсово-белым лицом усадили на скамейку, и все по очереди почтительно подходили поздороваться с ним. Кто он? «Жорж Сашер», подписавший извещение о панихиде? Или бывший воспитанник Пажеского корпуса? А может, он и эта дама, Мари де Резан, пережили мимолетный роман, еще там, в Петербурге, или на берегу Черного моря, до того как рухнул их мир? Лысый толстяк с монгольским разрезом глаз тоже был в центре внимания. Отец и сын в серых элегантных костюмах сновали от одной группки к другой, как наемные танцоры от столика к столику. Вид у них был в высшей степени самодовольный, отец время от времени смеялся, запрокидывая голову, и я подумал, что этот хохот более чем неуместен.

А вот Степа вел серьезный разговор с женщиной в серой мушкетерской шляпе. Он то брал ее

за руку, то касался плеча с почтительной нежностью. Наверное, когда-то он был красавцем. Я дал бы ему лет семьдесят. Лицо у него было чуть оплывшим, волосы у лба сильно поредели, но крупный нос и орлиная посадка головы выдавали в нем подлинного аристократа. Во всяком случае, так мне показалось на расстоянии.

Время шло. Они разговаривали уже почти полчаса. Я боялся, что кто-нибудь в конце концов заметит меня, одиноко стоящего неподалеку. А шофер? Я быстрым шагом направился на улицу Шарль-Мари-Видор. Мотор по-прежнему работал, таксист сидел за рулем, погрузившись в чтение болотно-зеленой газетенки.

— Ну что? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Может, придется подождать еще часок.

— Ваш друг так и не вышел из церкви?

— Вышел, но он разговаривает с друзьями.

— И вы не можете его поторопить?

— Нет.

Большие голубые глаза остановились на мне с выражением неподдельной тревоги.

— Не беспокоитесь, — сказал я. — Все будет в порядке.

— Так я из-за вас… Я ведь обязан не выключать

счетчик.

Я снова вернулся на свой наблюдательный пункт против русской церкви.

Степа продвинулся на несколько метров. Он был уже не на аллее, а на тротуаре, вокруг него стояли светловолосая женщина в мушкетерской шляпе, брюнетка в черном платке, лысый с узкими монгольскими глазами и еще двое мужчин.

На этот раз я перешел улицу и остановился возле них, но повернулся спиной. Меня обволакивали ласкающие всплески русских голосов, и я подумал, что самый низкий тембр, подобный гуду медного колокола, принадлежит, наверное, Степе. Я обернулся. Он обнимал блондинку в мушкетерской шляпе, чуть ли не душил ее в своих объятиях, и лицо его было исполнено страдания. Потом он так же обнял лысого толстяка с узкими глазами, да и всех остальных — каждого по очереди. Решив, что он прощается, я побежал к такси и кинулся на сиденье.

— Быстрее… прямо… к русской церкви…

Степа все еще разговаривал.

— Теперь что? — спросил шофер.

— Видите того высокого, в пальто?

— Ну.

— Будете следовать за ним, если он на машине.

Шофер обернулся, посмотрел на меня, и во взгляде его голубых глаз появилась настороженность.

— Надеюсь, это не опасно, мсье?

— Не волнуйтесь, — ответил я.

Степа отделился от своей группки, сделал несколько шагов и, не оглядываясь, помахал им рукой. Они неподвижно смотрели ему вслед. Женщина в мушкетерской шляпе стояла, устремившись вперед и выгнувшись, словно деревянная фигура на носу старинного корабля, и ветер чуть шевелил огромное перо на ее шляпе.

Степа долго не мог открыть дверцу машины. Мне даже показалось, что он перепутал ключи. Когда он наконец сел за руль, я наклонился к шоферу:

— Следуйте за машиной, куда сел сейчас тот высокий, в синем пальто…

Только бы, думал я, след, по которому я шел, не оказался ложным, ведь у меня не было решительно никаких оснований считать, что человек в машине и есть Степа де Джагорьев.

4

Следовать за ним было нетрудно — он вел машину медленно. Но у Порт-Майо он проехал на красный свет, а мой таксист на это не решился. На бульваре Морис-Баррес мы его догнали. Обе машины снова оказались рядом у перехода. Он скользнул по мне рассеянным взглядом, каким обычно обмениваются водители, попавшие в пробку.

Он поставил машину в конце бульвара Ричард-Уоллес, возле последних домов — у самой Сены, неподалеку от моста Пюто, — и вышел. Дождавшись, пока он свернет на бульвар Жюльен-Потен, я расплатился с шофером.

— Желаю удачи, — сказал он. — Будьте осторожны…

И, направляясь за Степой к бульвару Жюльен-Потен, я не сомневался, что таксист провожает меня взглядом. Может, он боялся за меня.

Смеркалось. По обеим сторонам этой узкой улицы тянулись ряды безликих домов, построенных между двумя войнами, образуя как бы один сплошной бесконечный фасад. Степа шел

впереди, метрах в десяти от меня. Он свернул направо, на улицу Эрнест — Делуазон, и вошел в бакалейную лавку.

Вот теперь-то и следовало с ним заговорить. Мне это казалось невероятно трудным, я был слишком застенчив и к тому же боялся, что он примет меня за сумасшедшего, — я, конечно, начну заикаться, что-то бессвязно бормотать… Вот разве что он сразу узнает меня, и тогда, может быть, мне придется только слушать.

Он вышел из лавки с бумажным пакетом в руках.

— Месье Степа де Джагорьев?

На его лице выразилось крайнее изумление. Мы оказались одного роста, стояли лицом к лицу, и от этого я смутился еще больше.

— Он самый. А с кем имею честь?

Нет, он не узнавал меня. По-французски он говорил совсем без акцента. Теперь мне надо было набраться мужества.

— Я… я уже давно хочу с вами встретиться…

— Почему, месье?

— Видите ли… я… пишу книгу об эмиграции… Я…

— Вы русский?

Уже второй раз мне задают сегодня этот вопрос.

Шофер такси тоже спрашивал. Кто знает, может, когда-то я и был русским…

— Нет.

— И вы интересуетесь эмиграцией?

— Я… я пишу книгу об эмиграции. Понимаете… один человек… он… посоветовал мне встретиться с вами… Поль Зонахидзе…

— Зонахидзе?

Он произнес эту фамилию на русский манер — очень мягко, словно листья прошелестели на ветру.

— Грузинская фамилия… Не знаю…

Он нахмурился, силясь вспомнить.

— Зонахидзе… нет…

— Мне очень неловко беспокоить вас, месье, но позвольте задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас, с превеликим удовольствием…

Он как-то печально улыбнулся.

— Эмиграция — трагическая тема… Но почему вы называете меня Степой?

— Я… не…

— Большинства людей, которые так меня звали, уже нет в живых. Остальных можно буквально по пальцам пересчитать.

— Видите ли, этот Зонахидзе…

— Да я его не знаю.

— Вы позволите… задать вам… несколько вопросов?

— Конечно. Может, поднимемся ко мне? Поговорим там…

Пройдя по бульвару Жюльен-Потен, миновав ворота, мы пересекли сквер, окруженный домами. Поднялись на деревянном лифте с двустворчатой решетчатой дверцей. Из-за нашего роста и тесноты лифта нам пришлось наклонить головы и отвернуться друг от друга, чтобы не столкнуться лбами.

Он жил на шестом этаже, в двухкомнатной квартире. Я прошел за ним в спальню, и он тотчас же растянулся на кровати.

— Простите, — сказал он. — Но потолок здесь слишком низкий. Я задыхаюсь, когда стою.

И действительно, между моей головой и потолком оставалось всего несколько сантиметров, так что и мне пришлось нагнуться. Мы оба были почти на голову выше двери, соединяющей смежные комнаты, и я представил себе, что он, должно быть, не раз ударялся лбом о притолоку.

— Прилягте тоже… если хотите. — Он указал мне на диванчик возле окна, обитый светло-зеленым бархатом. — Не стесняйтесь… Так гораздо удобнее… Здесь даже сидя чувствуешь себя как в

клетке. Прошу вас, ложитесь…

Я лег.

Он зажег лампу под бледно-розовым абажуром, стоявшую на столике у кровати, по комнате разлился ее неяркий свет, и на потолке заиграли тени.

— Так вы интересуетесь эмиграцией?

— Очень.

— Но вы же еще молоды…

Молод? Мне никогда не приходило в голову, что я молод. Надо мной на стене висело большое зеркало в позолоченной раме. Я всмотрелся в свое лицо. Молод?

— Ну… не так уж я и молод…

Мы помолчали. Мы лежали в разных углах комнаты, будто курильщики опиума.

— Я был сейчас на панихиде, — сказал он. — Жалко, вы не знали покойную… Эта старая дама могла бы многое вам рассказать… Она была одной из самых замечательных представительниц эмиграции…

— Правда?

— Очень мужественная женщина. Вначале она открыла небольшую чайную на улице Мои-Табор, всем помогала. А это очень нелегко…

Он сел на кровати, сгорбившись и скрестив на

груди руки.

— Мне было тогда пятнадцать лет… Если посчитать, нас осталось совсем немного…

— Остался… Жорж Сашер? — бросил я наугад.

— Ну, он недолго протянет… Вы с ним знакомы?

Кто это? Гипсовый старичок? Или лысый толстяк с монгольским разрезом глаз?

— Знаете что, — сказал он. — Я больше не в силах говорить обо всем этом. Слишком грустно становится… Я просто покажу вам фотографии… На обороте стоят имена и даты… сами разберетесь…

— Мне так неловко вас беспокоить, вы очень любезны…

Он улыбнулся:

— У меня куча фотографий… И на каждой я написал имена и даты, ведь все забывается…

Он встал и, пригнувшись, прошел в соседнюю комнату.

Я услышал, как он выдвигает ящик. Он вернулся с большой красной коробкой и сел на пол, прислонившись к кровати.

— Садитесь рядом. Удобнее будет смотреть.

Я повиновался. На крышке готическими буквами было выведено имя кондитера. Он открыл

ее. Коробка оказалась доверху набита фотографиями.

— Здесь перед вами, — сказал он, — все главные действующие лица эмиграции.

Одну за другой передавал он мне фотографии, называя имена и даты, которые прочитывал на обороте, и этому монотонному поминальному чтению русские имена придавали особое звучание — то раскатистое, как удар тарелок, то жалобное или почти приглушенное. Трубецкой. Орбелиани. Шереметьев. Голицын. Эристов. Оболенский. Багратион. Чавчавадзе… Иногда он забирал у меня фотографию и снова рассматривал, проверяя имя и дату. Праздничные снимки. За столом у Великого князя Бориса во время торжественного приема в его Баскском замке спустя много лет после революции. Множество лиц на ужине, черно-белый снимок, 1914 год… Фотографии класса Александровского лицея в Петербурге.

— А вот мой старший брат…

Он передавал мне фотографии все быстрее, уже почти не глядя на них. Он явно спешил поскорее покончить с этим делом. Внезапно мой взгляд задержался на снимке, отпечатанном на более плотной бумаге, чем остальные; на обороте ниче-

го не было написано.

— Вас здесь что-то заинтересовало, месье? — спросил он.

На переднем плане в кресле, выпрямившись, сидит улыбающийся старик. Позади него — молодая белокурая женщина с очень светлыми глазами. Вокруг них — группки людей, многие стоят спиной к объективу. А в левой части снимка — очень высокий мужчина лет тридцати, на нем светлый костюм в мелкую клеточку, он черноволосый, с тонкими усиками, его правая рука не вошла в кадр, а левая лежит на плече молодой блондинки. И мне вдруг кажется, что это я.

Я придвигаюсь к Степе. Мы сидим, опираясь спиной на кровать, вытянув ноги, наши плечи соприкасаются.

— Скажите, кто эти люди? — спрашиваю я.

Он взял фотографию и устало взглянул на нее.

— Это Джорджадзе… — Он показал на старика, сидящего в кресле. Работал в грузинском консульстве в Париже до самой…

Он не кончил фразу, считая, что мне и без слов понятно остальное.

— Это его внучка… Ее звали Гэй… Гэй Орлова… Она с родителями эмигрировала в Америку…

— Вы знали ее?

— Плохо. В общем, нет. Она долго жила в Америке.

— А это кто? — спросил я еле слышно, показав на того, в ком, мне показалось, я узнал себя.

— Это? — Степа сдвинул брови. — Его я не знаю.

— Не знаете?

— Нет.

Я с трудом перевел дыхание.

— Вам не кажется, что я на него похож?

Он посмотрел на меня.

— Похож? Не нахожу… А что?

— Так, ничего…

Но он уже протягивал мне другую фотографию.

— Вот, не угодно ли… великая вещь — случай…

Это был снимок маленькой девочки в белом платьице, с длинными белокурыми волосами, ее сфотографировали на курорте — вдали виднелись кабинки для переодевания, кусок пляжа и море. На обороте было написано фиолетовыми чернилами: «Галина Орлова — Ялта».

— Видите… это она же… Гэй Орлова… Ее звали Галина… Американское имя появилось позже. — И он показал на первую фотографию, которую я по-прежнему держал в руке. — Мама все хранила…

Он резко поднялся.

— Разрешите на этом остановиться? У меня что-то голова закружилась. Он провел ладонью по лбу. — Пойду переоденусь… Если хотите, можем вместе поужинать.

А я остался сидеть на полу среди раскиданных фотографий. Потом убрал их в большую красную коробку, отложив на кровать только две: ту, где я стоял рядом с Гэй Орловой и стариком Джорджадзе, и ялтинский снимок Гэй Орловой — девочки. Потом встал и подошел к окну.

Уже стемнело. Окно выходило на другой сквер, тоже окруженный домами. За ними — Сена, слева — мост Пюто. И вытянувшийся остров. По мосту мчались вереницы автомобилей. Я смотрел на фасады, на освещенные окна — такие же, как то окно, за которым стоял я, и в этих сотах, в лабиринте зданий, лестниц и лифтов, я нашел человека, который, быть может…

Я прижался лбом к оконному стеклу. Внизу, подо мной, все подъезды были освещены. Этот желтый свет будет гореть всю ночь.

— Ресторан рядом, — сказал Степа.

Я взял с кровати фотографии.

— Месье де Джагорьев, — сказал я, — не могли бы вы дать мне на время эти фотографии?

— Я их вам дарю.

Он указал на красную коробку.

— Дарю вам все фотографии.

— Но… ведь…

— Берите.

Его тон не допускал возражений, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Когда мы выходили из квартиры, в руках у меня была красная коробка.

Мы вышли из дома и свернули на набережную Генерала Кенига. Спустились по каменной лестнице. На самом берегу Сены стояло кирпичное здание. Над дверью — вывеска: **«БАР-РЕСТОРАН ДЕ Л'ИЛЬ»**. Мы вошли. Зал с низким потолком, столики, покрытые белыми бумажными скатертями, плетеные кресла. В окна видна была Сена и фонари на мосту Пюто. Мы сели за столик в глубине зала. Кроме нас, в ресторане никого не было.

Степа порылся в сумке и выложил на середину стола бумажный пакет, который купил при мне в бакалейной лавке.

— Как обычно? — спросил его официант.

— Как обычно.

— А что подать месье? — спросил официант, указывая на меня.

— То же, что и мне.

Официант очень быстро принес нам две тарелочки с балтийской сельдью и налил в стаканчики величиной с наперсток минеральную воду. Из лежащего на столе пакета Степа вынул огурцы и разделил их между нами.

— Ну, как вам?

— Вполне.

Красную коробку я положил на стул возле себя.

— Она правда вам не нужна? Ведь это память…

— Нет, не нужна. Теперь она ваша. Я передаю вам ее как эстафету.

Ели мы молча. Мимо окна проплыла баржа, так близко, что я успел разглядеть в окно людей, сидевших вокруг стола, — они тоже ужинали.

— А эта… Гэй Орлова, — сказал я. — Вы не знаете, что с ней стало?

— Гэй Орлова? По-моему, она умерла.

— Умерла?

— Мне кажется, да. Я видел ее раза два-три… мы были едва знакомы… Это моя мать дружила со старым Джорджадзе. Еще огурчика?

— Спасибо.

— Она, я слышал, вела в Америке весьма бурную жизнь.

— Вы не знаете, кто мог бы рассказать мне о… Гэй Орловой?

Степа растроганно посмотрел на меня.

— Мой бедный друг… увы… никто… Разве что в Америке…

Проплыла еще одна баржа, неторопливая, темная, словно покинутая.

— Лично я на десерт всегда беру банан, — сказал он. — А вы?

— Я тоже.

Мы съели по банану.

— А родители этой… Гэй Орловой? — спросил я.

— Они, должно быть, скончались в Америке. Умирают, знаете ли, везде…

— А во Франции у Джорджадзе не было родственников?

Он пожал плечами.

— Почему вы так интересуетесь Гэй Орловой? Кто она вам — сестра? спросил он с милой улыбкой. — Кофе будете?

— Нет, спасибо.

— И я нет.

Он хотел было заплатить за ужин, но я опередил его. Мы вышли из «Бара-ресторана де л'Иль» на набережную, и он взял меня под руку, чтобы

подняться по лестнице. Над водой повис туман, мягкий и ледяной, от которого легкие наполнялись такой прохладой, что казалось, будто плывешь по воздуху. Я едва различал очертания домов на набережной, всего в нескольких метрах от нас.

Я довел Степу, точно слепого, до сквера, где единственными приметами были желтые пятна подъездов. Он пожал мне руку.

— Ну что ж, попробуйте найти Гэй Орлову, — сказал он, — раз уж это так для вас важно…

Я смотрел, как он входит в освещенный подъезд. Он остановился и помахал мне рукой. Я замер с большой красной коробкой под мышкой, словно ребенок, получивший подарок на чужих именинах, и в эту минуту я был уверен, что Степа продолжает мне что-то говорить, но туман поглощает звуки его голоса.

5

На почтовой открытке — Английская набережная в Ницце, летом.

«Дорогой Ги, я получил Ваше письмо. Все дни здесь похожи один на другой, но Ницца очень красивый город. Хорошо бы Вы навестили меня. Странным образом мне случается здесь столкнуться на улице с людьми, которых я не видел лет двадцать или считал давно умершими. И мы пугаемся друг друга. Ницца — город призраков и привидений, но я надеюсь, что не сразу войду в их компанию.

Что касается женщины, которую Вы разыскиваете, лучше всего позвонить Бернарди — Мак-Магон 00–08. Он сохранил довольно тесные контакты с людьми из разных служб и с радостью Вам поможет.

Мой дорогой Ги, жду Вас в Ницце, а пока остаюсь навсегда преданным Вам — Хютте.

P.S. Не забывайте, помещение Агентства в Вашем распоряжении».

6

23 октября 1965

Объект: ОРЛОВА, Галина, известна под именем «Гэй» Орлова.

Родилась: в Москве (Россия) в 1914-м. Родители — Кирилл Орлов и Ирина Джорджадзе.

Подданство: не имеет. (Правительство Союза Советских Социалистических Республик лишило родителей мадемуазель Орловой и ее саму гражданства как эмигрантов.) Мадемуазель Орлова имела обычный вид на жительство. Она прибыла во Францию из Соединенных Штатов, по всей видимости, в 1936 г.

В США мадемуазель Орлова зарегистрировала брак с мистером Уолдо Блантом, с которым потом развелась.

Мадемуазель Орлова проживала: Париж, VIII округ, ул. Сирк, отель «Шатобриан»; Париж-VIII, авеню Монтеня, 53; Париж-XVI, авеню Маршала Листе, 25.

До приезда во Францию мадемуазель Орлова была как будто танцовщицей в Соединенных Штатах.

В Париже она вела весьма роскошную жизнь, но источники ее доходов неизвестны.

Мадемуазель Орлова скончалась в 1950 г. у себя дома — авеню Маршала Лиоте, 25, Париж-XVI, — от слишком сильной дозы снотворного.

Уолдо Блант, ее бывший муж, проживает в Париже с 1952 г. и подвизается в качестве пианиста в различных ночных заведениях. Он американский гражданин.

Родился 30 сентября 1910 г. в Чикаго.

Вид на жительство во Франции № 534НС828.

К этому листку, напечатанному на машинке, приложена визитная карточка Жан-Пьера Бернарда, где написано несколько слов:

«Вот все имеющиеся у меня сведения. Всегда к Вашим услугам. Поклон Хютте».

7

На застекленной двери афиша: «Пианист Уолдо Блант играет ежедневно в баре отеля «Хилтон», с 18 до 21 часа».

Бар переполнен, все места заняты, кроме одного кресла за столиком, где сидел японец в очках в золотой оправе. Наклонившись, я попросил у него разрешения сесть, но он, видно, ничего не понял, а когда я сел, не обратил на меня ни малейшего внимания.

Посетители, американцы и японцы, входили в бар, окликали друг друга, и их голоса звучали все громче. Они стояли в проходах между столиками. Некоторые со стаканами в руках опирались на спинки кресел или присаживались на подлокотники. Какая-то молодая женщина устроилась на коленях у седовласого господина.

Уолдо Блант опоздал минут на пятнадцать и сел за рояль. Невысокий пухлый человек в сером костюме, лысеющий, с тонкими усиками. Он обернулся и обвел взглядом столики, у которых толпились люди. Медленно провел правой рукой по клавишам и взял наугад несколько аккордов.

Мне повезло, я сидел совсем близко от него.

Он начал наигрывать какую-то мелодию, по-моему «На набережных старого Парижа», но из-за гула голосов и взрывов смеха музыка была еле слышна, и даже я, сидя у самого рояля, не все мог уловить. Выпрямившись и чуть склонив голову, он невозмутимо продолжал играть. Мне стало больно за него, ведь было же, наверное, время, когда его слушали. С тех пор ему пришлось, видимо, привыкнуть к этому вечному жужжанию множества голосов, заглушавшему его музыку. Что он скажет, если я произнесу имя Гэй Орловой? Выведет ли оно его хоть на миг из полного безразличия? Или это имя уже ни о чем не может ему напомнить, так же как звуки, которые он извлекает из рояля, бессильны возобладать над гулом голосов?

Бар постепенно опустел. Остались только японец в очках в золотой оправе, я и — в глубине зала — та молодая женщина, которую я видел раньше на коленях у седого господина, теперь она сидела рядом с краснолицым толстяком в голубом костюме. Они говорили по-немецки. Очень громко. Уолдо Блант играл протяжную, хорошо мне знакомую мелодию.

Он обернулся к нам.

— Не угодно ли вам, мадам, месье, чтобы я сыграл что-нибудь по вашему заказу? — спросил он холодно, с легким американским акцентом.

Японец рядом со мной не пошевельнулся. Он сидел неподвижно, с бесстрастным лицом, и мне казалось, что при малейшем сквозняке он свалится с кресла, — ведь наверняка это был просто набальзамированный труп.

— «Sag warum»[1], пожалуйста, — бросила хриплым голосом женщина из глубины зала.

Блант чуть кивнул и начал играть «Sag warum». Свет в баре приглушили, как в дансингах при первых звуках слоу. Женщина и краснолицый толстяк, воспользовавшись этим, принялись целоваться, рука женщины скользнула за ворот его рубашки, потом ниже. На неподвижном японце поблескивали очки в золотой оправе. У Бланта за роялем был вид подрагивающего робота: мелодия «Sag warum» требует беспрерывных ударных аккордов.

О чем он думал, пока за его спиной краснолицый толстяк гладил ногу блондинки, а набальзамированный японец восседал уже, наверное, не первый день все в том же кресле хилтонского

---

[1] Примечания: 1
«Скажи, почему» (нем.)

бара? Ни о чем он не думал, я был в этом уверен. Он казался почти недосягаемым в своей отрешенности. Имел ли я право грубо нарушить эту отрешенность, бередить в нем болезненные воспоминания?

Краснолицый толстяк и блондинка вышли из бара, скорее всего, чтобы уединиться в номере. Он тянул ее за руку, и она старалась идти прямо. Мы с японцем остались одни. Блант опять обернулся и произнес своим ледяным тоном:

— Не желаете ли, чтобы я сыграл что-нибудь по вашему выбору?

Японец не дрогнул.

— Если можно, месье, «Что остается от нашей любви», — сказал я.

Он играл эту мелодию со странной медлительностью, она казалась тягучей и словно увязала в болоте, из которого с трудом высвобождались звуки. Время от времени он застывал, будто обессилевший, спотыкающийся от усталости путник. Он взглянул на часы, резко встал и, поклонившись, обратился к нам:

— Месье, уже двадцать один час. Всего доброго.

Он вышел. Я последовал за ним, оставив набальзамированного японца в гробнице бара.

Блант двинулся по коридору, пересек пустын-

ный холл. Я догнал его.

— Месье Уолдо Блант?.. Я бы хотел поговорить с вами.

— О чем?

Он бросил на меня затравленный взгляд.

— О человеке, которого вы знали когда-то… О женщине… ее звали Гэй. Гэй Орлова.

Он замер посередине холла.

— Гэй…

Он зажмурился, будто ему в лицо внезапно ударил луч прожектора.

— Вы… вы знали… Гэй?

— Нет.

Мы вышли из отеля. Группа мужчин и женщин в вечерних Туалетах кричащих цветов — гранатовых смокингах, длинных платьях зеленого и небесно-голубого атласа — ждала такси.

— Мне неловко вас беспокоить…

— А вы меня не беспокоите, — сказал он задумчиво. — Я уже так давно ничего не слышал о Гэй… Да вы, собственно, кто?

— Ее родственник. Я… хотел бы узнать у вас некоторые подробности… ее жизни…

— Подробности?

Он потер висок указательным пальцем.

— Что я могу вам сказать?..

Мы шли вдоль отеля по узкой улочке, ведущей к Сене.

— Мне надо домой, — сказал он.

— Я провожу вас.

— Так вы правда родственник Гэй?

— Да. Наша семья хотела бы узнать побольше о ее судьбе.

— Она давно умерла.

— Я знаю.

Он шел очень быстро, и я еле поспевал за ним. Старался держаться рядом. Мы были уже на набережной Бранли.

— Я живу напротив, — сказал он, показывая на тот берег Сены.

Мы зашагали по Бирхакеймскому мосту.

— Вряд ли я смогу вам многое рассказать. Все это было так давно…

Он замедлил шаг, словно почувствовал себя наконец в безопасности. Может, он шел так торопливо, считая, что за ним следят. Или чтобы отделаться от меня.

— А я и не знал, что у Гэй есть родственники, — сказал он.

— Как же… со стороны Джорджадзе…

— Простите?

— Семья Джорджадзе… Фамилия ее деда —

Джорджадзе…

— А, ясно…

Остановившись, он облокотился на каменный парапет моста. Я не мог последовать его примеру — у меня закружилась бы голова. Я стоял перед ним. Он заговорил не сразу.

— Вы знаете… что я был ее мужем?

— Знаю.

— Откуда?

— Это записано в старых документах.

— Мы вместе выступали в одном ночном кабачке в Нью-Йорке… Я играл на рояле… Она попросила меня жениться на ней, просто хотела остаться в Америке и не обращаться к иммиграционным властям… — Он покачал головой, вспомнив это. — Забавная была девочка. Потом она стала любовницей Лаки Лучано[2]… Познакомилась с ним, когда начала выступать в казино на Палм-Айленд…

— Лучано?

— Да-да, Лучано… Она была с ним, когда его арестовали в Арканзасе… Потом встретила какого-то француза, я узнал, что они вместе уехали

---

[2] Примечания: 2

Сальваторе Лучано (1897–1962), прозванный Лаки Лучано (что по-английски означает Счастливчик Лучано) — один из главарей американской мафии по торговле наркотиками.

во Францию…

Его лицо просветлело. Он улыбался.

— Я рад, месье, что могу поговорить о Гэй…

Под нами, на правый берег Сены, проехал поезд метро. Потом второй, в обратном направлении. Их грохот заглушал голос Бланта. Он говорил мне что-то — я видел это по движениям его губ.

— …Самая красивая девушка, какую я знал…

И этот обрывок фразы, который я чудом уловил сквозь шум, поверг меня в глубокое отчаяние. Я стоял на мосту ночью, с совершенно незнакомым мне человеком и пытался вырвать у него какие-то сведения, которые могли бы пролить свет на мое прошлое, но из-за громыхания вагонов не слышал, что он говорил.

— Может, пройдем немного вперед?

Но он был так погружен в свои мысли, что даже не ответил. Он, видимо, давно уже не думал об этой Гэй Орловой, и теперь воспоминания о ней, всплывая на поверхность сознания, оглушали его, словно шквальный ветер. Он стоял неподвижно, по-прежнему опершись на парапет.

— Давайте все-таки пройдем вперед…

— Вы знали Гэй? Встречались с ней?

— Нет. Поэтому я и хотел, чтобы вы мне о ней рассказали.

— Она была блондинкой… с зелеными глазами… очень необычная внешность… как бы вам ее описать… Пепельные волосы…

Пепельная блондинка. Которая, возможно, сыграла не последнюю роль в моей жизни. Надо внимательнее рассмотреть ее фотографию. И постепенно все вернется. А может, он направит меня по более точному следу. Все-таки мне повезло, что я нашел этого Уолдо Бланта.

Я взял его под руку. Не могли же мы вечно торчать на мосту. Мы пошли по набережной Пасси.

— Вы виделись с ней во Франции? — спросил я.

— Нет. Когда я приехал во Францию, ее уже не было в живых. Она покончила с собой…

— Почему?

— Она часто мне говорила, что боится постареть…

— А когда вы ее видели в последний раз?

— После истории с Лучано она познакомилась с тем французом. В то время мы иногда виделись.

— Вы знали этого француза?

— Нет. Она говорила, что собирается выйти за него, чтобы стать француженкой… Она была одержима идеей обрести гражданство…

— Вы развелись?

— Конечно… Наш брак длился всего полгода.

Как раз достаточно, чтобы успокоить иммиграционные службы, которые хотели выдворить ее из Соединенных Штатов.

Я напряженно слушал, стараясь не упустить нить рассказа. Тем более что он говорил очень тихо.

— Она уехала во Францию… И больше я ее не видел… А потом узнал… о самоубийстве…

— Как вы узнали?

— От одного приятеля-американца, он был знаком с Гэй и оказался в то время в Париже. Он прислал мне маленькую вырезку из газеты…

— Вы сохранили ее?

— Да, конечно, она у меня дома, в столе.

Мы поднялись к садам Трокадеро. Там царило оживление, фонтаны были освещены. У фонтанов и на Иенском мосту толпились туристы. Этот октябрьский субботний вечер казался весенним — много гуляющих, теплый воздух, еще не облетевшие листья.

— Я живу чуть дальше…

Сады Трокадеро остались позади, мы свернули на Нью-Йоркскую авеню. Там, на набережной, под деревьями, у меня возникло неприятное ощущение, что все это мне только снится. Я уже прожил свою жизнь и теперь просто призрак,

парящий в теплом воздухе субботнего вечера. К чему восстанавливать оборванные связи, отыскивать ходы, которые давным-давно замурованы? И я уже с трудом верил в реальность этого пухлого усатого человечка, идущего рядом.

— Как странно, я вдруг вспомнил имя француза, с которым Гэй познакомилась в Америке…

— Как его звали? — спросил я, и голос мой дрогнул.

— Говард… это его фамилия… не имя… подождите… Говард де что-то…

Я остановился.

— Говард де?..

— Де… де… Люц… Л… Ю… Ц… Говард де Люц… меня поразила эта фамилия… полуанглийская, полуфранцузская… а может, испанская…

— А имя?

— Имя?

Он развел руками.

— Вы не знаете, как он выглядел?

— Нет.

Я покажу ему фотографию, на которой Гэй снята вместе со старым Джорджадзе и тем, кто, как я считал, был мною.

— Чем занимался этот Говард де Люц?

— Гэй говорила, что он из аристократиче-

ской семьи… Ничем он не занимался. — Блант усмехнулся. — Хотя нет… нет… подождите… Я вспоминаю… Он долго жил в Голливуде… Гэй говорила, он был там доверенным лицом актера Джона Гилберта…

— Доверенным лицом Джона Гилберта?

— Да, в последние годы его жизни.

По Нью-Йоркской авеню машины мчались быстро и так бесшумно, что во мне росло ощущение нереальности происходящего. Они проносились с приглушенным шелестом, словно скользили по воде. Мы были уже у моста Альма. Говард де Люц. Есть надежда, что это мое имя. Да, эти звуки пробуждают во мне что-то, но столь же неуловимое, как отблеск лунного света. Если Говард де Люц — это действительно я, то мне нельзя отказать в оригинальности: из множества профессий, одна другой пленительнее и почетней, я выбрал роль «доверенного лица Джона Гилберта».

Не доходя до Музея современного искусства, мы свернули в маленькую улочку.

— Я живу здесь, — сказал он.

В лифте свет не горел, а на лестнице он тут же погас, и пока мы поднимались, в полной темноте, до нас долетели звуки музыки и смех.

Лифт остановился, и я почувствовал, как Блант рядом со мной пытается нащупать ручку дверцы. Наконец он ее открыл. Выходя из лифта, я толкнул его — на площадке было совсем темно, хоть глаз выколи. Смех и музыка доносились из квартиры на этом этаже. Блант повернул ключ в замке.

Он прикрыл за нами дверь, мы оказались в передней, освещенной слабым светом голой лампочки, свисавшей с потолка. Блант в растерянности остановился. Я подумал, не пора ли мне откланяться. Оглушительно гремела музыка. На пороге комнаты появилась рыжеволосая молодая женщина в белом купальном халате. Она удивленно оглядела нас. Небрежно запахнутый халат приоткрывал ее грудь.

— Моя жена, — сказал мне Блант.

Она чуть кивнула мне и обеими руками стянула у шеи ворот халата.

— Я не знала, что ты так рано вернешься, — заявила она.

Так мы и стояли, не двигаясь, и от тусклого электрического света наши лица казались смертельно бледными. Я обернулся к Бланту.

— Могла бы предупредить меня, — сказал он ей.

— Я не знала…

Словно ребенок, пойманный на лжи, она опустила голову. Оглушительная музыка смолкла, уступив место саксофонной мелодии, такой прозрачной и чистой, что казалось, она тает в воздухе.

— Вас много? — спросил Блант.

— Нет, нет… несколько друзей…

Приоткрылась дверь, и в щель просунулась голова коротко остриженной блондинки со светлой розовой помадой на губах. Потом другая голова брюнета с матовой кожей. Свет голой лампочки превращал их лица в маски. Брюнет улыбался.

— Я должна вернуться к ним… Приходи часа через два-три.

— Хорошо, — сказал Блант.

Она исчезла в комнате вслед за своими друзьями и закрыла за собой дверь. Послышались взрывы смеха, возня. Потом снова грянула музыка.

— Пошли! — сказал Блант.

Мы вновь очутились на лестнице. Блант зажег свет и примостился на ступеньке. Жестом он пригласил меня сесть рядом.

— Моя жена намного моложе меня… Тридцать лет разницы… Никогда не следует жениться на женщине намного моложе себя… Никогда. — Он

положил мне руку на плечо. — Все равно ничего не выйдет. Не было еще случая, чтобы вышло… Запомните это, старина…

Свет погас. У Бланта не было ни малейшего желания вновь его зажечь. У меня, впрочем, тоже.

— Видела бы меня сейчас Гэй…

Он рассмеялся при этой мысли. Странный смех во мраке.

— Она бы меня не узнала… За эти годы я прибавил по крайней мере килограммов тридцать…

Он снова рассмеялся, но не так, как прежде, более нервно, принужденно.

— Она была бы очень разочарована… Вы только представьте себе… Пианист в баре отеля…

— Почему разочарована?

— А через месяц я буду безработным…

Он сжал мне руку выше локтя.

— Гэй верила, что я стану вторым Коулом Портером[3]…

Вдруг раздался женский крик. В квартире Бланта.

— Что происходит? — спросил я.

— Ничего. Развлекаются.

Мужской голос проорал: «Открой мне! Открой,

---

[3] Примечания: 3

Американский композитор (1892–1964), автор ряда популярных мюзиклов.

Дани!» Смех. Хлопнула дверь.

— Дани — это моя жена, — шепнул Блант.

Он встал и зажег свет.

— Пойдем прогуляемся.

Мы прошли по эспланаде Музея современного искусства и сели на ступеньки. Я видел, как внизу, по Нью-Йоркской авеню, проносятся машины, и это был единственный здесь признак жизни. Вокруг нас ни души, все замерло. Даже Эйфелева башня на другом берегу Сены — Эйфелева башня, обычно такая незыблемая, — походила на груду железного лома.

— Здесь хорошо дышится, — сказал Блант.

И правда, теплый ветер овевал эспланаду, и статуи, казавшиеся сейчас темными пятнами, и большие колонны музея.

— Я хотел показать вам фотографии, — сказал я Бланту.

Вынув из кармана конверт, я открыл его и достал два снимка: Гэй Орловой со старым Джорджадзе и человеком, в котором, мне казалось, я узнавал себя, и Гэй Орловой — девочки. Я протянул ему первый.

— Ничего не видно, — пробормотал Блант.

Он несколько раз чиркнул зажигалкой, но ветер задувал пламя. В конце концов он прикрыл

его ладонью и поднес зажигалку к фотографии.

— Вот, посмотрите на этого человека, — сказал я. — Слева… У самого края…

— Ну?

— Вы знаете его?

— Нет.

Он склонился над фотографией, приставив ладонь козырьком ко лбу, чтобы не погасло пламя.

— Вам не кажется, что он похож на меня?

— Не знаю.

Он еще несколько секунд рассматривал фотографию, а потом вернул мне.

— Гэй здесь такая, какой я ее знал, — сказал он печально.

— Вот ее снимок в детстве.

Я протянул ему другую фотографию, и он, так же заслоняя рукой огонек зажигалки, принялся изучать ее в Позе часовщика, поглощенного сверхточной работой.

— Красивая была девочка, — сказал он. — У вас нет других ее фотографий?

— К сожалению, нет… А у вас?

— У меня был наш свадебный снимок, но я потерял его еще в Америке… Не знаю даже, сохранил ли я заметку о самоубийстве…

Его американский акцент, еле заметный пона-

чалу, становился все ощутимее. От усталости?

— И часто вам приходится ждать, пока вас пустят домой?

— Все чаще и чаще. А как хорошо все начиналось… Моя жена была такой милой…

Он с трудом закурил сигарету — из-за ветра.

— Вот бы Гэй удивилась, если бы увидела меня в таком положении…

Он придвинулся ко мне, опершись рукой о мое плечо.

— Не кажется ли вам, старина, что Гэй была права, вовремя исчезнув?

Я смотрел на него. Он весь состоял из круглых линий. Лицо, голубые глаза и даже дугообразные усики. И рот, и пухлые руки. Он напоминал воздушный шар на ниточке, который дети иногда отпускают, чтобы проверить как высоко он поднимется в небо. И имя его, Уолдо Блант, казалось надутым, как такой вот шар.

— Очень сожалею, старина… Немного я смог вам рассказать о Гэй.

Я чувствовал, что он отяжелел от усталости и отчаяния, но не сводил с него пристального взгляда, боясь, что при малейшем порыве ветра он улетит, оставив меня наедине с моими вопросами.

8

Авеню Маршала Лиоте огибает скаковой круг ипподрома в Отее. С правой стороны — беговая дорожка, с левой — дома, построенные по одному проекту и разделенные скверами. Я прошел мимо этих роскошных казарм и остановился перед той, где покончила с собой Гэй Орлова. Авеню Маршала Лиоте, 25. На каком этаже? Консьержка с тех пор наверняка сменилась. Остался ли здесь хоть один жилец, который сталкивался с Гэй Орловой на лестнице или поднимался с ней в лифте? Или кто-то, кто меня узнает, потому что часто встречался здесь со мной?

Должно быть, когда-то, давным-давно, по вечерам я с бьющимся сердцем поднимался по лестнице дома 25. Она ждала меня. Ее окна выходили на скаковой круг. Странно, наверное, было наблюдать скачки отсюда, сверху, крошечные лошадки и жокеи двигались, словно фигурки в тире, по кругу, собьешь все мишени — выигрыш твой.

На каком языке говорили мы между собой? На английском? Не в этой ли квартире была сделана

та фотография со стариком Джорджадзе? Как эта квартира была обставлена? Что, собственно, могли сказать друг другу вышеупомянутый Говард де Люц — я? — «из аристократической семьи», «доверенное лицо Джона Гилберта», и бывшая танцовщица, родом из Москвы, которая познакомилась на Палм-Айленд с Лаки Лучано?

Странные люди. Из тех, кто оставляет за собой лишь легкую дымку, которая тут же развеется. Мы с Хютте часто говорили об этих неуловимых существах. Они внезапно возникают из небытия и вновь погружаются в него, просверкав своими блестками. Королевы красоты. Сутенеры. Мотыльки. В большинстве из них даже при жизни не больше плотности, чем в летучем облачке пара. Хютте любил приводить в пример некоего «пляжного человека», как он его называл. Этот человек провел сорок лет своей жизни на пляжах или в бассейнах, болтая с курортниками и богатыми бездельниками. На тысячах летних фотографий он, в купальном костюме, стоит с краешка или на заднем плане какой-нибудь веселой компании, но вряд ли кто-нибудь мог бы сказать, как его зовут и откуда он взялся. Точно так же никто не заметил, как в один прекрасный день он исчез с фотографий. Я не осмеливался признаться Хютте,

но мне казалось, что «пляжный человек» — это я. Впрочем, он бы не удивился. Хютте всегда повторял, что, в сущности, все мы «пляжные люди» и что «песок, — я привожу его выражение дословно, — лишь несколько мгновений хранит отпечатки наших шагов».

Фасад одного из домов выходил на какой-то заброшенный сквер. Купы деревьев, кустарник, лужайка, где давно не подстригали траву. Возле кучи песка спокойно играл ребенок, совсем один в этот солнечный предвечерний час. Я сел у лужайки, обратил глаза к дому и подумал, не выходили ли окна Гэй Орловой на эту сторону.

9

Ночь, лампа с абажуром из опалового стекла в Агентстве отбрасывает яркое пятно света на обитый кожей стол Хютте. За столом сижу я. Я листаю ежегодники Боттена, старые и недавние, и делаю заметки по мере своих открытий.

ГОВАРД ДЕ ЛЮЦ (Жан Симети) и его супруга, урожденная Мэйбл Доунэхью, Вальбрез, Орн, тел. 21, и ул. Рейнуар, 23, тел. ОТЕЙ 15–28.

— КВФ — МЛ #

Светский Боттен, в котором это указано, был издан лет тридцать назад. Не о моем ли отце идет речь?

То же — в Боттене следующих лет. Смотрю в список символов и сокращений.

значит военный крест.

КВФ — Клуб Всех Флагов расцвечивания, МЛ — Motor Yacht Club Лазурного Берега, а # — владелец парусника.

Но десять лет спустя «ул. Рейнуар, 23, тел. ОТЕЙ 15–28» исчезает из справочника.

Исчезают также МЛ и #.

Через год остается только: мадам Говард де

Люц, урожденная Мэйбл Доунэхью, Вальбрез, Орн, тел. 21.

Потом вообще ничего.

Просматриваю парижские ежегодники за последнее десятилетие. В каждом из них Говард де Люц записан так:

Говард де Люц, К., сквер Анри-Пате, 3, XVI округ, тел. МОЛ 50–52.

Брат? Родственник?

И никакого упоминания в светских справочниках тех лет.

10

— Месье Говард ждет вас.

Наверное, это хозяйка ресторана на улице Бассано, брюнетка со светлыми глазами. Она жестом пригласила меня следовать за ней, мы спустились по лестнице и прошли в глубину зала. Там, за столиком, одиноко сидел мужчина. Он поднялся.

— Клод Говард, — сказал он.

И указал мне на стул напротив себя. Мы сели.

— Я опоздал. Простите.

— Не имеет значения.

Он с любопытством рассматривал меня. Может, узнал?

— Ваш звонок очень меня заинтриговал, — сказал он.

Я заставил себя улыбнуться.

— И особенно — ваш интерес к семейству Говард де Люц… последним представителем коего являюсь я, месье…

Он произнес эту фразу иронически, словно подсмеиваясь над собой.

— Впрочем, моя фамилия теперь просто Говард.

Так проще.

Он протянул мне карточку.

— Вы вовсе не обязаны заказывать то же, что и я. Я ведь ресторанный репортер… Вынужден пробовать фирменные блюда. Телячий зоб и рыбная солянка по-фламандски…

Он вздохнул. Вид у него действительно был удрученный.

— Больше не могу… Что бы со мной в жизни ни случилось, я вынужден есть…

Ему принесли запеченный паштет. Я заказал салат и фрукты.

— Вам хорошо… Мне-то никуда не деться… Чтобы вечером я смог написать заметку… Я вернулся сейчас с конкурса «Золотые потроха»… Был членом жюри… Пришлось проглотить сто семьдесят порций требухи за полтора дня!

Трудно было определить его возраст. Очень темные волосы, зачесанные назад, карие глаза, черты лица чуточку негроидные, несмотря на крайнюю бледность. Мы были одни в нижнем зале ресторана, расположенном в подвальном помещении. Хрустальные светильники, стены с бледно-голубыми деревянными панелями, обитая атласом мебель — в общем, дешевка под XVIII век.

— Я думал о том, что вы мне сказали по телефону… Говард де Люц, которым вы интересуетесь, не кто иной, как мой родственник Фредди…

— Вы так полагаете?

— Уверен. Но я его почти не знал…

— Фредди Говард де Люц?

— Да. В детстве мы иногда играли вместе.

— У вас нет его фотографий?

— Ни одной.

Он проглотил кусок паштета, с трудом преодолевая дурноту.

— Он мне даже не двоюродный брат… Так, седьмая вода на киселе… Говард де Люцев очень мало… По-моему, мы с отцом были единственные… да еще Фредди и его дед… Это французский род с острова Маврикий…

Он устало отодвинул от себя тарелку.

— Дед Фредди женился на богатой американке…

— Мэйбл Доунэхью?

— Вот-вот… У них было роскошное поместье в Орне…

— В Вальбрезе?

— Да вы просто Боттен, мой дорогой. — Он бросил на меня удивленный взгляд. — Потом, по-моему, они все потеряли… Фредди уехал в

Америку… Подробности мне, к сожалению, неизвестны. Да и это все — так, понаслышке… Я даже не знаю, жив ли еще Фредди…

— А как это узнать?

— Будь с нами мой отец… От него я узнавал все семейные новости… Увы…

Я достал из кармана снимок Гэй Орловой со стариком Джорджадзе и указал ему на темноволосого человека, похожего на меня.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Вам не кажется, что мы похожи?

Он склонился над фотографией.

— Может быть, — сказал он как-то неуверенно.

— А эту блондинку?

— Нет.

— Она, однако, была приятельницей вашего кузена Фредди.

Он вдруг как будто вспомнил что-то:

— Постойте-ка… да-да… Фредди уехал в Америку… Он вроде бы стал там доверенным лицом актера Джона Гилберта…

Доверенным лицом Джона Гилберта. Второй раз мне уже сообщали об этом, да что толку?

— Я это знаю, потому что он прислал мне тогда открытку из Америки…

— Вы сохранили ее?

— Нет, но я помню текст наизусть: «Все хорошо. Америка — прекрасная страна. Нашел работу: я доверенное лицо Джона Гилберта. Привет твоему отцу. Фредди». Меня это поразило…

— Вы не виделись с ним после его возвращения?

— Нет. Я и понятия не имел, что он вернулся.

— Если бы он сидел сейчас напротив вас, вы бы его узнали?

— Может быть, и нет.

Я не осмелился намекнуть ему, что Фредди Говард де Люц — это я. Прямых доказательств у меня еще не было. Но я не терял надежды…

— Когда я знал Фредди, ему было десять лет… Отец взял меня с собой в Вальбрез, чтобы мы поиграли вместе…

Официант подошел к нашему столику и ждал, пока Клод Говард на чем-нибудь остановит свой выбор, но тот даже не заметил его присутствия, и официант стоял навытяжку, словно часовой.

— Чтоб уж быть до конца честным, месье, мне кажется, что Фредди умер…

— Не надо так говорить…

— Я тронут, что вы интересуетесь судьбой нашего несчастного семейства. Нам не повезло… По

всей видимости, я единственный, кто остался в живых, — и поглядите, чем вынужден заниматься, чтобы заработать на жизнь…

Он ударил кулаком по столу, в это время принесли рыбную солянку, и хозяйка ресторана подошла к нам с заискивающей улыбкой.

— Месье Говард… «Золотые потроха» прошли удачно в этом году?

Но он не услышал ее слов и наклонился ко мне.

— В сущности, — сказал он, — нам не следовало уезжать с острова Маврикий…

11

Старый желто-серый вокзальчик, бетонная ажурная ограда, за ней перрон, на котором я оказался, выйдя из вагона пригородного поезда. Пустынная вокзальная площадь, только мальчик катается на роликах невдалеке под деревьями.

Давным-давно я тоже играл здесь, думал я. Это тихое место действительно что-то напоминало мне. Мой дед, Говард де Люц, приходил встречать меня к парижскому поезду — а может быть, наоборот? Летними вечерами я ждал его на перроне вместе с бабушкой, урожденной Мэйбл Доунэхью.

Дальше, за вокзалом, дорога, широкая, как шоссе, но машин на ней почти нет. Я иду вдоль парка с такой же бетонной оградой, что и на вокзальной площади.

По ту сторону дороги несколько магазинчиков под общей крышей. Кинотеатр. За ним скрытая листвой гостиница, она стоит на углу улицы, полого идущей вверх. Я сворачиваю на нее не раздумывая — план Вальбреза я уже изучил. В конце этой улицы, обсаженной деревьями, высокая ка-

менная стена, чем-то похожая на крепостную. На решетке ворот висит трухлявая дощечка, половину букв надо угадывать, но наконец мне удается прочесть: **«УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ВЛАДЕНИЯМИ»**. За воротами — запущенная лужайка. В глубине длинное здание из кирпича и камня в стиле Людовика XIII. Выступающая центральная его часть на этаж выше боковых флигелей, увенчанных башенками с куполами. Ставни на всех окнах закрыты.

Глубокая печаль охватила меня: возможно, я стоял перед замком, где прошло мое детство. Я толкнул калитку, она легко подалась. Сколько лет я не открывал ее? Справа я заметил кирпичное строение, скорее всего когда-то это была конюшня.

Трава доходила мне почти до колен, и я старался как можно быстрее пройти по лужайке к дому. Его безмолвие настораживало. Я боялся, что за фасадом нет уже ничего, кроме высокой травы и обломков рухнувших стен.

Меня окликнули. Я обернулся. У конюшни какой-то человек махал мне рукой. Я остановился и наблюдал, не двигаясь, как он идет ко мне по лужайке, больше похожей на джунгли. Довольно высокий, широкоплечий человек, в зеленом

вельветовом костюме.

— Что вам угодно?

Он остановился в нескольких шагах от меня. Усатый, темноволосый.

— Я бы хотел навести справки о месье Говард де Люце.

Я подошел ближе. Может, он меня узнает? Все время я упрямо надеялся на это, и каждый раз, увы, меня ждало разочарование.

— О каком именно Говард де Люце?

— О Фредди.

Я бросил «Фредди» дрогнувшим голосом, словно произносил свое собственное имя после долгих лет забвения.

Он вытаращил глаза:

— Фредди…

В эту минуту мне на самом деле показалось, что это мое имя.

— Фредди? Но его здесь уже нет…

Нет, он меня не узнал. Никто меня не узнавал.

— Так что, собственно говоря, вас интересует?

— Я хотел выяснить, что стало с Фредди Говард де Люцем…

Он недоверчиво посмотрел на меня и сунул руку в карман штанов. Вот выхватит сейчас оружие и пригрозит мне. Но нет. Он вытащил носовой

платок и вытер лоб.

— Вы кто?

— Я дружил с Фредди в Америке, очень давно, и хочу узнать, что с ним стало.

Лицо его прояснилось.

— В Америке? Вы дружили с Фредди в Америке?

Слово «Америка», казалось, произвело на него магическое действие. Он готов был чуть ли не расцеловать меня — в благодарность за дружбу с Фредди «в Америке».

— В Америке? Значит, вы знали его, когда он был доверенным лицом…

— Джона Гилберта.

Вся его подозрительность тут же исчезла. Он даже взял меня за руку.

— Пройдем здесь.

Он потянул меня влево, к каменной ограде, где трава была пониже и угадывались следы старой тропинки.

— У меня уже очень давно не было вестей от Фредди, — сказал он серьезно.

Его зеленый вельветовый костюм был местами сильно вытерт, на плечах, локтях и коленях нашиты кожаные заплатки.

— Вы американец?

— Да.

— Фредди прислал мне несколько открыток из Америки.

— Вы сохранили их?

— Конечно.

Мы зашагали к замку.

— Вы не бывали здесь прежде? — спросил он.

— Нет, никогда.

— А откуда же у вас адрес?

— Мне дал его кузен Фредди, Клод Говард де Люц…

— Я его не знаю.

Мы подошли к одной из башенок с куполом. Обогнули ее. Он показал мне дверцу:

— Только через эту дверь еще и можно войти.

Он повернул ключ. Мы вошли. Миновали пустую темную комнату, потом коридор. И оказались в комнате с разноцветными витражами, которые придавали ей вид не то часовни, не то зимнего сада.

— Здесь была летняя столовая, — сказал он.

Никакой мебели, кроме старого дивана, обитого потертым красным бархатом, — на него мы и сели. Он достал из кармана трубку и не торопясь раскурил ее. Сквозь витражи в комнату струился голубоватый свет.

Я поднял голову и увидел, что потолок тоже голубой, с бледными пятнами — облаками. Он проследил за моим взглядом.

— Это Фредди разрисовал потолок и стены.

На единственной стене комнаты, выкрашенной в зеленый цвет, — почти стершаяся пальма. Я старался представить себе эту комнату в те давние времена, когда мы здесь обедали. Потолок, на котором я написал небо. Зеленую стену — эта пальма, наверное, должна была вносить какую-то тропическую ноту. Витражи отбрасывают на наши лица синеватый свет. Только что же это были за лица?

— Осталась одна эта комната, в другие не войти, — сказал он. — Двери опечатаны.

— Почему?

— На дом наложен арест.

Я оцепенел.

— Все опечатали, но мне разрешили остаться. Не знаю, надолго ли?..

Он затянулся и покачал головой.

— Время от времени приходит какой-то тип из Управления — проверяет. Они, похоже, никак не примут решения.

— Кто?

— Управление.

Я плохо понимал, что он имеет в виду, но вспомнил трухлявую дощечку: «Управление Государственными Владениями».

— Вы давно здесь живете?

— О да… Я приехал, когда умер месье Говард де Люц… Дед Фредди… Я ухаживал за парком и служил шофером у мадам… У бабушки Фредди.

— А его родители?

— Они, видимо, умерли очень молодыми. Его воспитывали дед и бабушка.

Значит, меня воспитывали дед и бабушка. После смерти деда мы жили здесь с бабушкой, урожденной Мэйбл Доунэхью, и этим человеком.

— Как вас зовут?

— Робер.

— А как вас называл Фредди?

— Его бабушка звала меня Бобом. Она же была американка. И Фредди тоже Бобом.

Это имя, Боб, ничего во мне не пробудило. Но ведь и он не узнавал меня.

— Потом бабушка умерла. С деньгами и тогда уже было трудновато… Дед Фредди растратил состояние своей жены… Огромное американское состояние…

Он немедленно затянулся, и к потолку поползли струйки голубого дыма. Эта комната с

большими витражами и рисунками Фредди — моими? — на стене и на потолке была, наверное, его убежищем.

— Потом Фредди исчез… Не сказав ни слова… Не знаю, что случилось… На все их имущество наложен арест…

Опять эти слова «наложен арест», как дверь, которую грубо захлопывают перед вашим носом в ту минуту, когда вы намеревались переступить порог.

— И с тех пор я жду… Хотел бы я знать, что они собираются со мной делать… Они все-таки не могут просто выкинуть меня на улицу…

— Где вы живете?

— В бывших конюшнях. Дед Фредди переделал их.

Он смотрел на меня, зажав в зубах трубку.

— А вы? Расскажите, как вы познакомились с Фредди в Америке.

— Ну… это длинная история…

— Давайте немного пройдемся? Я покажу вам парк…

— С удовольствием.

Он открыл застекленную дверь, и мы спустились по каменным ступенькам. Перед нами была лужайка вроде той, по которой я с трудом проби-

рался к дому, но тут трава была гораздо ниже. К моему величайшему удивлению, задняя сторона здания совсем не соответствовала фасаду — она была построена из серого камня. И крыша была другая: ее усложняли многочисленные скаты и щипцы, так что дом, который с первого взгляда можно было принять за дворец времен Людовика XIII, напоминал с этой стороны скорее курортную виллу, построенную в конце XIX века, такие виллы и сейчас попадаются иногда в Биаррице.

— Я стараюсь ухаживать за этой частью парка, — сказал он. — Но одному трудно.

Мы прошли вдоль лужайки по аллее, посыпанной гравием. Слева от нас тянулись аккуратно подстриженные кусты в человеческий рост. Он указал на них.

— Лабиринт. Его посадил дед Фредди. Я слежу за ним, как могу. Надо же, чтобы хоть что-то оставалось как прежде.

Мы углубились в «лабиринт» с бокового входа, и нам пришлось наклониться, чтобы пройти под зеленым сводом. Тут пересекались многочисленные аллеи, и были свои перекрестки, круглые площадки, повороты под прямым углом, по синусоиде, и тупики, и зеленая деревянная скамейка под грабами… Наверное, ребенком я играл здесь

в прятки с дедом или со своими приятелями, и, без сомнения, в этом волшебном «лабиринте», где пахло бирючиной и сосной, я провел лучшие минуты своей жизни. Когда мы вышли, я не удержался:

— Странно… Этот лабиринт мне что-то напоминает…

Но он, казалось, не слышал меня… На краю лужайки стоял старый, заржавевший турник с двумя качелями.

— Вы позволите…

Он сел на качели и снова раскурил трубку. Я устроился рядом, на других качелях. Заходящее солнце обволакивало кусты и лужайку нежным оранжевым светом. И серый камень замка был весь в оранжевых бликах.

Тут я и показал ему фотографию, где были сняты Гэй Орлова, старый Джорджадзе и я.

— Вы знаете этих людей?

Он долго смотрел на снимок, не вынимая изо рта трубки.

— Ее-то я хорошо знал… — Он ткнул указательным пальцем в лицо Гэй Орловой. — Русскую…

Он произнес это как-то мечтательно и весело.

— Еще бы мне ее не знать, эту русскую…

Он усмехнулся:

— В последние годы Фредди часто бывал здесь вместе с ней… Девочка была что надо… Блондинка… Но уж пила, я вам скажу… Вы знали ее?

— Да, — сказал я. — Я видел ее с Фредди в Америке.

— Выходит, он познакомился с русской в Америке?

— Да.

— Вот она, наверное, могла бы вам сказать, где сейчас Фредди… Надо бы у нее спросить…

— А этот темноволосый, рядом с русской?

Он еще ниже склонился над фотографией, чтобы рассмотреть получше. Сердце мое забилось сильнее.

— Ну да… Его я тоже знаю… Постойте… Конечно… Это друг Фредди… Он приезжал сюда с Фредди, русской и еще одной девушкой… По-моему, он латиноамериканец или что-то в этом роде…

— Вам не кажется, что он похож на меня?

— Да… Может быть… — сказал он неуверенно.

Ну вот, теперь стало ясно, что меня звали не Фредди Говард де Люц. Я глядел на высокую траву — лучи заходящего солнца озаряли уже только край лужайки. Я никогда не гулял по ней под руку с американской бабушкой. Никогда не играл

ребенком в «лабиринте». И этот ржавый турник с качелями был поставлен не для меня. Жаль.

— Вы говорите — латиноамериканец?

— Да, но по-французски он говорил, как мы с вами…

— Он часто бывал здесь?

— Много раз.

— Откуда вы знаете, что он из Латинской Америки?

— Я как-то ездил за ним на машине в Париж, чтобы привезти сюда. Он назначил мне свидание у себя на службе… В каком-то латиноамериканском посольстве…

— В каком?

— Ну, вы слишком многого от меня хотите…

Мне надо было свыкнуться с этой переменой. Я уже не был отпрыском семейства, чья фамилия значилась в старых светских Боттенах и даже в ежегоднике, а каким-то латиноамериканцем, найти следы которого было бесконечно сложнее…

— По-моему, он друг детства Фредди.

— Он приезжал с дамой?

— Да. Два-три раза. Она была француженка. Приезжали все вчетвером, вместе с русской и Фредди… После смерти бабушки…

Он встал.

— Может, вернемся? Холодает…

Уже стемнело, и мы устроились в «летней столовой».

— Это была любимая комната Фредди… Они допоздна засиживались здесь с русской, латиноамериканцем и его девушкой…

Очертания дивана расплылись, на потолок ромбами и решеткой ложились тени. А я тщетно пытался уловить эхо наших давних вечеринок…

— Они поставили тут бильярд… Играла в основном подружка латиноамериканца… И всегда выигрывала… Можете мне поверить, я несколько раз был ее партнером… Вот, смотрите, бильярд еще здесь…

Он потянул меня в темный коридор, зажег карманный фонарик, и мы вышли в просторный, выложенный плитами холл, откуда вела наверх парадная лестница.

— Парадный вход.

Под лестницей я действительно увидел бильярд. Он осветил его фонариком. Белый шар лежал в самом центре, как будто партию прервали и вот-вот продолжат. И Гэй Орлова, а может быть, я, или Фредди, или эта загадочная француженка, сопровождавшая меня, или Боб

— кто-нибудь уже наклоняется для удара.

— Видите, бильярд все еще здесь…

Он провел лучом фонарика по парадной лестнице.

— Подниматься наверх нет смысла… Все опечатали…

Я подумал, что спальня Фредди находилась, наверное, наверху. Сначала это была детская, потом комната молодого человека, с книжными полками, с фотографиями, приколотыми к обоям, и на одной из них — кто знает?

Мы были сняты все вчетвером или вдвоем — Фредди и я, в обнимку. Боб оперся о бильярд, чтобы разжечь трубку. Я не мог оторвать взгляда от этой парадной лестницы, подниматься по которой не имело смысла, потому что наверху «все опечатали».

Мы вышли через боковую дверцу, и он запер ее на два оборота. Уже совсем стемнело.

— Мне надо успеть к парижскому поезду… — сказал я.

— Идите за мной.

Он взял меня за руку и повел вдоль каменной ограды. Мы подошли к бывшим конюшням. Он открыл застекленную дверь и зажег керосиновую лампу.

— Электричество уже давно отключили… А про воду забыли…

Мы очутились в комнате, в центре которой стоял стол темного дерева и плетеные стулья. На стенах висели фаянсовые тарелки и медные блюда. Над окном — кабанья голова.

— Я сейчас сделаю вам подарок.

Он направился к сундуку в углу комнаты и открыл его. Вытащил коробку. На крышке было написано: «Печенье Лефевр Ютиль — Нант». Он поставил коробку на стол.

— Вы были другом Фредди, да? — спросил он дрогнувшим голосом, подойдя ко мне.

— Да.

— Так вот, я вам это дарю… — Он показал на коробку. — Это память о Фредди… мелочи, которые мне удалось спасти, когда они пришли описывать имущество…

Он был очень взволнован. Мне даже показалось, что у него в глазах блеснули слезы…

— Я очень любил Фредди… Я знал его совсем юным… Он был мечтателем… Всегда повторял мне, что хочет купить парусник… Говорил: «Боб, ты будешь старшим помощником…» Бог весть, где он сейчас… если еще жив…

— Мы найдем его, — сказал я.

— Его слишком избаловала бабушка, понимаете…

Он взял коробку и протянул мне. Я вспомнил Степу де Джагорьева и его красную коробку. Никуда не денешься, все кончается старыми коробками от шоколадных конфет или печенья. Или сигар.

— Спасибо.

— Я провожу вас на поезд.

Мы пошли по просеке. Сноп света от его фонарика освещал нам дорогу. Правильно ли он идет? Мне казалось, мы углубляемся в чащу леса.

— Я пытаюсь вспомнить, как звали друга Фредди. Того, которого вы показали на фотографии… Латиноамериканца…

Мы пересекли поляну, трава на ней фосфоресцировала в лунном свете. Дальше начиналась рощица приморских сосен. Он погасил фонарик, потому что видно было почти как днем.

— Здесь Фредди катался на лошади с другим своим приятелем… Жокеем… Он никогда не рассказывал вам об этом жокее?

— Никогда.

— Я забыл его имя… Хотя он стал уже тогда знаменитостью… Он был жокеем у деда Фредди, когда старик держал скаковых лошадей…

— Латиноамериканец тоже знал жокея?

— Конечно. Они вместе приезжали. Жокей играл с ними на бильярде… Если я не ошибаюсь, именно он и познакомил Фредди с русской…

Я боялся, что не запомню всех подробностей. Надо было тут же записать это в блокнот.

Дорога полого поднималась вверх, но я шел с трудом, утопая в сухих листьях.

— Так вы не вспомнили имя латиноамериканца?

— Подождите… подождите… сейчас вспомню…

Я прижал к себе коробку из-под печенья, мне не терпелось узнать, что в ней. Может, я найду тут какие-то ответы на свои вопросы. Свое имя. Или имя жокея, например.

Мы дошли уже до насыпи, оставалось только спуститься на привокзальную площадь. Она была по-прежнему пустынной, только здание вокзала сверкало неоновым светом. По площади медленно проехал велосипедист и остановился перед зданием вокзала.

— Подождите… его звали… Педро…

Мы стояли на краю насыпи. Он снова вынул трубку и принялся чистить ее каким-то странным маленьким инструментом. Я повторял про себя это имя, данное мне при рождении, имя, которым

меня называли долгие годы моей жизни, имя, при звуке которого у кого-то в памяти возникало мое лицо. Педро.

12

Ничего особенного не было в этой коробке из-под печенья. Облупившийся оловянный солдатик с барабаном. Клевер с четырьмя листиками, наклеенный на белый конверт. Фотографии.

Я изображен на двух. Сомнений нет — это тот же человек, который снят вместе с Гэй Орловой и старым Джорджадзе. Высокий брюнет, разница только в том, что тогда у меня не было усов. На одной из фотографий я в обществе молодого человека, моего ровесника, такого же высокого, но с более светлыми волосами. Фредди? Да, потому что на обороте кто-то надписал карандашом: «Педро — Фредди — Лаболь». Мы на берегу моря, в купальных халатах. Снимок явно очень старый.

На втором нас четверо: Фредди, я, Гэй Орлова, которую я легко узнал, и та другая молодая женщина — мы сидим в «летней столовой», прямо на полу, откинувшись на край дивана, обитого красным бархатом. Справа виден бильярд.

На третьей фотографии — молодая женщина, которая снята с нами в «летней столовой». Она у бильярдного стола, в руках держит кий. Светлые

волосы падают на плечи. Не ее ли я привозил к Фредди? На другом снимке она стоит, облокотившись на перила какой-то веранды.

Открытка с видом Нью-Йорка: «Говард де Люцу для месье Робера Брюна. Вальбрез. Орн». Читаю:

«Дорогой Боб. Привет из Америки. До скорого. Фредди».

Странный документ, с грифом:

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ АРГЕНТИНА

№ 106

Генеральное консульство Республики Аргентина во Франции, представляющее интересы Греции в оккупированной зоне, удостоверяет, что во время мировой войны 1914–1918 гг. архивы мэрии г. Салоники были уничтожены пожаром.

Париж, 15 июля 1941 г.

Генеральный консул

Республики Аргентина,

представляющий интересы Греции.

Неразборчивая подпись, под которой напечатано на машинке:

Р.Л. де Оливейра Сезар, Генеральный консул.

Я? Нет, его зовут не Педро.

Маленькая газетная вырезка:

О СЕКВЕСТРИРОВАННОМ ИМУЩЕСТВЕ СЕМЬИ

ГОВАРД ДЕ ЛЮЦ

Согласно распоряжению Управления Государственными

Владениями в Вальбрезе (Орн), в замке Сен-Лазар,

7 и 11 апреля состоится распродажа движимого имущества:

Предметы искусства и обстановки — старинной и современной

Картины — Фарфор — Керамика — Ковры — Постельные принадлежности

Столовое белье — Рояль фабрики «Эрар» — Холодильник и т. д.

Вещи будут выставлены для осмотра в субботу, 6 апреля,

с 14 до 18 часов, а также утром, в дни продажи, с 10 до 12 часов.

Я открываю конверт с наклеенным четырехлистником. В нем лежат маленькие снимки, как для документов: на одном — Фредди, на другом — я, на третьем Гэй Орлова и на последнем — молодая женщина со светлыми волосами.

Там же я обнаруживаю незаполненный паспорт Доминиканской Республики.

Случайно перевернув фотографию светловолосой девушки, я читаю на обороте номер

телефона, написанный синими чернилами, почерк неразборчивый, тот же, что и на открытке из Америки:

ПЕДРО: АНЖУ 15–28.

13

В скольких записных книжках сохранился еще этот номер телефона, мой номер? А может, это просто телефон чьей-то конторы, где меня можно было застать в определенный день после обеда?

Я набираю АНЖУ 15–28. Долгие гудки, но никто не подходит. Остались ли еще в пустой квартире, в комнате, где никто уже давно не живет, а сегодня вечером тщетно звонит телефон, следы моего присутствия?

Мне даже не надо звонить в справочную. Достаточно, оттолкнувшись ногой, повернуться в кожаном кресле Хютте. Передо мной ряды Боттенов и справочников. Один из них поменьше, в шевровом переплете, с бледно-зеленым шрифтом. Он-то мне и нужен. Все номера телефонов, которые только существовали в Париже за последние тридцать лет, напечатаны там вместе с адресами абонентов.

Я листаю его с бьющимся сердцем. Наконец вижу:

АНЖУ 15–28 — VIII округ, ул. Камбасерес, 10-бис.

Но другой боттеновский справочник, где телефоны расписаны по улицам, такого номера не дает:

КАМБАСЕРЕС (улица)

VIII округ

10-бис ОБЩЕСТВО ЮВЕЛИРОВ .... МИР 18–16

..... АТЕЛЬЕ МОД ..... АНЖ 32–49

..... ПИЛЬГРАМ (Элен) ..... ЭЛИ 05–31

..... РЕББЕНДЕР (предпр.).. МИР 12–08

..... ПАНСИОН ..... АНЖ 50–52

..... С.Е.Ф.И.К. ..... МИР 74–31

..... МИР 74–32

..... МИР 74–33

14

Некто по имени Педро. АНЖУ 15–28. Улица Камбасерес, 10-бис. Восьмой округ.

Работал он как будто в одной из дипломатических миссий Латинской Америки. На часах, оставленных Хютте на столе, уже два. Внизу, по авеню Ньель, проносятся редкие машины, и иногда я слышу скрежет тормозов у светофора.

Я листаю старые Боттены со списками посольств, миссий и работавших там дипломатов.

Доминиканская Республика

Авеню Мессины, 21 (VIII). КАРНО 10–18.

Н… Чрезвычайный посол и полномочный министр.

Доктор Густаво Х.Энрикес. Первый секретарь.

Доктор Сальвадор Э.Парадас. Второй секретарь (с супругой), Эльзасская ул., 41 (X).

Доктор Бьенвенидо Каррaско. Атташе.

Улица Декамп, 45 (XVI), ТРО 42–91.

Венесуэла

Улица Коперника, 11 (XVI). ПАССИ 72–29.

Канцелярия: ул. Ла Помп, 115 (XVI). ПАССИ 10–89.

Доктор Карло Аристимуно Колл. Чрезвычайный посол
и полномочный министр.
Хайме Пикон Фебрес. Советник.
Антонио Маритуб. Первый секретарь.
Антонио Бриуно. Атташе.
Полковник Х.Лопес-Мендес. Военный атташе.
Педро Салагоа. Торговый атташе.
Гватемала
Площадь Жоффра, 12 (VII). СЕГЮР 09–59.
Адам Мориск Риос. Временный поверенный.
Исмаэль Гонсалес Аревало. Секретарь.
Фредерико Мурго. Атташе.
Эквадор
Авеню Ваграм, 91 (XVII). ЭТУАЛЬ 17–89.
Гонсало Сальдумбиде. Чрезвычайный посол
и полномочный министр (с супругой).
Альберто Пуиг Аросемена. Первый секретарь (с супругой).
Альфредо Ганготена. Третий секретарь (с супругой).
Карлос Гусман. Атташе (с супругой). Авеню Иены, 21 (XVI).
Сальвадор
Рикес Вега. Чрезвычайный посол.
Майор Х.Г.Вичо. Военный атташе (с дочерью).

Ф.Капурро. Первый секретарь.
Луис…
Буквы пляшут. Кто я?

15

Вы сворачиваете налево, и вас поражает пустота и безмолвие этой части улицы Камбасерес. Ни одной машины. Я прохожу мимо особняка и зажмуриваюсь, ослепленный радужным сверканием люстры с хрустальными подвесками, висящей в вестибюле. Ее пронизывают солнечные лучи.

10-бис — узкий пятиэтажный дом. На втором этаже высокие окна. Напротив, на другой стороне улицы, стоит на посту полицейский.

Одна из створок входной двери открыта, на лестнице горит свет. Длинный коридор с серыми стенами. В глубине — дверь с забранными в переплет квадратиками стекол, которую я открываю с трудом из-за тугой пружины. Ковра на лестнице нет.

Я останавливаюсь перед дверью на втором этаже. Я решил спрашивать у всех жильцов по очереди, не был ли прежде номер их телефона АНЖУ 15–28, и в горле у меня стоит комок — я отдаю себе отчет, что этот вопрос может показаться несколько странным. На двери медная табличка.

Я читаю: ЭЛЕН ПИЛЬГРАМ.

Звонок задребезжал тоненько, с перебоями. Я долго не отнимал от кнопки указательного пальца. Дверь приоткрыли. Показалась голова женщины с коротко стриженными пепельно-серыми волосами.

— Мадам… Я хотел бы узнать…

Она не спускала с меня взгляда очень светлых глаз. Трудно было сказать, сколько ей лет. Тридцать, пятьдесят?

— Ваш прежний номер телефона не АНЖУ 15–28?

Она нахмурилась:

— Да. А что?

Она распахнула дверь. На ней был мужской халат черного шелка.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Я… я жил здесь.

Она вышла на площадку и внимательно посмотрела на меня. Глаза ее внезапно округлились.

— Вы… вы… месье Макэвой?

— Да, — сказал я на всякий случай.

— Входите.

Она, по-моему, действительно была взволнована. Мы стояли лицом друг к другу посреди

передней с выщербленным паркетом. В некоторых местах были вклеены кусочки линолеума.

— А вы не так уж изменились, — сказала она с улыбкой.

— Вы тоже.

— Вы еще помните меня?

— Я прекрасно вас помню, — сказал я.

— Приятно слышать…

Она посмотрела на меня с нежностью:

— Прошу вас…

Я последовал за ней в большую комнату с высоким потолком и теми самыми окнами, на которые я обратил внимание еще на улице. Так же как в передней, паркет был кое-где испорчен и прикрыт белыми шерстяными ковриками. Комнату окутывал янтарный свет осеннего солнца.

— Садитесь, пожалуйста…

Она указала мне на стоящий у стены диванчик с бархатными подушками и села сама, слева от меня.

— Странно увидеть вас снова, так… внезапно.

— Я шел мимо, — сказал я.

Сейчас она казалась мне моложе, чем раньше, когда я увидел ее в дверях. Ни одной морщинки — ни в уголках губ, ни у глаз, ни на лбу, и ее гладкое лицо никак не вязалось с седыми волосами.

— Мне кажется, у вас изменился цвет волос, — рискнул я.

— Что вы… я поседела в двадцать пять лет… И решила не красить волосы…

Мебели в комнате было немного. Напротив бархатного диванчика у противоположной стены стоял прямоугольный стол. А между окнами — старый манекен, обтянутый грязной материей песочного цвета, его неожиданное присутствие здесь наводило на мысль о портняжной мастерской. Впрочем, и на столике в углу я заметил швейную машинку.

— Вы узнаете комнату? — спросила она. — Видите… Вещи я сохранила…

Она махнула рукой в сторону манекена.

— Все это осталось от Дениз…

Дениз?

— Да, действительно, — сказал я, — здесь мало что изменилось.

— А Дениз? — спросила она нетерпеливо. — Как она?

— Ну… — сказал я, — я давно ее не видел…

— А…

Она разочарованно покачала головой, словно поняла, что не следует больше говорить об этой Дениз. Из чувства такта.

— Скажите… а вы… вы давно знали Дениз?

— Да… Нас познакомил Леон.

— Леон?

— Леон Ван Аллен.

— Ну как же, конечно, — произнес я, пораженный ее тоном, почти укоризненным, когда при имени «Леон» я не вспомнил в ту же минуту этого Леона Ван Аллена. — А как поживает Леон Ван Аллен? — спросил я.

— О… я уже года два-три ничего о нем не слышала… Он уехал в голландскую Гвиану, в Парамарибо… Организовал там школу танцев…

— Танцев?

— Да. До ателье Леон занимался балетом… Вы разве не знали?

— Знал, конечно. Просто забыл.

Она откинулась назад, чтобы опереться о стену, и затянула туже пояс халата.

— Ну а как жили вы?

— Я? Да никак, собственно…

— Вы уже не работаете в миссии Доминиканской Республики?

— Нет.

— Помните, вы предложили сделать мне доминиканский паспорт? Вы говорили, что в нашей жизни всегда следует принимать меры предо-

сторожности и иметь одновременно несколько паспортов…

Это воспоминание позабавило ее. Она усмехнулась.

— Когда вы слышали о Дениз… в последний раз? — спросил я.

— Когда вы уехали с ней в Межев, она написала мне оттуда. А с тех пор ни слова.

Она вопросительно посмотрела на меня, но, видимо, не осмелилась задать прямой вопрос. Кто же такая эта Дениз? И какую роль играла она в моей жизни?

— Знаете, — сказал я, — бывают минуты, когда мне кажется, что я живу словно в тумане. У меня какие-то провалы в памяти… Периоды хандры… Проходя по этой улице, я позволил себе… подняться… чтобы… чтобы… вернуть…

Я тщетно искал точное слово, но это уже не имело значения, потому что она улыбалась, и по этой улыбке я понял, что мой поступок ее не удивил.

— Вы хотите сказать — вернуть доброе старое время?

— Да. Именно… Доброе старое время.

С низкого столика в изголовье дивана она взяла позолоченную коробку и открыла ее. В ней были сигареты.

— Нет, спасибо, — сказал я.

— Бросили? Это английские. Я же помню, вы курили только английские сигареты… Всякий раз, когда мы собирались здесь втроем, с Дениз, вы приносили мне полную сумку английских сигарет…

— Да, верно…

— Вы могли доставать их сколько угодно в Доминиканской миссии…

Я протянул руку к позолоченной коробке и взял сигарету, зажав ее между большим и указательным пальцами. Потом, не без опасения, сунул в рот. Закурив, она передала мне зажигалку. Мне пришлось чиркнуть несколько раз, прежде чем показалось пламя. Я затянулся. Но в ту же минуту ощутил болезненное покалывание и закашлялся.

— Отвык, — сказал я.

Я не знал, как мне избавиться от этой сигареты, и продолжал держать ее между большим и указательным пальцами, пока она тлела.

— Так, значит, — сказал я, — вы теперь живете здесь?

— Да. Я снова перебралась сюда, когда отчаялась узнать что-нибудь о Дениз… К тому же перед отъездом она сказала, что я могу вернуться в эту

квартиру…

— Перед отъездом?

— Ну да… С вами, в Межев…

Она пожала плечами, как будто для меня это должно было быть очевидным.

— Мне кажется, я недолго жил в этой квартире.

— Несколько месяцев, вместе с Дениз…

— А вы жили тут до нас?

Она озадаченно посмотрела на меня.

— Ну конечно, а как же… Это ведь моя квартира… Я предложила Дениз пожить здесь, потому что собиралась уехать из Парижа…

— Извините… Я… думал о другом.

— Дениз тут было очень удобно… Достаточно места, чтобы устроить швейную мастерскую.

Может, Дениз — портниха?

— Не могу понять, почему мы уехали из этой квартиры… — сказал я.

— Я тоже…

Снова этот вопросительный взгляд. Но что я мог ей объяснить? Я знал еще меньше, чем она. Обо всем этом я просто ничего не знал. Истлевший окурок жег мне пальцы, и наконец я все-таки положил его в пепельницу.

— Мы виделись с вами до того, как перебрались

сюда? — отважился я.

— Виделись. Два-три раза. У вас в отеле…

— В каком?

— На улице Камбон. Отель «Кастилия». Помните вашу с Дениз зеленую комнату?

— Да.

— Вы уехали из «Кастилии», потому что уже не чувствовали себя там в безопасности… Так ведь, да?

— Да.

— И правда, странное было время…

— Какое время?

Она не ответила и закурила новую сигарету.

— Если позволите, я покажу вам несколько фотографий…

Я достал из внутреннего кармана пиджака конверт, с которым уже не расставался. Я показал ей фотографию, где мы были сняты в «летней столовой» — Фредди Говард де Люц, Гэй Орлова, незнакомая девушка и я.

— Узнаете меня?

Она повернулась, чтобы рассмотреть фотографию на свету.

— Вы тут с Дениз, а двух других я не знаю…

Значит, это была Дениз.

— Вы не знаете Фредди Говард де Люца?

— Нет.

— А Гэй Орлову?

— Нет.

Как все-таки разобщенно живут люди, если даже их друзья незнакомы друг с другом. Жаль.

— У меня еще два ее снимка.

Я протянул ей маленькую карточку с удостоверения и ту, где Дениз стоит, облокотившись о перила.

— Эту я видела… По-моему, она даже послала мне ее из Межева… Не помню, куда я ее дела…

Я взял у нее снимок и внимательно вгляделся в него. Межев. За спиной Дениз окно с деревянными ставнями. Да, ставни, перила, веранда, — вполне возможно, что это и в самом деле горное шале.

— Все-таки наш отъезд в Межев был странной затеей, — неожиданно заявил я. — Дениз не говорила вам, что она об этом думает?

Она разглядывала карточку с удостоверения. С бьющимся сердцем я ждал, когда она наконец ответит.

Она подняла голову.

— Да… Дениз говорила… Она говорила, что Межев — надежное место… И что там у вас всегда будет возможность в случае чего перейти границу…

— Да, конечно…

Я не осмелился продолжать. Ну почему я начинаю так робеть и бояться, когда наконец подхожу к тому, что меня действительно глубоко волнует? Но она тоже, я понял это по ее взгляду, ждала от меня объяснений. Мы оба молчали. Наконец она решилась:

— Но что все-таки произошло в Межеве?

Она спросила это так настойчиво, что я впервые ощутил, как меня охватывает отчаяние, и даже не отчаяние, а чувство полной безнадежности, настигающее в тот момент, когда внезапно понимаешь, что никакие усилия, никакие душевные качества и благие порывы не помогут побороть непреодолимое препятствие.

— Я расскажу вам… в другой раз…

Наверное, в моем взгляде или голосе промелькнуло какое-то смятение, потому что она сжала мою руку, словно утешая, и сказала:

— Простите, что я задаю вам нескромные вопросы… Но… Дениз… была моей подругой…

— Понимаю…

Она поднялась.

— Подождите минутку.

Она вышла. Я посмотрел на светлые блики у своих ног — солнечные лучи падали прямо на

белый шерстяной коврик. Потом перевел взгляд на паркет, на прямоугольный стол и на старый манекен, принадлежавший некой Дениз. Неужели все-таки бывает, что так и не узнаешь места, где жил когда-то?

Она вернулась, неся что-то. Две книги. Записную книжку.

— Дениз забыла это, уезжая. Вот… Возьмите…

Я удивился, что она не сложила свои реликвии в коробку, как Степа де Джагорьев и бывший садовник матери Фредди. Впервые за время моих поисков мне не вручали коробку. Эта мысль рассмешила меня.

— Почему вы смеетесь?

— Да так…

Я рассматривал обложки книг. На первой из голубой дымки возникало лицо усатого китайца в котелке. «Чарли Чан». Другая обложка была желтая, в нижнем углу я заметил маску, пронзенную гусиным пером. «Анонимные письма».

— Дениз просто зачитывалась детективами, — сказала она. — И вот еще… — Она протянула мне записную книжку в крокодиловой коже.

— Спасибо.

Я открыл ее и стал листать. Ничего там не было — ни единого имени, ни назначенной встречи.

В календарике помечены дни и месяцы, но не год. Наконец между страницами я обнаружил сложенную бумажку и развернул ее:

«ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА — ПРЕФЕКТУРА ДЕПАРТАМЕНТА СЕНЫ

Выписка из свидетельства о рождении, XIII округ, Париж. Год 1917.

21 декабря тысяча девятьсот семнадцатого года, в пятнадцать часов, на Аустерлицкой набережной, в доме 19 родилась Дениз-Иветт Кудрез, женского пола, родители Поль Кудрез и Генриэтта Богарт, проживают по вышеуказанному адресу, профессии не имеют.

3 апреля 1939-го, в Париже (XVII), зарегистрировала брак с Джимми Педро Стерном. С подлинным верно.

Париж, шестнадцатое июня 1939».

— Вы видели? — спросил я.

Она бросила удивленный взгляд на эту метрику.

— Вы знали ее мужа? Этого Джимми Педро Стерна?

— Дениз никогда не говорила, что была замужем… А вы-то знали?

— Нет.

Я опустил записную книжку и метрику в кар-

ман, туда же, где лежал конверт с фотографиями, и непонятно почему меня пронзила внезапная мысль: как только смогу, надо будет обязательно зашить все эти сокровища в подкладку пиджака.

— Я очень благодарен вам, что вы мне отдали это.

— Да что вы, месье Макэвой.

Я обрадовался, когда она вновь произнесла мое имя, в первый раз я плохо расслышал, как оно звучит. Мне захотелось тут же записать его, но я не знал точно, как оно пишется.

— Мне нравится, как вы произносите «Макэвой», — сказал я. — Для француженки это, должно быть, трудно… Кстати, как вы его пишете? Почти все ошибаются…

Я произнес это игривым тоном. Она улыбнулась.

— М… а… к… э — маленькое, в… о… и… — по буквам произнесла она.

— Вместе, вы уверены?

— Абсолютно уверена, — сказала она, торжествуя, что мне не удалось ее поймать.

Значит, Макэвой.

— Браво, — сказал я.

— Я никогда не делаю орфографических ошибок.

— Педро Макэвой… Странное все-таки имя я ношу, вы не находите? Бывают минуты, когда мне кажется, что я еще не вполне к нему привык…

— Ой… чуть не забыла…

Она вынула из кармана конверт.

— Это последнее письмо Дениз…

Я развернул листок и прочел:

«Межев, 14 февраля.

Дорогая Элен,

Все решено. Завтра мы с Педро переходим границу. Как только смогу, напишу оттуда.

Пока даю тебе номер телефона одного человека в Париже, через которого мы сможем держать связь.

ОЛЕГ ДЕ ВРЕДЕ, ОТЕЙ 54–73.

Целую — Дениз».

— Вы звонили?

— Да, но всякий раз мне отвечали, что месье отсутствует.

— Кто он… этот Вреде?

— Не знаю. Дениз о нем никогда не говорила…

Солнце тем временем ушло из комнаты. Она зажгла лампу, стоявшую на низком столике у дивана.

— Я бы очень хотел заглянуть… в комнату, где мы жили…

— Ну конечно…

Мы прошли по коридору, и она открыла дверь справа.

— Вот, — сказала она. — Я больше не пользуюсь этой комнатой… Сплю в гостевой… Ну, знаете, в той… что во двор выходит…

Я остановился в дверях. Было еще довольно светло. На окне темно-вишневые занавески. Обои с бледно-голубым рисунком.

— Узнаете? — спросила она.

— Да.

В глубине комнаты, у стены, стояла кушетка. Я присел на краешек.

— Я могу немного побыть здесь один?

— Конечно.

— Это напомнит мне «доброе старое время»…

Она бросила на меня печальный взгляд и покачала головой.

— Пойду приготовлю чай…

Она вышла, и я огляделся вокруг. Паркет и здесь был выщерблен, но дыры так и оставались незаделанными. У стены напротив окна — камин белого мрамора, над ним зеркало в позолоченной раме, украшенной по углам раковинами. Я растянулся поперек кушетки и уставился сначала в потолок, потом на бледно-голубой рисунок обоев.

Я почти уткнулся лбом в стену, чтобы получше разглядеть мельчайшие детали. Пасторальные сценки. Девушки во взбитых париках качаются на качелях. Пастухи в штанах с буфами играют на мандолинах. Высокие деревья в лунном свете. Все это не вызывало у меня никаких воспоминаний, а ведь в этих рисунках я должен был знать каждый завиток, раз я спал здесь. На потолке, на стенах, у двери я искал какого-нибудь знака, следа, сам не знаю чего. Но моему взгляду не за что было зацепиться.

Я встал и подошел к окну. Выглянул из него.

Улица была такой же пустынной, как раньше, но уже стемнело. Напротив по-прежнему стоял на посту полицейский. Высунув голову, я увидел слева площадь, тоже пустынную. Там стояло еще несколько полицейских. Казалось, окна всех домов вокруг впитывают в себя медленно опускающуюся ночь. Эти окна так и оставались темными, и было очевидно, что никто там не живет.

И тут что-то во мне дрогнуло. Этот вид из окна вызывал чувство какой-то тревоги, страха — чувство, прежде уже знакомое мне. Фасады домов и пустынная улица, силуэты стоящих на посту полицейских в сумерках взволновали меня, как

волнуют вдруг возникшие из прошлого мелодия и аромат. И во мне появилась уверенность, что когда-то я часто вот так же неподвижно стоял в это же время у этого окна, всматриваясь в темноту, стоял не шелохнувшись, даже не осмеливаясь зажечь лампу.

Когда я вернулся в гостиную, мне показалось, что там никого нет, но она просто лежала на бархатном диванчике. Она спала. Я тихонько подошел и присел у нее в ногах. Поднос с чайником и двумя чашками стоял прямо на белом шерстяном коврике. Я кашлянул. Она не просыпалась. Тогда я налил чай в обе чашки. Чай был холодный.

Лампа в изголовье диванчика оставляла в темноте большую часть комнаты, и я с трудом различал стол, манекен и швейную машинку — предметы, которые оставила здесь Дениз. Как проводили мы вечера в этой комнате? Как мне это узнать?

Я пил чай маленькими глотками. Я слышал ее дыхание, едва уловимое, но в комнате было так тихо, что малейший шум, малейший шорох прозвучал бы с тревожной четкостью. Зачем ее будить? Она мало что может сказать мне. Я поставил чашку на белый коврик.

Паркет скрипнул подо мной, когда я выходил из комнаты в коридор.

Я поискал на ощупь дверь, потом кнопку, чтобы зажечь свет на лестничной клетке. Как можно тише притворил за собой дверь. Стоило мне толкнуть другую дверь, ту, в квадратных переплетах, чтобы выйти в вестибюль, как что-то снова дрогнуло во мне, точь-в-точь как раньше, когда я смотрел из окна. Круглый плафон под потолком освещал подъезд белым, очень резким светом. Понемногу я привык к нему. Я стоял и смотрел на серые стены и поблескивающие стеклянные квадраты двери.

На миг в моем сознании вспыхнула картина, подобная тем едва уловимым обрывкам сна, которые, пробуждаясь, пытаешься удержать в памяти, чтобы воссоздать весь сон целиком. Я увидел себя, увидел, как иду по темному Парижу и открываю дверь этого дома на улице Камбасерес. И сразу слепну и несколько секунд не вижу вообще ничего — настолько уличный мрак контрастирует с резким белым светом в подъезде.

Когда же это было? В те времена, когда меня звали Педро Макэвой и я возвращался сюда каждый вечер? Узнавал ли я сейчас подъезд, прямоугольный коврик, серые стены, круглый

плафон, охваченный медным кольцом? За прозрачными стеклами двери виднелись нижние ступеньки лестницы, и мне захотелось не спеша подняться по ней, чтобы пройти давним своим путем, повторить прежние движения.

Я думаю, что подъезды домов хранят шаги тех, кто когда-то часто бывал здесь и потом исчез. Какие-то замирающие волны и сейчас дрожат в воздухе, они становятся все слабее, но их можно уловить, если прислушаться. В сущности, может, я и не был никогда этим Педро Макэвоем, и вообще не был никем, но волны, то далекие, то более сильные, пронизывали меня, и все эти разрозненные отголоски, еще витавшие здесь, вдруг разом застыли — это и был я.

16

Отель «Кастилия», улица Камбон. Напротив конторки портье — маленькая гостиная. В застекленном книжном шкафу — история Реставрации Л. де Вьель-Кастеля. Как-то вечером, поднимаясь к себе, я, может быть, взял один из томов и забыл в нем письмо, фотографию или телеграмму, служившую мне закладкой. Но я не решаюсь попросить у Швейцара разрешения перелистать семнадцать томов в поисках этого оставленного мною следа.

За отелем — двор, окруженный стеной с зелеными решетками, по которым вьется плющ. Двор вымощен охряным булыжником — цвета песка на теннисных кортах. Столы и садовые стулья.

Значит, я жил здесь с этой Дениз Кудрез. Куда выходили окна нашей комнаты — на улицу Камбон или во двор?

17

Девять-бис по Аустерлицкой набережной. Четырехэтажный дом, в распахнутую входную дверь виден коридор с желтыми стенами. Рядом кафе под вывеской «Морское». За стеклянной дверью — табличка, на которой написано ярко-красными буквами: «Men spreekt vlaamsch».

У стойки толпятся человек десять. Я сажусь за пустой столик в глубине зала, у стены. На ней висит огромная фотография порта, внизу написано Антверпен.

Клиенты у стойки говорят во весь голос. Они все, видимо, работают где-то поблизости и выпивают здесь вечерний аперитив. Рядом со стеклянной дверью у бильярда-автомата стоит человек в темно-синем костюме и галстуке, резко выделяющийся среди прочих посетителей, одетых в кожаные и меховые куртки и спецовки. Он играет невозмутимо, спокойно, мягко оттягивая рукоятку.

От дыма трубок и сигарет у меня щипало глаза, я закашлялся. Пахло топленым свиным салом.

— Что вы желаете?

Я и не заметил, как он подошел ко мне. Я уже решил, что никто не поинтересуется, что я собираюсь заказать, — настолько мое присутствие за дальним столиком прошло незамеченным.

— Кофе, — сказал я.

Это был невысокий человек лет шестидесяти, совсем седой, с красным воспаленным лицом, выдававшим пристрастие к аперитивам. Его светло-голубые глаза казались совсем бесцветными на этом багровом фоне. Было даже что-то веселое в сочетании белого, красного и голубого, напоминающего по чистоте фаянс.

— Простите, — остановил я его, когда он уже отошел от столика, — что означает надпись на объявлении?

— Men spreekt vlaamsch?

Он произнес эту фразу звонким голосом.

— Да.

— Это означает: «Здесь говорят по-фламандски».

Он тут же оставил меня и вразвалку направился к стойке, бесцеремонно раздвигая клиентов, мешавших ему пройти.

Он вернулся с чашкой кофе, неся ее прямо перед собой в вытянутых руках, как будто ему стоило величайшего усилия не уронить ее.

— Вот.

Он поставил чашку на стол, отдуваясь, как марафонец, добежавший наконец до финиша.

— Месье… вам что-нибудь говорит фамилия Кудрез?

Я задал свой вопрос без всякой подготовки.

Он рухнул на стул напротив меня и скрестил руки. Он по-прежнему тяжело дышал.

— А что? Вы знали… Кудрез?

— Нет, но о них говорили у нас дома.

Его красное лицо приобрело кирпичный оттенок, на крыльях носа заблестели капельки пота.

— Кудрез… Он жил наверху… на третьем…

Он говорил с легким акцентом. Я отпил глоток кофе, твердо решив дать ему спокойно выговориться, потому что следующий вопрос мог бы его напугать…

— Он работал на Аустерлицком вокзале… А жена его родом из Антверпена… как и я…

— У них была дочь, да?

Он улыбнулся:

— Да. Прелестная девочка… Вы знали ее?

— Нет, но мне о ней рассказывали…

— И что с ней стало?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить.

— Она приходила сюда каждое утро за сига-

ретами для отца. Кудрез курил «Лоран», бельгийские…

Им завладели воспоминания, и мне казалось, он, как и я, уже не слышал ни раскатов смеха, ни громких голосов, ни пулеметного треска игрального автомата рядом с нами.

— Мировой был парень этот Кудрез… Я часто ужинал с ними там, наверху… Мы с его женой говорили по-фламандски…

— Вы ничего о них не знаете?

— Он умер… А жена вернулась в Антверпен… — Он размашистым движением провел рукой по столу. — Все это давно быльем поросло…

— Вы сказали, она приходила за сигаретами для отца… Какие он курил, простите?..

— «Лоран».

Я надеялся, что запомню это название.

— Забавная была девчушка… в десять лет она уже играла на бильярде с моими клиентами… — Он показал мне на дверь в глубине зала, ведущую, вероятно, в бильярдную. Значит, Дениз научилась этой игре здесь. Подождите, — сказал он. — Я вам кое-что покажу…

Он тяжело поднялся и пошел к стойке, так же раздвигая рукой клиентов, попадавшихся ему на пути. На большинстве из них были каскетки реч-

ников, они разговаривали на непонятном языке, наверное по-фламандски. Их было здесь очень много, видимо потому, что внизу, у Аустерлицкой набережной, стояли баржи, пришедшие, должно быть, из Бельгии.

— Вот, посмотрите…

Он уже снова сидел напротив и протягивал мне старый журнал мод, на обложке которого была изображена светлоглазая девушка с русыми волосами; в ее чертах проскальзывало что-то неуловимо азиатское. Я тут же узнал ее Дениз. Она была в черном болеро, с орхидеей в руке.

— Это Дениз, дочка Кудреза… Видите… прелестная девочка… Она стала манекенщицей… Я знал ее совсем маленькой…

Обложка была испачкана и заклеена скотчем.

— Я всегда вспоминаю, как она спускалась за сигаретами…

— Она не была… портнихой?

— Нет, не думаю.

— И вы правда не знаете, что с ней стало?

— Нет.

— У вас нет адреса ее матери в Антверпене? — Он покачал головой. У него был удрученный вид. — С этим давно покончено, старина…

Почему?

— Вы не могли бы одолжить мне журнал? — спросил я.

— Конечно, старина, только обещайте мне его вернуть.

— Обещаю.

— Я дорожу им. Он для меня вроде семейной реликвии.

— В котором часу она спускалась за сигаретами?

— Без четверти восемь, каждое утро. Перед тем как пойти в школу.

— В какую?

— На улице Женнер. Иногда мы с Кудрезом провожали ее.

Я потянулся за журналом, с бьющимся сердцем схватил его и подвинул к себе. Он ведь мог и передумать и не отдать его мне.

— Спасибо. Я вам принесу его завтра.

— Только точно, да? — Он подозрительно посмотрел на меня. — А почему все это вас так интересует? Вы им что, родственник?

— Да.

Я не мог удержаться и принялся разглядывать обложку. Дениз казалась тут несколько моложе, чем на фотографиях, которые уже были у меня. Ее шея наполовину скрыта листьями папоротника,

в ушах серьги. На заднем плане виднеется ангел, вырезанный из дерева. Внизу, в левом углу, выведено миниатюрными красными буквами, выделяющимися на фоне черного болеро: «Фото Жан-Мишеля Мансура».

— Выпьете чего-нибудь? — спросил он.

— Нет, спасибо.

— Ну тогда считайте, что кофе я вас угостил.

— Вы очень любезны.

Я поднялся, не выпуская из рук журнала. Он шел впереди, расчищая мне проход, — у стойки народу стало еще больше. Он что-то бросил им по-фламандски. Мы с трудом пробрались к застекленной двери. Он открыл ее и отер пот с лица.

— Не забудьте мне его вернуть, ладно? — сказал он, показывая на журнал.

Он вышел со мной на улицу и затворил дверь.

— Вот, смотрите… они жили там, наверху… на третьем… — В окнах горел свет. В глубине одной из комнат я различил шкаф из темного дерева. Сейчас там другие жильцы…

— А в какой комнате вы ужинали?

— В той… слева…

Он показал на окно.

— А комната Дениз?

— Она выходила на другую сторону… Во двор…

Он задумчиво стоял рядом со мной. Наконец я протянул ему руку.

— До свидания. Я принесу вам журнал.

— До свидания.

Он вернулся в кафе. Он смотрел на меня, прижав к стеклу свое крупное красное лицо. Дым трубок и сигарет окутывал людей у стойки желтым туманом, и это крупное красное лицо тоже становилось все более расплывчатым, потому что стекло запотевало от его дыхания.

Стемнело. Как раз в это время Дениз возвращалась из школы — в том случае, если оставалась там делать уроки. Какой дорогой она шла? Откуда появлялась, справа или слева? Я забыл спросить об этом хозяина кафе. В этот час машины здесь проезжали редко, листва платанов образовывала свод над Аустерлицкой набережной. Сам вокзал, расположенный чуть поодаль, напоминал станцию какого-нибудь городка на Юго-Западе. Дальше за вокзалом — Ботанический сад, а за ним тень и тяжелое безмолвие Винного рынка придавали еще больше покоя этому месту.

Я вошел в дом и зажег свет на лестнице. Коридор, выложенный черно-серыми ромбовидными плитками. Металлическая решетка для ног. На желтой стене почтовые ящики. И тот же запах

свиного сала.

Если я закрою глаза, подумал я, если сосредоточусь, сжав лоб пальцами, мне, быть может, удастся услышать далекий, очень далекий стук ее сандалий по ступенькам.

18

Но мне кажется, что впервые мы с Дениз встретились в баре отеля. Я сидел с человеком, изображенным на фотографиях, с Фредди Говард де Люцем, моим другом детства, и Гэй Орловой. Вернувшись из Америки, они жили какое-то время в этом отеле. Гэй Орлова сказала, что ждет подругу девушку, с которой они недавно познакомились.

Она еще только шла к нашему столику, а меня уже поразило ее лицо. Лицо азиатки, хотя волосы у нее были русые. Очень светлые узкие глаза. Высокие скулы. Довольно короткая стрижка. На голове забавная шапочка, вроде тирольской.

Фредди и Гэй Орлова попросили подождать их минутку и поднялись к себе. Мы остались сидеть друг напротив друга. Она улыбнулась.

Мы не разговаривали. В ее очень светлых глазах вспыхивали временами зеленые искры.

19

«МАНСУР, Жан-Мишель. Улица Габриэль, 1 (XVIII). КЛИ 72–01».

20

— Извините, — сказал он, когда я сел за его столик в кафе на улице Бланш; по телефону он предложил мне встретиться здесь часов в шесть вечера. — Извините, но я всегда назначаю свидание где-нибудь в городе… Особенно в первый раз… Теперь мы можем пойти ко мне…

Я легко узнал его — он сказал, что будет в темно-зеленом вельветовом костюме и что у него седые, совсем седые волосы, подстриженные ежиком. Эта строгая стрижка никак не вязалась с длинными черными ресницами, которые он то и дело вскидывал, миндалевидными глазами и женственным изгибом рта: в плавной линии верхней губы была какая-то мягкость, в нижней — напряжение и воля.

Когда он встал, я увидел, что он среднего роста. Он натянул плащ, и мы вышли из кафе.

На бульваре Клиши он показал мне здание рядом с «Мулен-Руж»:

— В прежние времена я назначил бы вам свидание у Граффа… Вон там… Но его больше не существует…

Мы пересекли бульвар и двинулись по улице Кусту. Он ускорил шаг, бросая украдкой взгляды на зеленоватые бары на другой стороне улицы, и когда мы дошли до большого гаража, он уже почти бежал. Остановился он только на углу улицы Лепик.

— Извините, — сказал он, задыхаясь, — но эта улица навевает на меня странные воспоминания… Извините…

Он и в самом деле был напуган. По-моему, он даже дрожал.

— Сейчас станет лучше… тут все будет хорошо…

Он улыбался, глядя на идущую вверх улицу Лепик с рыночными прилавками и ярко освещенными продуктовыми магазинами.

Мы свернули на улицу Аббатис. Он шел спокойным, размеренным шагом. Мне хотелось спросить его, что за «странные воспоминания» пробуждала в нем улица Кусту, но я не хотел быть бестактным и, кроме того, боялся, что он снова так странно разнервничается. И вдруг, когда мы были уже у самой площади Аббатис, он опять ускорил шаг. Я шел справа от него. Когда мы переходили улицу Жермен-Пилон, я заметил, что он с ужасом оглядывает узкую улочку с низкими

темными домами, круто спускавшуюся прямо к бульвару. Он изо всех сил сжал мне руку. Он цеплялся за меня, словно пытался спастись от созерцания этой улицы.

Я перевел его на другую сторону.

— Спасибо… Знаете… Все это так странно…

Он заколебался, вот-вот готовый разоткровенничаться.

— Я… У меня кружится голова всякий раз, когда я прохожу мимо улицы Жермен-Пилон… Я… Меня так и тянет пройти по ней… Это сильнее меня…

— Так почему бы вам не пройти?

— Потому что… улица… Жермен-Пилон… Тут когда-то… когда-то… было одно заведение… — Он запнулся. — О… — сказал он со смутной улыбкой. — Это так глупо с моей стороны… Монмартр очень изменился… Пришлось бы долго вам объяснять… Вы не знали прежнего Монмартра…

А что знал он?

Он жил на улице Габриэль, в доме поблизости от садов Сакре-Кер. Мы поднялись к нему с черного хода. Он долго открывал дверь, медленно и старательно поворачивая ключи в трех замочных скважинах, словно набирал очень сложный шифр в сейфе.

Крошечная квартирка. Только гостиная и

спальня. Когда-то это, наверное, была одна комната. Розовые атласные занавеси, схваченные серебряными шнурками, отделяли спальню от гостиной, которая была затянута голубым шелком, и занавески в тон скрывали единственное окно. Черные лакированные столики с безделушками из слоновой кости и яшмы, низкие широкие кресла, обитые бледно-зеленой материей, и диван, покрытый тканью еще более блекло-зеленой в разводах, делали комнату похожей на бонбоньерку. Освещали ее позолоченные бра.

— Садитесь, — сказал он.

Я сел на диван в разводах. Он — рядом.

— Ну… покажите…

Я вынул из кармана пиджака журнал мод и показал ему обложку, где была изображена Дениз. Он взял у меня журнал и надел очки в массивной черепаховой оправе.

— Да… да… Фото Жан-Мишеля Мансура… Это я, конечно я… Тут не может быть сомнений…

— Вы помните эту девушку?

— Нет, совсем не помню. Я редко работал для этого журнала… Скромное издание… Я работал больше для «Вог», понимаете…

Он хотел подчеркнуть свое положение.

— И вы больше ничего не можете мне сказать

об этой фотографии?

Он посмотрел на меня с усмешкой. При свете бра я заметил, что кожа на его лице была испещрена мелкими морщинками и веснушками.

— Да что вы, дорогой мой, сейчас я вам все скажу…

Он встал и, не выпуская из рук журнала, открыл ключом дверь, о существовании которой я и не подозревал, потому что она была затянута тем же голубым шелком, что и стены. Эта дверь вела в чулан. Я слышал, как он орудует там множеством металлических ящиков. Через несколько минут он вышел оттуда и тщательно запер за собой дверь.

— Вот, — сказал он. — У меня целая картотека негативов. Я храню все, с самого начала… Они расставлены по годам и по алфавиту…

Он снова сел рядом со мной и заглянул в карточку.

— Дениз… Кудрез… Так?

— Да.

— Я больше никогда ее не снимал… Теперь я вспомнил эту девушку… Ее много фотографировал Хойнинген-Хунне…

— Кто?

— Хойнинген-Хунне, немецкий фотограф… Ну

да… Конечно… Она много работала с Хойнинген-Хунне…

Всякий раз, когда Мансур произносил это имя, звучавшее так округло и жалобно, я чувствовал на себе взгляд светлых глаз Дениз, как в тот первый вечер.

— У меня есть ее адрес того времени, если это вас интересует…

— Конечно интересует, — ответил я дрогнувшим голосом.

— Римская улица, 97, Париж, XVII округ. Римская улица, 97…

Он внезапно вскинул голову и посмотрел на меня. Он смертельно побледнел, глаза его расширились…

— Римская улица, 97…

— Да что это с вами? — спросил я.

— Я теперь действительно вспомнил эту девушку… В ее доме жил один мой друг…

Он подозрительно посмотрел на меня и, казалось, был так же взбудоражен, как на улице Кусту и у поворота на Жермен-Пилон.

— Странное совпадение… Я прекрасно помню… Я зашел за ней на Римскую улицу, чтобы сделать фотографии, и воспользовался случаем забежать к другу… Он жил этажом выше…

— Вы были у нее?

— Да, но снимки мы делали в квартире моего друга… Он тоже был с нами, за компанию…

— Кто он, этот ваш друг?

Он побледнел еще больше. Ему, казалось, было страшно.

— Я… я объясню вам… но сначала я должен что-нибудь выпить… для поднятия духа…

Он поднялся и, подойдя к сервировочному столику на колесах, подкатил его к дивану. На верхнем подносе стояли графины с хрустальными пробками и висящими на цепочках серебряными пластинками с выгравированным названием ликера — похожие пластинки носили на шее музыканты вермахта.

— У меня только ликеры… Вы не возражаете?

— Нисколько.

— Я выпью «Мари Бризар»… а вы?

— Я тоже.

Он налил «Мари Бризар» в узкие рюмки, я попробовал, и приторность сладкого ликера слилась у меня с розовым атласом, слоновой костью и всей этой тошнотворной позолотой вокруг. Ликер воплощал в себе самый дух этой комнаты.

— Моего друга… с Римской улицы… убили…

Он произнес последнее слово с видимым уси-

лием, да и решился на него, несомненно, ради меня, иначе никогда бы не рискнул выразиться так определенно.

— Он был греком… из Египта… Написал две книги… и стихи…

— Вы думаете, Дениз Кудрез его знала?

— Ну… она, наверное, встречала его на лестнице, — сказал он раздраженно, ибо для него это не имело никакого значения.

— И… это случилось в доме?

— Да.

— Дениз Кудрез еще жила там?

Он даже не услышал моего вопроса.

— Это произошло ночью… Он впустил кого-то к себе… Он впускал к себе невесть кого…

— Убийцу нашли?

Он пожал плечами.

— Такого рода убийц никогда не находят… Я был уверен, что рано или поздно это с ним случится… Видели бы вы, каких типов он приводил по вечерам… Даже днем мне было бы страшно.

Он улыбнулся странной улыбкой, растроганной и испуганной одновременно.

— Как звали вашего друга?

— Алек Скуффи. Александрийский грек.

Он резко встал и отдернул небесно-голубые

шелковые занавеси на окне. Потом снова сел на диван возле меня.

— Простите… Иногда мне кажется, что за занавесками кто-то прячется… Еще «Мари Бризар»? Да, глоточек «Мари Бризар»…

Он старался говорить бодро, но при этом сжал мне руку, словно желая убедиться, что я был действительно здесь, рядом с ним.

— Скуффи переехал во Францию… Я познакомился с ним на Монмартре… Он написал прекрасную книгу — «Корабль на якоре»…

— Но, месье, — сказал я твердо, тщательно выговаривая слова, чтобы на этот раз он соблаговолил услышать мой вопрос, — вы говорите, что Дениз Кудрез жила этажом ниже, значит, она не могла не слышать какие-нибудь странные звуки той ночью… Ее наверняка вызывали как свидетельницу…

— Может быть.

Он пожал плечами. Нет, что и говорить, эта Дениз, значившая для меня так много, Дениз Кудрез, о которой я хотел бы узнать все, вплоть до самых незначительных ее поступков, решительно его не интересовала.

— Самое ужасное, что я знаю убийцу… Он производил обманчивое впечатление, потому что у

него было ангельское лицо… Только взгляд был очень жестокий… Серые глаза.

Он содрогнулся. Можно было подумать, что человек, о котором он говорит, находится рядом с нами и не спускает с него своих серых глаз.

— Гнусный мелкий подонок… В последний раз я видел его во время оккупации, в погребке на улице Камбон… Он сидел с каким-то немцем…

Его голос задрожал при этом воспоминании, и хотя я был поглощен мыслями о Дениз, от звука этого пронзительного голоса, гневного и жалобного, у меня возникло странное ощущение, которое я не мог объяснить, но тем не менее казавшееся мне совершенно очевидным, — в глубине души он завидовал участи своего, друга и негодовал, что человек с серыми глазами убил не его самого.

— Он еще жив… И по-прежнему здесь, в Париже… Кто-то мне сказал… Конечно, теперь у него не такое ангельское лицо… Хотите послушать его голос?

Я не успел ответить на этот странный вопрос — он уже поставил телефон на красный кожаный пуф рядом с нами и набрал номер. Потом передал мне трубку.

— Сейчас вы его услышите… Подождите… Он

называет себя «Голубой кавалер»…

Поначалу я слышал только короткие гудки, означавшие что линия занята. Потом в интервалах между гудками я начал различать женские и мужские голоса, бросавшие отрывистые фразы: «Морис и Жози просят Рене позвонить… Люсьен ждет Жанно на улице Конвента… Мадам дю Барри ищет партнера… Алкивиад свободен сегодня вечером…»

Между ними завязывались целые диалоги, голоса продолжали искать друг друга, несмотря на гудки, заглушавшие их. Все эти существа, не имевшие лиц, пытались обменяться номерами телефонов или паролем в надежде на встречу. Наконец откуда-то совсем издалека донесся голос, повторявший:

— «Голубой кавалер» свободен сегодня вечером… «Голубой кавалер» свободен сегодня вечером… Дайте номер телефона… Дайте номер телефона…

— Ну? — спросил Мансур. — Слышите? Вы слышите?

Он приник к трубке и приблизил ко мне свое лицо.

— Номер, который я набрал, уже давно никому не принадлежит. Они сообразили, что могут пе-

реговариваться таким способом.

Он замолчал, чтобы лучше слышать «Голубого кавалера», и я подумал, что эти голоса доносились из загробного мира и принадлежали людям исчезнувшим, — блуждающие голоса, которые могли ответить друг другу только по несуществующему номеру телефона.

— Чудовищно… просто чудовищно… — повторял он, прижимая к уху трубку. — Убийца… Вы его слышите?..

Он быстро нажал на рычаг. Он был весь в поту.

— Я покажу вам фотографию моего друга, которого убил этот подонок… И попробую найти для вас его роман «Корабль на якоре»… Вы обязательно должны его прочесть…

Он встал и вышел в спальню, отгороженную от гостиной розовыми атласными занавесями, — за ними виднелся край низкой кровати, покрытой шкурой ламы.

Я подошел к окну и посмотрел вниз, на рельсы фуникулера на Монмартре, на сады Сакре-Кер и дальше, на весь Париж, на его огни, крыши, тени. В этом лабиринте улиц и бульваров мы когда-то встретились с Дениз Кудрез. Наши дороги пересеклись среди бесчисленного множества дорог, по которым следуют тысячи и тысячи людей че-

рез весь Париж, словно тысячи и тысячи шариков гигантского бильярда, — и иногда эти шарики сталкиваются. Но ничего от этого не сохранилось, даже сверкающего следа, который оставляет за собой светлячок.

Мансур, задыхаясь, появился среди розовых занавесок. В руках он держал книгу и фотографии.

— Я нашел!.. Нашел!

Он просто сиял. Он, должно быть, боялся, что эти драгоценные реликвии потерялись. Сев напротив меня, он протянул мне книгу.

— Вот… Я очень ею дорожу, но вам могу одолжить… Вы обязательно должны ее прочесть… Прекрасная книга! И какое предчувствие! Алек предсказал свою смерть…

Он помрачнел.

— Я вам дам еще две-три его фотографии…

— Вы не хотите сохранить их?

— Нет-нет! Не беспокойтесь… У меня их десятки… И все негативы!

Я хотел попросить его напечатать мне несколько фотографий Дениз Кудрез, но не решился.

— Мне приятно дать фотографии Алека такому человеку, как вы…

— Спасибо.

— Вы глядите в окно? Прекрасный вид, правда?

Когда думаешь, что убийца Алека ходит… где-то там…

Тыльной стороной ладони он провел по стеклу, обводя лежащий внизу Париж.

— Теперь он уже, наверное, старик… чудовищный… накрашенный старик…

Поежившись, он задернул розовые атласные занавеси.

— Я предпочитаю не думать об этом.

— Мне пора идти, — сказал я. — Еще раз спасибо за фотографии.

— Вы меня покидаете? Не хотите еще глоточек «Мари Бризар»?

— Нет, спасибо.

По коридору, обтянутому темно-синим бархатом и освещенному бра с гирляндами хрустальных подвесок, он проводил меня до двери, ведущей на черную лестницу. На стене возле двери висела фотография мужчины в овальной рамке. Блондин с красивым энергичным лицом и мечтательным взглядом.

— Ричард Уолл. Мой американский друг… Его тоже убили… — Он как-то сгорбился и замер передо мной. — И многих других, — прошептал он, многих, многих других… Если бы я вел счет… Все эти мертвые…

Он открыл дверь. У него был такой несчастный вид, что я обнял его.

— Выкиньте это из головы, старина…

— Вы еще зайдете ко мне? Я так одинок… И я боюсь…

— Я приду.

— Прочтите обязательно Алека…

Тут я решился:

— Будьте так добры… Вы не могли бы напечатать несколько фотографий… Дениз Кудрез?

— Ну конечно. Все что захотите… Не потеряйте снимки Алека. И будьте осторожнее на улицах…

Он закрыл за мной дверь, и я услышал, как он запирает один за другим все замки. Я немного постоял на лестничной площадке. Я представил себе, как он возвращается по темно-синему коридору в гостиную с зеленым и розовым атласом. А там, я уверен, он опять наберет номер, лихорадочно прижмет к уху трубку и, дрожа, но не отрываясь, будет вслушиваться в далекие призывы «Голубого кавалера».

21

В то утро мы отправились в путь очень рано, в открытой машине Дениз, и мне кажется, выехали из города через Порт-Сен-Клу. Ярко светило солнце, потому что на Дениз была большая соломенная шляпа.

В каком-то городке, в департаменте Сена-и-Уаза, а может быть, Сена-и-Марна, мы спустились по пологой улице, обсаженной деревьями. Дениэ поставила машину у белой калитки, ведущей в сад. Она вошла в калитку, а я остался ждать на улице.

Посреди сада росла плакучая ива. За ней, в глубине, был летний домик. Я видел, как Дениз скрылась в нем.

Она вернулась с белокурой девочкой лет десяти, в серой юбке. Мы сели в машину — Дениз за руль, я рядом с ней, а девочка сзади. Где мы обедали, я забыл.

Но я помню, что после полудня мы гуляли в Версальском парке и катались с девочкой на лодке. Помню слепящие солнечные блики на воде. Дениз дала мне свои темные очки.

Потом мы сидели за круглым столиком под навесом, и девочка ела зеленое и розовое мороженое. Вокруг нас множество по-летнему одетых людей. Играет оркестр. Мы привезли девочку домой поздно вечером. Проезжая по городу, мы почему-то попали на ярмарку.

Я вижу пустынную улицу в сумерках, Дениз с девочкой в лиловом автоскутере, оставляющем за собой сноп ослепительных искр. Они смеялись, и девочка махала мне рукой. Кто была эта девочка?

22

В тот вечер в Агентстве я изучал фотографии, которые мне дал Мансур.

На диване сидит полный мужчина в шелковом домашнем халате, расшитом цветами. В правой руке, между большим и указательным пальцами, зажат мундштук. Левой он придерживает страницы книги, лежащей у него на колене. Он лысый, с густыми бровями, глаза его опущены. Он читает. Короткий массивный нос, горький изгиб рта, в одутловатом восточном лице есть что-то бульдожье. Над ним вырезанный из дерева ангел — тот самый, которого я разглядел на обложке журнала, за спиной Дениз Кудрез.

На второй фотографии он снят стоя, в белом костюме. Двубортный пиджак, полосатая рубашка, темный галстук. В левой руке он сжимает трость с набалдашником. Согнутая в локте правая рука — ладонью вверх — придает ему жеманный вид. Он держится очень прямо, словно привстав на цыпочки. Туфли у него черно-белые. Он постепенно сходит с фотографии, оживает, и я вижу, как он, прихрамывая, проходит по бульвару под

деревьями.

23

«7 ноября 1965.

Объект: СКУФФИ, Александр.

Родился: Александрия (Египет), 28 апреля 1885-го.

Подданство: греческое.

Впервые Александр Скуффи приехал во Францию в 1920-м.

Он проживал по следующим адресам:

Неапольская улица, 26, Париж (VIII);

Бернская ул., 11, Париж (VIII), в меблированных комнатах;

Отель «Чикаго», Римская улица, 99, Париж (XVII);

Римская ул., 97, Париж (XVII), 6 этаж.

Скуффи был литератором, ему принадлежат многочисленные журнальные статьи, стихи разных жанров и два романа: «Золотая рыбка» и «Корабль на якоре».

Он также учился вокалу и, хотя и не был профессиональным певцом, выступал в зале «Плейель» и в театре «Ла Монне» в Брюсселе. В Париже Скуффи был на подозрении у полиции нравов.

Рассматривался даже вопрос о его высылке как нежелательного лица.

В ноябре 1924 года, когда он жил на Неаполь-ской улице, 26, Скуффи подвергся допросу в полиции за попытку соблазнения несовершеннолетнего.

С ноября 1930-го по сентябрь 1931-го жил в отеле «Чикаго» (Римская ул., 99) вместе с двадцатилетним Пьером Д., солдатом Восьмого саперного полка в Версале. Видимо, Скуффи посещал специфические заведения на Монмартре. У Скуффи были большие доходы от земельных владений в Египте, унаследованных им от отца.

Был убит в своей квартире на Римской улице, 97.

Убийца так и не был найден».

«Объект: ДЕ ВРЕДЕ, Олег. ОТЕЙ 54–73.

Найти лицо, носящее это имя, пока не удалось. Возможно, де Вреде псевдоним или вымышленное имя. Не исключено, что он иностранный подданный, лишь недолгое время живший во Франции.

Номер телефона ОТЕЙ 54–73 упразднен с 1952 года.

В течение десяти лет, с 1942-го по 1952 г., он принадлежал ГАРАЖУ «КОМЕТА», ул. Фуко, 5,

Париж-XVI.

Гараж закрылся в 1952-м, на его месте вскоре будет построен доходный дом».

К этому напечатанному листку приложена записка:

«Дорогой друг, вот все, что я смог узнать. Если Вам понадобятся еще какие-нибудь сведения, пишите не стесняясь. Большой привет Хютте.

Ваш Жан-Пьер Бернарди».

24

Но почему Скуффи, этот толстяк с бульдожьим лицом, возникает в моей помутневшей памяти чаще, чем кто-либо другой? Может, из-за белого костюма? Яркое пятно пробивается сквозь туман, как звуки оркестра или чистый тембр голоса торжествуют над помехами и шумами, когда настраиваешь транзистор…

Я помню светлое пятно его костюма на лестнице и глухое равномерное постукивание трости с набалдашником по ступенькам. Он останавливался на каждой площадке. Я иногда сталкивался с ним, поднимаясь к Дениз. Я отчетливо вижу медные перила, стены песочного цвета, двойные, темного дерева, двери квартир. Свет лампочки на этажах, его лицо и грустные, мягкие бульдожьи глаза, выплывающие из темноты… Мне кажется даже, что, проходя, он здоровался со мной.

Кафе на углу Римской улицы и бульвара Батиньоль. Летом столики стоят прямо на тротуаре, и я сажусь за один из них. Уже вечер. Я жду Дениз. Последние лучи солнца задерживаются на фасаде и стеклянной крыше гаража на той стороне Рим-

ской улицы, у самых железнодорожных путей.

Вдруг я вижу его — он пересекает бульвар.

На нем белый костюм, в правой руке — трость с набалдашником. Он слегка прихрамывает. Он идет под деревьями, в сторону площади Клиши, и я провожаю глазами его прямой белый силуэт. Он уменьшается, уменьшается и, наконец, исчезает. Я отпиваю глоток воды с мятным сиропом и думаю: зачем он туда направляется? На какое свидание?

Дениз часто опаздывала. Она работала — теперь я все вспоминаю благодаря белому силуэту, удаляющемуся от меня по бульвару, — она работала у модельера, на улице Ла Боэси: это был худой блондин, потом он стал знаменитостью, но в то время только начинал. Я помню его имя — Жак — и, если наберусь терпения, отыщу и фамилию в старых Ботгенах у Хютте. Улица Ла Боэси…

Иногда она подходила к моему столику на террасе кафе уже затемно, но я не сердился на нее, я мог бы просидеть еще долго, попивая мятную воду. Я предпочитал ждать здесь, в кафе, а не в маленькой квартирке Дениз, неподалеку отсюда. Девять часов. Он, как обычно, пересекает бульвар. Кажется, что его костюм фосфоресцирует. Как-то вечером они с Дениз обменялись несколькими

словами там, под деревьями. В ослепительной белизне его костюма, в смуглом бульдожьем лице и иссиня-зеленой листве было что-то летнее и призрачное.

Мы с Дениз направлялись в обратную сторону, по бульвару Курсель. Париж, по которому мы шагали вдвоем, в то время был таким же летним и призрачным, как фосфоресцирующий костюм Скуффи. Мы плыли по этой ночи, напоенной ароматом бирючин, видневшихся за оградой парка Монсо. Машин было очень мало. Тихо зажигались никому не нужные в этот час красные и зеленые огни, и их чередующиеся сигналы были плавны и размеренны, как покачивание пальм.

Почти в самом конце авеню Гош, перед площадью Звезды, неизменно горел свет в больших окнах на втором этаже особняка, принадлежавшего когда-то сэру Базилю Захарову. Позже, а может, уже тогда я часто поднимался на второй этаж этого особняка. Множество кабинетов, и в них множество людей. Одни разговаривали, сбившись группками, другие лихорадочно крутили телефонные диски. Бесконечные хождения взад-вперед. И все эти люди даже не снимали пальто. Почему какие-то сцены из прошлого проступают внезапно с такой фотографической четкостью?

Мы ужинали неподалеку от авеню Виктора Гюго в баскском ресторане. Вчера вечером я пытался найти его, но безуспешно. А ведь я обошел весь район. Этот ресторан находился на углу двух тихих, спокойных улиц, перед ним была терраса под красно-зеленым холщовым навесом, огражденная растениями в кадках. На террасе полно народу. Я слышу гул голосов, позвякивание бокалов, вижу внутри ресторана стойку из красного дерева и над ней длинную фреску с пейзажем Серебряного берега. У меня в памяти сохранились и какие-то лица. Помню худого высокого блондина с улицы Ла Боэси, у которого работала Дениз, — он иногда садился на минутку к нам за столик. Брюнета с усиками, рыжеволосую женщину, еще одного блондина, кудрявого, он не переставая смеялся, — но, увы… я не могу соотнести эти лица с именами… Лысый череп бармена, готовившего коктейль, секрет которого был известен ему одному. Достаточно было бы вспомнить название коктейля — так же назывался и ресторан, — чтобы ожили и другие воспоминания, но как? Вчера вечером я кружил по этим улицам, прекрасно зная, что они те же, что и прежде, и все-таки не узнавал их. И дома, и ширина тротуара не изменились, но в те времена

освещение было другим и что-то иное витало в воздухе…

Мы возвращались той же дорогой. Часто ходили в кинотеатр в нашем квартале — его я нашел: «Руаяль-Вилье», на площади Левис. Площадь, скамейки, афишная тумба и деревья мне больше помогли узнать это место, чем фасад кинотеатра.

Если бы мне удалось вспомнить фильмы, которые мы тогда смотрели, я бы с точностью определил, какие это были годы, но у меня в памяти сохранились лишь смутные образы. Санки, скользящие по снегу. Каюта на теплоходе, куда входит мужчина в смокинге, силуэты танцующих за стеклянной дверью…

Мы возвращаемся на Римскую улицу. Вчера вечером я прошел ее до девяносто седьмого дома и, мне кажется, испытал, как и в те времена, чувство тревожного страха при виде решеток, железнодорожных путей и, по ту сторону, рекламы «ДЮБОННЕ», закрывавшей стену одного из домов, ее краски с тех пор, наверное, поблекли.

Отель «Чикаго» — номер 99 — уже не отель «Чикаго», но у конторки портье никто не мог мне сказать, когда именно его переименовали. Впрочем, это не имеет значения.

Девяносто седьмой — длинный дом. Раз Скуффи

жил на шестом этаже, квартира Дениз, находившаяся под ним, была на пятом. С левой или с правой стороны? Вдоль фасада не меньше двенадцати окон на каждом этаже, там, наверное, по две-три квартиры. Я долго смотрю на этот дом в надежде узнать балкон, форму окна или ставни. Нет, ничто здесь не пробуждает мою память.

Лестница тоже. Перила уже не те, что сверкают медью в моих воспоминаниях. Двери квартир не из темного дерева. А главное, свет на площадке лишен той дымки, из которой тогда возникало загадочное бульдожье лицо Скуффи. Спрашивать консьержку не имеет смысла. У нее это вызовет подозрение, а кроме того, консьержки меняются, как и все на свете.

Жила ли еще Дениз в этом доме, когда убили Скуффи? Такое трагическое происшествие не могло пройти незамеченным, если мы находились этажом ниже. Но в моей памяти не осталось ни малейшего следа. Наверное, Дениз недолго прожила на Римской улице, может, всего несколько месяцев. Жил ли я там тоже? Или у меня было какое-то другое пристанище в Париже?

Помню, как-то ночью мы вернулись очень поздно. Скуффи сидел на ступеньке, он опирался подбородком на руки, обхватившие набалдаш-

ник трости. Он весь как-то обмяк, в бульдожьем взгляде сквозило отчаяние. Мы остановились возле него. Он нас не видел. Мы пробовали заговорить с ним, помочь ему подняться к себе, но он был неподвижен, как восковая кукла. Лампочка погасла, выделялось только белое фосфоресцирующее пятно его костюма.

Все это, наверное, было в самом начале, когда мы с Дениз только познакомились.

25

Я повернул выключатель, но, вместо того чтобы выйти из Агентства, остался стоять в темноте. Потом снова зажег свет и снова погасил. Зажег в третий раз. И погасил. Это движение что-то пробуждало во мне: я видел себя, зажигающего свет в какой-то комнате, размером с эту, но когда — я не мог определить. И жест этот я повторял каждый вечер, в один и тот же час.

Отблески фонаря с авеню Ньель падали на стол и кресло Хютте. И тогда, в то время, я так же застывал на мгновение, погасив свет, как будто мне страшно было выйти. В глубине, у стены, в той комнате стоял застекленный книжный шкаф, рядом — камин из серого мрамора, увенчанный зеркалом, письменный стол с многочисленными ящиками и диван у окна, на который я обычно ложился, чтобы почитать. Окна выходили на безлюдную улицу, обсаженную деревьями.

В этом небольшом особняке располагалась миссия какой-то латиноамериканской страны. Не помню уже, что за пост я там занимал и почему у меня был отдельный кабинет. Мужчина и

женщина — я мало общался с ними — занимали соседние со мной кабинеты, и я слышал, как они печатали на машинке.

Приходившие ко мне довольно редкие посетители просили выдать им визы. Я вспомнил это внезапно, когда рылся в коробке из-под печенья, полученной от садовника в Вальбрезе, и наткнулся на паспорт Доминиканской Республики и фотокарточки для удостоверения личности. Но я работал там, замещая кого-то. Консула? Советника? Я звонил ему, чтобы получить инструкции. Кто это был?

Но прежде всего, где находилась эта миссия? Я в течение нескольких дней ходил по XVI округу, потому что возникшая в моей памяти безлюдная улица, обсаженная деревьями, напоминала улочки этого района. Я был подобен колдуну-водоискателю, следящему за малейшим подрагиванием своего прутика. Я останавливался в начале каждой улицы, надеясь, что при виде деревьев и домов во мне что-то дрогнет. И вроде бы я почувствовал это на углу улиц Молитор и Мирабо — внезапно у меня появилась уверенность, что каждый вечер, выходя из миссии, я оказывался где-то здесь.

В темноте я шел по коридору, который вел к

лестнице, слышал стук пишущей машинки и просовывал голову в дверь. Мужчины уже не было, женщина сидела в одиночестве перед своей машинкой. Я прощался с ней. Она бросала печатать и оборачивалась. Красивая брюнетка — я помню ее тропически яркое лицо. Она говорила мне что-то по-испански, улыбалась и вновь принималась за работу. Постояв немного в вестибюле, я наконец решался выйти.

И я убежден, что шел по улице Мирабо, такой прямой, темной и пустынной, что я прибавлял шагу, боясь быть замеченным, — кроме меня, там не было ни одного прохожего. Ниже, на углу Версальской авеню, еще светились окна кафе.

Бывало, я шел и в обратном направлении, углубляясь в тихие улочки Отея. Там я чувствовал себя в безопасности. В конце концов я выходил на шоссе Мюэтт. Я помню высокие дома на бульваре Эмиль-Ожье и улицу справа, куда я сворачивал. На первом этаже в окне с матовым стеклом, как в зубоврачебных кабинетах, всегда горел свет. Дениз ждала меня чуть дальше, в русском ресторане.

Я все время перечисляю бары и рестораны, но, если бы хоть где-то изредка не возникали таблички с названием улицы или сверкающая вывеска,

как бы я находил дорогу?

К ресторану примыкал сад, окруженный стенами. Оттуда в дверной проем был виден зал, затянутый красным бархатом. Было еще совсем светло, когда мы садились за столик в саду. Музыкант играл на цитре. Звучание этого инструмента, зеленый сумрак сада, запах листвы, доносившийся, наверное, из Булонского леса — он был совсем рядом, — все это тоже вбирала в себя тайна и печаль тех лет. Я пытался найти этот русский ресторан. Тщетно. Сама улица Мирабо не изменилась. В те вечера, когда я допоздна засиживался в миссии, я возвращался по Версальской авеню. Я мог бы спуститься в метро, но предпочитал пройтись по свежему воздуху. Набережная Пасси. Бирхакеймский мост. Потом Нью-Йоркская авеню, по которой я шел недавно вместе с Уолдо Блантом, и теперь я понимаю, почему у меня тогда защемило сердце. Не отдавая себе отчета, я ступал по давним своим следам. Сколько раз проходил я по Нью-Йоркской авеню… Площадь Альма, первый оазис. Потом деревья и свежесть аллеи Королевы. Остается еще пересечь площадь Согласия, и я у цели. Улица Руаяль. Я поворачиваю направо, на улицу Сент-Оноре. Налево — улица Камбон.

На улице Камбон ни одного огонька, только лиловатое мерцание, наверное от витрины. Я слышу, как отдается звук моих шагов по тротуару. Я один. И снова меня охватывает страх, тот страх, который я испытывал всякий раз, спускаясь по улице Мирабо, — страх, что меня заметят, остановят, потребуют документы. Было бы обидно — за несколько десятков метров до конечной цели. Только не бежать. Идти спокойно, ровным шагом.

Отель «Кастилия». Я открываю дверь. У конторки никого нет. Я прохожу в маленькую гостиную, чтобы перевести дух, отереть пот со лба. В эту ночь я снова избежал опасности. Наверху меня ждет она. Она одна ждет меня, она одна заметила бы мое исчезновение в этом городе.

Номер с бледно-зелеными стенами. Красные занавеси задернуты. Слева от постели горит ночник. Я слышу пряный аромат ее духов, и я не вижу ничего, кроме веснушек на ее коже и родинки на правом боку.

26

Часам к семи он с сыном возвращается с пляжа — это время суток он любил больше всего. Он держал мальчика за руку, или тот бежал впереди.

Улица была безлюдна, по тротуару скользили последние лучи солнца. Они шли вдоль аркад, и мальчик всякий раз застывал перед кондитерской «У королевы Астрид». А он разглядывал витрины книжного магазина.

В тот вечер его внимание привлекла одна книга, выставленная в витрине. В заглавии, напечатанном гранатовыми буквами, было слово «Кастилия», и, пока он шел под аркадами, сжимая руку сына, а тот веселился, перепрыгивая через солнечные лучи, бороздившие тротуар, это слово «Кастилия» воскресило в его памяти отель в Париже, неподалеку от улицы Фобур-Сент-Оноре.

Когда-то, очень давно, один человек назначил ему свидание в отеле «Кастилия». Он уже встречался с ним в особняке на авеню Гош, где толпились эти странные люди, которые, понизив голос, обделывали, видимо, какие-то свои дела. Этот человек предложил ему два брильянто-

вых браслета и зажим для галстука, потому что хотел бежать из Франции. Он оставил ему драгоценности, уложенные в кожаный футляр, они договорились встретиться на следующий день вечером в отеле «Кастилия», где тот жил.

Он вспомнил гостиничный холл с конторкой портье, рядом — крошечный бар и сад, обнесенный стеной с зеленой решеткой поверху. Швейцар позвонил, чтобы предупредить о его приходе, и назвал номер комнаты.

Его вчерашний знакомый лежал на кровати с сигаретой во рту. Он не втягивал дым, а нервно выбрасывал его плотными облачками. Высокий брюнет накануне, на авеню Гош, он представился как «бывший торговый атташе одной из латиноамериканских миссий». Но назвал только свое имя — Педро.

Педро присел на край кровати и улыбнулся ему робкой улыбкой. Почему-то он испытывал симпатию к этому Педро, хотя совсем его не знал. Казалось, тот чувствует себя в гостиничном номере как в западне. Он тут же протянул Педро конверт с деньгами. Накануне ему удалось перепродать драгоценности, получив большую прибыль. «Вот, — сказал он, — я добавил к условленной сумме половину прибыли». Педро поблагодарил

его и сунул конверт в ящик ночного столика.

В эту минуту он заметил, что дверца шкафа напротив кровати приоткрыта. На плечиках висели платья и меховая шубка. Значит, Педро жил здесь с женщиной. И он снова подумал, что положение Педро и этой женщины было, наверное, весьма ненадежным.

Педро, который уже снова лежал, закурил следующую сигарету. Он, видимо, почувствовал к нему доверие, потому что сказал:

— Я все реже решаюсь выходить на улицу… — И даже прибавил: — Иногда мне бывает так страшно, что я весь день не встаю с постели…

Прошло уже столько лет, а он все еще слышит две эти фразы, которые Педро произнес глухим голосом. Он не нашелся, что ответить. И вышел из положения каким-то общим замечанием, вроде: «В странное все-таки время мы живем».

Тогда Педро вдруг сказал:

— Я, кажется, нашел способ уехать из Франции… Когда есть деньги, все возможно…

Он вспомнил, что за окнами кружились крохотные снежинки, похожие на дождевые капли… И от этого падающего снега, и ночи, и тесного номера ему стало трудно дышать. Можно ли еще бежать куда-то, даже имея деньги?

— Да, — прошептал Педро. — У меня есть возможность попасть в Португалию… Через Швейцарию…

При слове «Португалия» он тут же представил себе зеленый океан, солнце, оранжад, который потягиваешь через соломинку, сидя под тентом. Быть может — кто знает? — подумал он в ту минуту, мы когда-нибудь встретимся с Педро, летом, в кафе, в Лиссабоне или Эшториле… Будем наливать себе сельтерскую, небрежно нажимая на рычажок сифона… И какими далекими покажутся тогда жалкий номер в отеле «Кастилия», снег, тьма, мрачный зимний Париж и все эти перепродажи, чтобы как-то вырваться отсюда… Уходя, он сказал Педро: «Удачи вам».

Что стало с Педро? Ему хотелось, чтобы этот человек, которого он видел всего два раза в жизни много лет назад, чувствовал себя так же покойно и счастливо, как он сегодня, в тихий летний вечер, гуляя с ребенком, перескакивающим через последние солнечные блики на тротуаре.

27

«Дорогой Ги, спасибо Вам за письмо. Мне очень хорошо в Ницце. Я нашел старую русскую церковь на улице Лоншан, куда меня часто водила бабушка. Это было в тот самый год, когда я пристрастился к теннису вслед за-шведским королем Густавом… В Ницце каждый закоулок напоминает мне детство.

В этой русской церкви есть комната, уставленная застекленными книжными шкафами. Посередине — большой стол вроде бильярдного и старые кресла. Каждую среду бабушка приходила сюда за книгами, и я увязывался за ней.

Книги были конца XIX века. Да и комната сохраняла очарование читален того времени. Я провожу в ней долгие часы, читая по-русски, хотя уже подзабыл язык.

Вдоль церкви тянется тенистый сад с высокими пальмами и эвкалиптами. И среди этих тропических деревьев вдруг возникает береза с серебристым стволом. Я думаю, ее посадили здесь, чтобы напомнить нам нашу далекую Россию.

Как мне сознаться Вам, дорогой Ги, что я до-

биваюсь должности библиотекаря? Если все получится — а я на это очень уповаю, — мне будет приятно принять Вас в местах моего детства.

После всех превратностей судьбы (я не осмелился сказать священнику, что был частным детективом) я возвращаюсь к своим истокам.

Вы были правы, в жизни важно не будущее, а прошлое.

Что касается Вашей просьбы, то мне кажется, разумнее всего Вам будет прибегнуть к помощи «Розыска по заявлению родственников». Я тут же написал де Сверту, который по роду своей деятельности может ответить на Ваши вопросы. Он без промедления вышлет Вам все собранные сведения.

Ваш Хютте.

P.S. По поводу так называемого Олега де Вреде, личность которого нам до сих пор не удавалось установить, хочу сообщить Вам хорошие новости: с ближайшей почтой Вы получите письмо с некоторыми данными о нем. Я порасспросил наудачу нескольких стариков из русской колонии в Ницце — мне казалось, что в фамилии Вреде есть что-то русское или остзейское, — и по счастливой случайности напал на мадам Каган, у которой это имя вызвало кое-какие воспоминания. Дур-

ные, честно говоря, которые она предпочла бы вычеркнуть из своей памяти, но она обещала мне написать Вам и рассказать все, что знает».

28

«Объект: КУДРЕЗ, Дениз Иветт.

Родилась: в Париже, 21 декабря 1917-го, от Поля Кудреза и Генриэтты, урожденной Богарт.

Подданство: французское.

3 апреля 1939-го в мэрии XVII округа зарегистрировала брак с Джимми Педро Стерном, родившимся 30 сентября 1912 г. в Салониках (Греция), греческим подданным.

Мадемуазель Кудрез проживала по следующим адресам:

Аустерлицкая набережная, 9, Париж (XIII);

Римская улица, 97, Париж (XVII);

Отель «Кастилия», ул. Камбон, Париж (VIII);

ул. Камбасерес, 10-бис, Париж (VIII).

Мадемуазель Кудрез позировала фотографам журналов под именем Мут.

Потом работала манекенщицей у Ж.Ф., ул. Ла Боэси, 32; в дальнейшем стала компаньонкой некоего Ван Аллена, голландского подданного, открывшего ателье мод на сквере Оперы, 6, Париж (IX), в апреле 1941 г. Ателье просуществовало недолго — оно закрылось в январе 1945-го.

Мадемуазель Кудрез исчезла, пытаясь тайно пересечь франко-швейцарскую границу в феврале 1943-го. Расследование, проведенное в Межеве (Верхняя Савойя) и Аннемассе (Верхняя Савойя), не дало никаких результатов».

29

«Объект: СТЕРН, Джимми Педро.

Родился: в Салониках (Греция), 30 сентября 1912-го, от Джорджа Стерна и Джювии Сарано.

Подданство: греческое.

3 апреля 1939 г. в мэрии XVII округа зарегистрировал брак с Дениз Иветт Кудрез, французской подданной.

Где месье Стерн жил во Франции, неизвестно.

Сохранилась лишь гостиничная карточка, датированная февралем 1939-го, где указано, что некий месье Джимми Педро Стерн проживал в это время по адресу:

Отель «Линкольн», ул. Байар, 24, Париж (VIII).

Тот же адрес фигурирует в акте бракосочетания в мэрии XVII округа.

Отеля «Линкольн» более не существует.

На карточке отеля «Линкольн» стояло:

Имя: СТЕРН, Джимми Педро.

Адрес: улица Темных Лавок, 2, Рим (Италия).

Профессия: маклер.

Месье Джимми Педро Стерн исчез в 1940 году».

30

«Объект: МАКЭВОЙ, Педро.

Было очень трудно собрать какие-либо сведения о месье Педро Макэвое как в префектуре полиции, так и в адресном столе.

Нам сообщили, что некий Педро Макэвой, подданный Доминиканской Республики, работал в Доминиканской миссии в Париже и проживал в декабре 1940 года на бульваре Жюльен-Потен, 9, в Нейи-сюр-Сен.

В дальнейшем его следы теряются.

Судя по всему, месье Педро Макэвой покинул Францию во время последней войны.

Возможно также, что этот человек пользовался чужим именем или фальшивыми документами, как нередко случалось в те годы».

31

День рождения Дениз. В тот зимний вечер в Париже шел снег, но тут же таял, превращаясь в грязь. Людей поглощало метро, они торопливо шагали по улицам. На Фобур-Сент-Оноре сверкали витрины. Приближалось Рождество.

Я зашел к ювелиру — я так и вижу лицо этого человека. Его бороду, очки с дымчатыми стеклами. Я купил Дениз кольцо. Когда я вышел из магазина, снег падал по-прежнему. Я испугался, что Дениз не придет на свидание, и тогда впервые мне пришло в голову, что мы можем потерять друг друга в этом городе, среди снующих в спешке теней.

Но я уже не помню, звали меня в тот вечер Джимми или Педро, Стерн или Макэвой.

32

Вальпараисо. Она стоит на задней площадке трамвая, около окна, зажатая в толпе пассажиров, между человечком в темных очках и черноволосой женщиной с лицом мумии, пахнущей фиалковыми духами.

Скоро они все сойдут на остановке у площади Эчауррен, и она сможет сесть. Она только два раза в неделю ездит в Вальпараисо за покупками, потому что живет на холмах, в квартале Серро Алегре. Она снимает там дом, в котором открыла балетную школу.

Она не жалеет, что покинула Париж пять лет назад, — после того как сломала ногу в щиколотке и узнала, что больше не сможет танцевать. Тогда она решила уехать и порвать со всем, что было ее жизнью. Почему Вальпараисо? Потому что здесь у нее был хоть один знакомый — бывший танцор балетной труппы Куэваса.

Она не собирается возвращаться в Европу. Она навсегда останется жить там, на холмах, будет давать уроки в своей балетной школе и в конце концов забудет старые фотографии, висящие на

стенах, — фотографии тех времен, когда она была в труппе полковника Базиля.

Она редко вспоминает о своей жизни до несчастного случая. В ее голове все смешалось. Она путает имена, места, даты. И все же одно воспоминание неизменно всплывает в ее голове, два раза в неделю, всегда в одно и то же время, в одном и том же месте, — воспоминание более четкое, чем остальные.

Это случается, когда трамвай, как и сегодня вечером, останавливается в нижней части проспекта Эррасурис. Тенистый, обсаженный деревьями проспект, полого поднимающийся вверх, напоминает ей улицу в Жуи-ан-Жоза, где она жила в детстве. У нее перед глазами стоит дом на углу улицы Доктора Курцена, плакучая ива, белая ограда, протестантский храм напротив и там внизу — ресторанчик «Робин Гуд». Она помнит одно воскресенье, так не похожее на все прочие, когда за ней приехала ее крестная.

Она ничего не знает об этой женщине и помнит только ее имя — Дениз. У нее была машина с открытым верхом. В то воскресенье ее сопровождал темноволосый мужчина. Они втроем ели мороженое и катались на лодке, а вечером, возвращаясь в Жуи-ан-Жоза, остановились на

ярмарке. Она с этой Дениз, своей крестной, каталась на автоскутере, а темноволосый мужчина смотрел на них.

Она хотела бы знать о них больше. Их имена и фамилии. Где они жили? Что с ними стало? Она всегда задает себе эти вопросы, пока трамвай едет по проспекту Эррасурис, поднимаясь к кварталу Серро Алегре.

33

В тот вечер я сидел за столиком в баре при бакалейной лавке, куда меня когда-то привел Хютте, — она находилась прямо напротив Агентства, на авеню Ньель. На полках за стойкой разложены экзотические продукты: разные сорта чая, рахат-лукум, варенье из розовых лепестков, балтийская сельдь. Завсегдатаи бара, бывшие жокеи, вспоминали былое, показывая друг другу старые, замызганные фотографии лошадей, давно уже не участвующих в скачках.

Двое мужчин у стойки разговаривали вполголоса. Один из них был в пальто цвета палых листьев, доходившем ему почти до пят. Как и большинство посетителей, он был невысокого роста. Он повернулся, вероятно, для того, чтобы посмотреть на часы, висевшие над входной дверью, и его взгляд упал на мое лицо.

Он смертельно побледнел. И уставился на меня, разинув рот, вытаращив глаза.

Нахмурившись, он медленно подошел ко мне. Остановился перед моим столиком.

— Педро…

Он помял ткань моего пиджака у плеча.

— Педро, это ты? — Я не решался ответить. Он, видимо, смутился. Простите, — сказал он. — Вы не Педро Макэвой?

— Да, — сказал я быстро. — А что?

— Педро, ты… ты не узнаешь меня?

— Нет.

Он сел напротив.

— Педро… Я… Я Андре Вилдмер… — Он был потрясен. Он взял меня за руку. — Андре Вилдмер… Жокей… Ты меня не помнишь?

— Извините, — сказал я. — У меня провалы в памяти. Когда мы с вами встречались?

— Но… ты же прекрасно знаешь… Я, Фредди…

Это имя словно током ударило меня. Жокей. Бывший садовник в Вальбрезе рассказывал мне про какого-то жокея.

— Странно, — сказал я. — Один человек говорил мне о вас… В Вальбрезе…

Глаза его увлажнились. Из-за того, что он был навеселе? Или просто разволновался?

— Но послушай, Педро… Ты что, не помнишь, как мы с Фредди ездили в Вальбрез?..

— Смутно. Садовник в Вальбрезе мне как раз про это рассказывал…

— Педро… но, значит, ты жив?

Он крепко сжал мне руку. До боли.

— Да. А что?

— Ты… ты в Париже?

— Да. А что тут такого?

Он смотрел на меня потрясенный. Ему трудно было поверить, что я жив. Что же все-таки произошло?

Как бы мне хотелось все наконец узнать, но он, видимо, не решался прямо заговорить об этом.

— Я… Я живу в Живерни… в департаменте Уаза… — сказал он. — И… редко приезжаю в Париж… Выпьешь что-нибудь, Педро?

— «Мари Бризар».

— Идет, я тоже.

Он сам, не торопясь, разлил ликер в рюмки, и я подумал, что он нарочно тянет время.

— Педро… Так что же произошло?

— Когда?

Он разом осушил рюмку.

— Когда вы с Дениз пытались перейти швейцарскую границу.

Что я мог ему ответить?

— Мы так и не получили от вас никаких вестей. Фредди очень беспокоился… — Он снова наполнил рюмку. — Мы решили, что вы заблудились в этих снегах…

— Не стоило волноваться, — сказал я.

— А что с Дениз?

Я пожал плечами.

— Вы хорошо помните Дениз? — спросил я.

— Что ты, Педро, конечно… И потом, почему ты со мной на «вы»?

— Извини, старик, — сказал я. — Последнее время я что-то в плохой форме… Пытаюсь вспомнить те годы… Но все как в тумане…

— Понимаю. Это было так давно… Ты помнишь свадьбу Фредди?

Он улыбнулся.

— Не очень.

— В Ницце… Когда они с Гэй поженились…

— С Гэй Орловой?

— Ну разумеется, с Гэй Орловой… На ком еще он мог жениться!

Он был явно огорчен, что свадьба Фредди не вызвала у меня никаких воспоминаний.

— В Ницце… В русской церкви… Венчание… Без гражданской регистрации…

— В какой русской церкви?

— В маленькой церквушке с садом…

В той, о которой говорит в своем письме Хютте? Бывают все-таки загадочные совпадения…

— Ну конечно, — сказал я, — конечно… русская

церквушка на улице Лоншан, с садом и приходской библиотекой…

— Так, значит, ты помнишь? Мы четверо были свидетелями… Держали венцы над головами Гэй и Фредди…

— Четверо?

— Ну да… ты, я, дед Гэй…

— Старик Джорджадзе?

— Ну да, Джорджадзе…

Фотография, где я снят в обществе Гэй и старого Джорджадзе, была наверняка сделана по этому случаю. Надо ему показать ее…

— А четвертый свидетель был твой друг Рубироза…

— Кто?

— Твой друг Рубироза… Порфирио… Доминиканский дипломат…

Он улыбнулся, вспомнив этого Порфирио Рубирозу. Доминиканский дипломат. Может, именно его я замещал в миссии.

— Потом мы пошли к старику Джорджадзе…

Я вдруг увидел, как мы идем по Ницце в полдень, по обсаженной платанами улице. Светит солнце.

— И Дениз была там?

Он пожал плечами:

— Конечно… Нет, ты действительно ничего не помнишь…

Мы все семеро — жокей, Дениз, я, Гэй Орлова, Фредди, Рубироза и старый Джорджадзе — беспечно шагаем по Ницце. В белых костюмах.

— Джорджадзе жил в угловом доме, у самого Эльзас-Лотарингского сада.

Пальмы, возносящиеся высоко в небо. Дети, съезжающие с горки. Белый фасад дома с оранжевыми холщовыми шторами. Наш смех на лестнице.

— Вечером твой друг Рубироза, чтобы отпраздновать свадьбу, повез нас ужинать в Эден-Рок… Ну что, вспоминаешь?

Он перевел дух, словно после тяжелой физической работы. Его, казалось, изнурили воспоминания об этом дне, когда венчались Фредди и Гэй Орлова, дне, полном солнца и беззаботности, который был, наверное, одним из лучших дней нашей юности.

— В общем, — сказал я, — мы с тобой так давно знаем друг друга…

— Да… Но сначала я познакомился с Фредди… Был жокеем у его деда… Недолго, к сожалению… Старик все потерял…

— А Гэй Орлова… ты знаешь, что…

— Знаю… Я жил совсем рядом с ней… У сквера Алискан…

Большой дом, окна, из которых Гэй Орловой открывался, наверное, прекрасный вид на скаковое поле Отея. Уолдо Блант, ее первый муж, сказал, что она покончила с собой, боясь старости. Я думаю, она часто смотрела из окна на эти скачки. Ежедневно после полудня по нескольку раз десяток лошадей берут старт, мчатся по полю ипподрома и, случается, падают, не сумев перемахнуть через барьер. Но и тем, кому удается преодолеть препятствия, не суждено долго бегать, всего месяц-другой, пока они тоже не исчезнут навсегда. Тут нужны все новые и новые лошади, они вытесняют старых. И без конца повторяется одно и то же — предельные усилия, которые кончаются ничем. Такое зрелище неминуемо вызывает тоску и отчаяние, и, кто знает, может, именно потому, что Гэй Орлова жила так близко от скакового поля, она… Я хотел спросить Андре Вилдмера, что он об этом думает. Он-то должен понимать. Жокей как-никак.

— Грустно это все, — сказал он. — Гэй была шикарная девочка…

Он наклонился и приблизил свое лицо к моему. У него была красная рябая кожа и карие глаза.

Правую щеку до самого подбородка рассекал шрам. Волосы каштановые, только надо лбом зачесана назад седая прядь.

— А ты, Педро…

Но я не дал ему закончить фразу.

— Ты знал меня, когда я жил в Нейи, на улице Жюльен-Потен? — спросил я наугад, ибо хорошо помнил адрес, указанный на карточке Педро Макэвоя.

— Когда ты жил у Рубирозы?.. Ну конечно…

Опять этот Рубироза.

— Мы часто приходили туда с Фредди… Пьянки были каждый вечер…

Он рассмеялся:

— Твой друг Рубироза заказывал оркестр… до шести утра… Помнишь две мелодии, которые он нам всегда играл на гитаре?

— Нет.

— «El Reloj»[4] и «Tu me acostumbraste»[5]. Чаще всего «Tu me acostumbraste». — Он стал насвистывать первые такты. — Ну?

— Да… да… вспоминаю… — сказал я.

— Вы достали мне доминиканский паспорт…

---

[4] Примечания: 4
«Часы» (исп.)

[5] Примечания: 5
«Ты меня приручаешь» (исп.)

Но он мне не пригодился…

— Ты бывал у меня в миссии? — спросил я.

— Да… Когда ты вручил мне паспорт.

— Так и не пойму, что я делал в этой миссии.

— Не знаю… Ты однажды сказал мне, что служишь кем-то вроде секретаря Рубирозы и что для тебя это хорошее укрытие… Как печально, что Руби погиб в той автомобильной катастрофе…

Да, печально. Еще один свидетель, которого я не смогу расспросить.

— Скажи мне, Педро… Как твое настоящее имя? Я просто сгорал от любопытства… Фредди говорил, что тебя зовут не Педро Макэвой… Это Руби добыл тебе фальшивые документы…

— Мое имя? Я сам был бы не прочь его узнать.

И я улыбнулся, чтобы он мог принять это за шутку.

— Фредди-то знал, вы ведь дружили еще в колледже… Вы мне все уши прожужжали про коллеж Луизы…

— Коллеж?..

— Луизы… Ты же прекрасно знаешь… Нечего дурака валять… Любимая ваша история, как твой отец приехал за вами на машине… Он разрешил Фредди сесть за руль, хотя у того еще не было прав… Вы мне раз сто это рассказывали…

Он покачал головой. Значит, у меня был отец, который приезжал за мной в коллеж Луизы. Интересная подробность.

— А ты? — спросил я. — По-прежнему с лошадьми?

— Я теперь обучаю верховой езде, устроился в одном манеже в Живерни…

Он сказал это так серьезно, что я удивился.

— Ты ведь знаешь, после того несчастного случая все полетело кувырком… — Какого несчастного случая? Я не решался спросить его… Когда я поехал с вами в Межев — с тобой, Дениз, Фредди и Гэй, дела уже шли не очень-то… Я потерял место тренера… Они испугались того, что я англичанин… Им нужны были только французы…

Англичанин? Да. Он говорил с легким акцентом, которого до сих пор я почти не замечал. У меня глухо забилось сердце, когда он произнес это слово «Межев».

— Странная все-таки была идея — отправиться в Межев, верно? — рискнул я.

— Почему странная? Мы не могли поступить иначе…

— Думаешь?

— Это было надежное место… В Париже становилось слишком опасно…

— Ты правда так думаешь?

— Ну, Педро, вспомни же… Проверки документов шли одна за другой… Я англичанин… Фредди жил с английским паспортом…

— С английским…

— Ну да… Семья Фредди была родом с острова Маврикий… Да и твое положение было не лучше… А выданные нам доминиканские паспорта уже не могли нас прикрыть… Вспомни… Твой друг Рубироза сам…

Я не расслышал окончания фразы. Мне показалось, он потерял голос.

Он отпил ликер, и в эту минуту в бар вошли четыре человека, постоянные клиенты, все бывшие жокеи. Я их узнал, я часто слушал их разговоры. Один был, как всегда, в старых штанах для верховой езды и грязной замшевой куртке. Они похлопали Вилдмера по плечу. Они говорили все разом, громко хохотали и вообще производили слишком много шума. Вилдмер их мне не представил.

Они сели у стойки, не прекращая громко переговариваться.

— Педро… — Вилдмер наклонился ко мне. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Губы его подергивались, как будто ему стоило

невероятных усилий произнести эти слова. — Педро… Что случилось с Дениз, когда вы пытались перейти границу?

— Не знаю, — сказал я.

Он пристально посмотрел на меня. Наверное, он был слегка пьян.

— Педро… Ведь я предупреждал тебя, когда вы уходили, что надо остерегаться этого типа…

— Какого типа?

— Ну того, кто предлагал перевести вас через швейцарскую границу… Русский с рожей сутенера… — Он побагровел. Глотнул ликера. — Вспомни… Я же говорил, что и второму нельзя доверять… Лыжному тренеру…

— Какому лыжному тренеру?

— Он должен был быть вашим проводником… Ты же знаешь… Боб… как его там… Боб Бессон… Почему вы ушли?.. Вам же так хорошо жилось с нами в шале…

Что сказать ему? Я кивнул. Он залпом осушил рюмку.

— Его звали Боб Бессон? — переспросил я.

— Да. Боб Бессон…

— А русского?

Он сдвинул брови.

— Не помню…

Его внимание уже рассеялось. Он сделал над собой огромное усилие, чтобы заговорить со мной о прошлом, и уже выдохся. Так изнуренный пловец, в последний раз подняв голову над водой, медленно начинает тонуть. В конце концов, я не очень-то помог ему вспомнить все это.

Он встал и присоединился к остальным. Он возвращался к своим привычкам. Я слышал, как он громко говорил о скачках, состоявшихся сегодня после обеда в Венсенне. Тот, что был в штанах для верховой езды, всех угощал. У Вилдмера снова прорезался голос, он был так возбужден, так горячился, что даже забыл зажечь сигарету. Она просто висела у него на губе. Встань я прямо перед ним, он бы меня не узнал.

Выходя, я попрощался и помахал ему рукой, но он не ответил мне. Он был поглощен своим разговором.

34

Виши. Американский автомобиль останавливается у ограды парка Суре, перед отелем «Де-ля-Пэ». Его кузов забрызган грязью. Из автомобиля выходят двое мужчин и женщина, направляются к отелю. Мужчины небриты, один из них, тот, что повыше, поддерживает женщину под руку. У отеля расставлены плетеные кресла, в них, уронив голову, дремлют люди, им явно не мешает палящее июльское солнце.

В холле эти трое с трудом протискиваются к конторке портье. Им приходится огибать кресла и даже раскладушки, на которых тоже спят люди, некоторые в военных мундирах. Другие, сбившись в плотные группки человек по пять — десять, толпятся в гостиной за холлом, громко переговариваются, и этот шум угнетает еще больше, чем липкая духота на улице. Наконец они добираются до портье, и высокий мужчина протягивает ему три паспорта. У двоих паспорта дипломатической миссии Доминиканской Республики в Париже, один на имя Порфирио Рубироэы, другой — Педро Макэвоя, третий фран-

цузский, на имя Дениз Иветт Кудрез.

Портье, весь взмокший от пота, капельками стекающего к подбородку, усталым движением возвращает им паспорта. Нет, во всем Виши в отелях нет ни одного свободного номера — «в связи с событиями»… Остались, правда, два кресла — в крайнем случае их можно отнести наверх, в прачечную, или поставить в туалетную комнату на первом этаже… Его слова тонут в гуле голосов вокруг, металлическом позвякивании лифта, телефонных звонках и объявлениях из громкоговорителя, укрепленного над конторкой.

Двое мужчин и женщина, шатаясь от усталости, выходят из отеля. Небо внезапно затягивают лилово-серые облака. Они идут через парк Суре. Вдоль газонов, на мощеных аллеях, под крытыми галереями люди сбиваются в группки еще теснее, чем в холле отеля. Все они говорят очень громко, некоторые снуют от одной группы к другой или уединяются по двое-по трое на скамейках и железных стульях, расставленных в парке, и только потом возвращаются к своим… Это напоминает огромный школьный двор во время перемены, когда ждешь не дождешься звонка, который положит конец суете и гудению, оно нарастает с каждой минутой и оглушает тебя. А звонка все

нет и нет.

Высокий брюнет по-прежнему держит женщину под руку. Его спутник снимает пиджак. Они все идут, на них на бегу налетают люди, мечущиеся в поисках друг друга или своей группки, которая, стоило им отойти, распалась и смешалась с остальными.

Двое мужчин и женщина останавливаются у террасы кафе «Реставрация». Терраса переполнена, но — о чудо! — из-за столика вдруг встают пять человек, и они в изнеможении падают на плетеные стулья. Они смотрят, оцепенев, на людей у казино.

Парк заволакивает туманом, лиственные своды задерживают его, и он густеет, словно пар в турецкой бане. Этот туман проникает в легкие, постепенно размывает силуэты толпящихся у казино, поглощает их болтовню. Пожилая дама за соседним столиком разражается рыданиями и, всхлипывая, повторяет, что граница перекрыта в Андае.

Голова женщины покоится на плече высокого брюнета. Ее глаза закрыты. Она спит младенческим сном. Мужчины улыбаются друг другу. И снова смотрят на людей, стоящих у казино.

Полил дождь. Муссонный ливень. Он насквозь

пронзает пышную листву платанов и каштанов. Люди у казино, натыкаясь друг на друга, спешат укрыться под стеклянными навесами, а сидевшие на террасе торопливо проталкиваются внутрь кафе.

Только двое мужчин и женщина не двинулись с места — зонтик над столом защищает их от дождя. Женщина по-прежнему спит, уткнувшись щекой в плечо высокого брюнета, он смотрит отсутствующим взглядом прямо перед собой, а его приятель рассеянно насвистывает мелодию «Tu me acostumbraste».

35

Из окна видна большая лужайка, огибающая ее аллея усыпана гравием. Она полого поднимается к дому, в котором я нахожусь и который напоминает мне белокаменные особняки на берегу Средиземного моря. Только поднявшись по ступенькам на крыльцо, я разглядел надпись серебряными буквами, украшавшую парадный вход: «Коллеж Луизы д'Албани».

Внизу, в конце лужайки, — теннисный корт. Справа ряд берез и бассейн, но вода в нем спущена, а трамплин полуразрушен.

Он подошел ко мне и стал рядом, у окна.

— Увы, месье… вынужден вас огорчить… Все архивы коллежа сгорели… Все без остатка…

Мужчина лет шестидесяти, очки в светлой черепаховой оправе, твидовый пиджак.

— В любом случае мадам Жаншмидт не дала бы разрешения… После смерти своего супруга она и слышать не желает о коллеже Луизы.

— Может, где-нибудь завалялись старые фотографии, сделанные во время занятий? — спрашиваю я.

— Нет, месье. Повторяю вам, все сгорело…

— Вы долго работали в коллеже?

— Два последних года его существования. Потом наш директор, месье Жаншмидт, умер… Но коллеж был уже не тот, что раньше…

Он задумчиво посмотрел в окно.

— Мне, как бывшему ученику, приятно было бы обнаружить какие-нибудь следы, — говорю я.

— Я понимаю. Увы…

— Что же будет с коллежем?

— О, все продадут с молотка.

Он обвел небрежным жестом лужайку, корт и бассейн за окном.

— Хотите взглянуть в последний раз на классные комнаты и дортуары?

— Нет, не беспокойтесь.

Он вынул из кармана пиджака трубку и сунул ее в рот. Мы по-прежнему стояли у окна.

— А что было в том деревянном здании, слева?

— Раздевалка, месье. Там переодевались для спортивных занятий…

— Ах да…

Он набил трубку.

— Я все забыл… Мы ходили в форме?

— Нет, месье. Только на ужин и в воскресные дни был обязателен темно-синий блейзер.

Я подошел еще ближе к окну. Прижался лбом к стеклу. Внизу перед белым зданием тянулась эспланада, посыпанная гравием, но сквозь него уже кое-где пробивались сорняки. Я легко представил себе нас с Фредди в этих блейзерах. И попытался вообразить, как же выглядел человек, который приехал однажды, чтобы забрать нас на день, вышел из машины и направился к нам, — как выглядел мой отец.

36

«Мадам Э.Каган, 22 ноября 1965.

Ницца, Пикардийская ул., 22.

Пишу Вам по просьбе месье Хютте, чтобы рассказать все, что знаю о так называемом Олеге де Вреде, хотя мне и тяжело возвращаться к этим малоприятным воспоминаниям.

Однажды я вошла в русский ресторан «У Аркадия», на улице Франциска I, его владельцем был русский, фамилии которого я уже не помню. Ресторан этот считался скромным, и народу там бывало немного. Управляющий, человек преждевременно постаревший, с несчастным, болезненным лицом, сидел у столика с закусками — происходило это году в тридцать седьмом.

Я обратила внимание на молодого человека лет двадцати, который чувствовал себя в ресторане как дома. Одет он был чересчур изысканно, костюм, рубашка и все прочее — безупречно.

Внешность его поражала: узкие голубые, будто фарфоровые, глаза, ослепительная улыбка, неумолкающий смех — жизнь била в нем через край. А за всем этим скрывалась звериная

хитрость.

Он сидел за соседним столиком. Когда я пришла в ресторан во второй раз, он обратился ко мне, указывая на управляющего:

— Думаете, я сын этого господина? — В его тоне звучало презрение к бедному старику, который, конечно же, был его отцом.

Потом он показал мне браслет с выгравированным именем: «Луи де Вреде, граф де Монпансье» (в ресторане его звали Олегом, это русское имя). Я спросила, где его мать. Он ответил, что она умерла. Я спросила, где она могла встретить Монпансье (это, кажется, младшая ветвь герцогов Орлеанских). Он ответил — в Сибири. Все это было смехотворно. Я поняла, что он просто подонок и готов жить на содержании особ обоего пола. На мой вопрос, чем он занимается, он сказал, что играет на фортепьяно.

Потом он принялся перечислять свои светские связи — герцогиня д'Юзес любезничает с ним, а с герцогом Виндзорским он на короткой ноге… Я чувствовала, что в его рассказах ложь перемешана с правдой. Людей высшего света, должно быть, покупали его имя, его улыбка, его ледяная, но несомненная учтивость.

Во время войны, думаю, году в 41-42-м, я была на

пляже в Жуан-ле-Пен и вдруг увидела, что ко мне с громким смехом бежит не кто иной, как этот «Олег де Вреде», как всегда в отличной форме. Он сказал, что находился в заключении и что в нем принял участие немецкий офицер высокого звания. Сюда он приехал на несколько дней к своей «военной крестной» — вдове Анри Дювернуа. «Но, — сказал он, — она страшно скупая, совсем не дает мне денег».

Он объявил мне, что возвращается в Париж, «чтобы работать с немцами». «Как?» — спросила я. «Буду продавать им машины».

Больше я его не видела и не знаю, что с ним стало. Вот, месье, все, что я могу сообщить Вам по поводу этого человека.

С уважением — Э.Каган».

37

Теперь достаточно просто закрыть глаза. События, предшествовавшие нашему отъезду в Межев, обрывками всплывают в моей памяти. Большие освещенные окна бывшего особняка Захарова на авеню Гош, отдельные фразы Вилдмера, имена — то пурпурное и сверкающее «Рубироза», то тусклое «Олег де Вреде» — и совсем неуловимые подробности, даже голос Вилдмера, хриплый и почти неслышный, — все это сплетается в мою нить Ариадны.

Накануне, уже вечером, я поднялся на второй этаж бывшего особняка Захарова на авеню Гош. Там было полно народу. Как всегда, никто не снимал пальто. Но я был в костюме. Я прошел через большой зал, в нем толпилось человек пятнадцать: одни стояли у телефонов, другие, сидя в кожаных креслах, обсуждали свои дела. Проскользнув в маленький кабинет, я прикрыл за собой дверь. Человек, с которым я должен был встретиться, уже ждал меня. Он провел меня в дальний угол комнаты, и мы сели в кресла, разделенные низким столиком. Я положил на

него золотые луидоры, завернутые в газетную бумагу. Он тут же вручил мне несколько пачек банкнотов, которые я, не удосужившись пересчитать, сунул в карман. Драгоценности его не интересовали. Мы вместе вышли из кабинета, прошли через зал, где стоял непрекращающийся гул голосов, люди в пальто сновали туда-сюда, и во всей этой суете было что-то тревожное. На улице он дал мне адрес женщины, которая, вероятно, купит драгоценности — она жила где-то возле площади Мальзерб, — и разрешил мне сослаться на него. Шел снег, но я решил пойти туда пешком. Когда мы с Дениз только познакомились, мы часто ходили этой дорогой. Теперь все изменилось. Шел снег, и мне трудно было узнать этот бульвар — голые деревья, темные фасады домов. Аромат бирючин из-за ограды парка Монсо сменился запахом мокрой земли и плесени.

Первый этаж в конце тупика, из тех, что называют «скверами» или «внутренними двориками». В комнате, где она меня принимала, почти ничего не было. Только диван, на который мы сели, и телефон на диване. Рыжеволосая нервная женщина лет сорока. Телефон звонил непрерывно, но она не всегда поднимала трубку, а когда отвечала, записывала в календарик то, что ей говорили.

Я показал ей драгоценности. Я был готов уступить сапфир и две брошки за полцены, если она заплатит мне немедленно и наличными. Она согласилась.

На улице, направляясь к станции метро «Курсель», я вспомнил о молодом человеке, который несколько месяцев назад пришел в наш номер в отеле «Кастилия». Он быстро продал зажим для галстука и два бриллиантовых браслета и так мило предложил мне разделить с ним прибыль. Добрая душа. Я доверился ему и рассказал о своем намерении уехать и даже о страхе, из-за которого я иногда не решался выходить из отеля. Он заметил, что мы живем в странное время.

Потом я зашел к Дениз, на сквер Эдуарда VII, в квартиру, где Ван Аллен, ее голландский друг, устроил ателье мод: квартира находилась на втором этаже, прямо над «Сентра». Я помню это, потому что мы с Дениз часто там бывали, — из нижнего зала этого бара, расположенного в полуподвале, можно было выйти через другую дверь на улицу. Мне кажется, я знал тогда в Париже все заведения и дома с двумя выходами.

В этом крохотном ателье мод царило такое же оживление, как на авеню Гош, может, даже еще более лихорадочное. Ван Аллен готовил летнюю

коллекцию, и его энергия и оптимизм поражали меня, ибо я сомневался, что в нашей жизни еще будет лето. Он примерял платье из легкой белой ткани на черноволосую девушку, другие манекенщицы то появлялись, то исчезали в кабинках для переодевания. Несколько человек обсуждали что-то у письменного стола в стиле Людовика XV, где валялись рисунки и куски тканей. В углу комнаты Дениз разговаривала с какой-то блондинкой, женщиной лет пятидесяти, и молодым человеком с черными вьющимися волосами. Я вмешался в их разговор. Они уезжали на Лазурный берег. В общем шуме мы уже почти не слышали друг друга. Непонятно по какому поводу из рук в руки передавали бокалы с шампанским.

Мы с Дениз пробрались в прихожую. Ван Аллен вышел нас проводить. Я помню его светло-голубые глаза и улыбку, когда, высунувшись из двери, он пожелал нам удачи и послал вслед воздушный поцелуй.

В последний раз мы с Дениз прошли по улице Камбасерес. Багаж был уже уложен, чемодан и две кожаные сумки ожидали нас в гостиной, у большого стола. Дениз закрыла ставни и задернула занавеси. Убрала в футляр швейную машинку и сняла белую холщовую ткань, приколотую

булавками к портняжному манекену. Я думал о вечерах, проведенных в этой комнате. Она кроила по выкройкам, которые ей давал Ван Аллен, или шила, а я, растянувшись на диване, читал какие-нибудь «Мемуары» или детективы из серии «Маска», которые она так любила. Наши вечера были для меня редкими минутами, когда я мог тешить себя иллюзией, что мы живем обыденной жизнью, в мирном мире.

Я открыл чемодан и рассовал пачки банкнотов, от которых у меня топорщились карманы, в рубашки, свитера и внутрь ботинок. Дениз проверила вещи в одной из сумок, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Я прошел по коридору в спальню. Не зажигая света, встал у окна. По-прежнему падал снег. Полицейский на той стороне улицы спрятался в свою будку — ее поставили несколько дней назад, с наступлением зимы. Со стороны площади Соссэ к нему быстрым шагом шел другой полицейский. Он пожал руку своему коллеге, протянул ему термос, и они принялись по очереди отхлебывать из стаканчика.

Вошла Дениз. Встала рядом со мной. На ней была меховая шубка. Она прижалась ко мне. От нее исходил пряный аромат духов. Шубу она надела прямо на блузку. Мы очутились на кровати, где

не было уже ничего, кроме матраса.

Гэй Орлова и Фредди ждали нас на Лионском вокзале, у выхода на перрон. На тележке рядом с нами громоздились многочисленные чемоданы. У Гэй Орловой был кофр. Фредди беседовал с носильщиком и предложил ему сигареты. Дениз разговаривала с Гэй Орловой. Дениз спрашивала ее, хватит ли нам всем места в шале, которое снял Фредди. На вокзале было темно, только на перрон, где мы стояли, падал желтый свет. Подошел Вилдмер, как всегда в рыжем пальто, доходившем ему до пят. Фетровая шляпа была надвинута на лоб. Носильщик внес чемоданы в спальный вагон. Стоя на перроне, мы ждали объявления об отправке поезда. Гэй Орлова заметила среди пассажиров знакомых, но Фредди попросил ее ни с кем не разговаривать и не привлекать к нам внимания.

Я посидел немного с Дениз и Гэй Орловой в их купе. Шторка была приспущена, но, наклонившись, я увидел, что мы проезжаем пригород. Снег не прекращался. Я поцеловал Дениз и Гэй Орлову и вернулся в свое купе, где уже устроился Фредди. Вскоре к нам зашел Вилдмер. В его купе пока никого не было, и он надеялся, что останется один до конца. Он боялся, что его узнают

по фотографиям, часто мелькавшим в спортивных газетах несколько лет назад, — после того несчастного случая на скаковом поле Отея. Мы пытались успокоить его, уверяя, что лица жокеев забываются очень быстро.

Мы с Фредди улеглись на свои полки. Поезд набирал скорость. Мы не тушили ночники, и Фредди нервно курил. Он волновался из-за возможной проверки документов. Я тоже, но старался это скрыть. У Фредди, Гэй Орловой, Вилдмера и у меня благодаря Рубирозе были доминиканские паспорта, но мы сомневались, что они способны нас защитить. Руби сам сказал мне это. Мы могли оказаться всецело во власти полицейского или въедливого контролера. Только Дениз ничем не рисковала. Она была настоящая француженка.

Первая остановка. Дижон. Снег скрадывает звук громкоговорителя. Мы слышим, что кто-то идет по коридору. Открывает дверь купе. Может, вошли к Вилдмеру. И нас с Фредди охватывает безудержный истерический смех.

Поезд полчаса стоял на вокзале в Шалон-сюр-Сон. Фредди уснул, и я погасил ночник. Не знаю почему, но в темноте я чувствовал себя увереннее.

Я старался думать о чем-нибудь другом и не

прислушиваться к шагам в коридоре. На перроне разговаривали люди, отдельные слова долетали и до меня. Видимо, они стояли под нашим окном. Один из них надсадно кашлял. Другой насвистывал. Нарастающий шум встречного поезда заглушил их голоса.

Внезапно дверь распахнулась, и на фоне освещенного коридора возник силуэт мужчины в плаще. Он обвел купе лучом фонарика, сверху вниз, чтобы проверить, сколько нас. Фредди разом проснулся.

— Документы…

Мы протянули ему свои доминиканские паспорта. Он рассеянно просмотрел их, потом передал кому-то, кто стоял рядом, но того человека мы из купе не видели. Я закрыл глаза. Они неслышно переговаривались.

Он шагнул в купе. С паспортами в руке.

— Вы дипломаты?

— Да, — ответил я машинально.

Минуту спустя я вспомнил, что Рубироза выдал нам дипломатические паспорта.

Не произнеся ни слова, он вернул нам документы и закрыл дверь.

Мы остались в темноте и старались не дышать. Мы молчали до отхода поезда. Поезд дернулся. Я

услышал смех Фредди. Он зажег свет.

— Пойдем навестим наших? — сказал он.

Купе Дениз и Гэй Орловой не проверяли. Мы разбудили их. Они не могли понять, чего это мы так разволновались. Тут же пришел и Вилдмер, но ему было не до смеха. Он еще дрожал. Когда он показал паспорт, его тоже спросили, действительно ли он доминиканский дипломат, но он не осмелился ответить, опасаясь, что среди полицейских в штатском и контролеров найдется завсегдатай скачек, который узнает его.

За окнами поезда все было бело от снега. Каким спокойным, каким приветливым казался мне этот пейзаж… Вид спящих домиков опьянял меня, никогда прежде я не был так полон веры в будущее…

Было еще темно, когда мы приехали в Саланш. Перед вокзалом стояли автобус и большой черный автомобиль. Мы с Фредди и Вилдмером несли чемоданы, а двое носильщиков потащили кофр Гэй Орловой. Пассажиры, отправляющиеся в Межев — нас было всего человек двенадцать, — садились в автобус, а шофер с носильщиками укладывали чемоданы на заднюю площадку, когда к Гэй Орловой подошел светловолосый молодой человек, тот самый, которого она заметила

еще вчера, на Лионском вокзале. Они обменялись несколькими фразами по-французски. Позже она объяснила, что едва знает этого человека, он русский, зовут его Кирилл. Он указал на черный автомобиль — за рулем его кто-то ждал — и предложил подвезти нас в Межев. Но Фредди отклонил его приглашение, сказав, что предпочитает автобус.

По-прежнему шел снег. Автобус ехал медленно, и черный автомобиль нас обогнал. Дорога поднималась вверх, и всякий раз, когда автобус набирал скорость, корпус его отчаянно трясся. Я подумал, что автобус может сломаться, не довезя нас до Межева. Впрочем, что за важность? По мере того как ночная тьма уступала место белому ватному туману, сквозь который еле проступали иглы пихт, во мне крепла уверенность, что никто не станет нас здесь искать. Мы ничем не рисковали. Мало-помалу мы становились невидимками. Даже наша городская одежда, которая могла бы привлечь к нам внимание — рыжее пальто и темно-синяя фетровая шляпа Вилдмера, леопардовое манто Гэй и пальто Фредди из верблюжьей шерсти, его зеленый шарф и черно-белые ботинки для игры в гольф, — все это растворялось в тумане. Кто знает? Может, в конце концов мы

вообще исчезнем. Или от нас останутся только капельки влаги, липкая сырость, которую не удается стереть рукой с запотевшего окна. И как еще шофер ориентировался? Дениз задремала, уронив голову мне на плечо.

Автобус остановился посередине площади, перед мэрией. Фредди велел погрузить багаж на стоящие там сани, и мы зашли выпить чего-нибудь горячего в кондитерскую возле церкви. Она только что открылась, и хозяйка, обслуживавшая нас, была несколько удивлена столь ранним посещением. А может, акцентом Гэй Орловой и нашим городским видом? Вилдмер всем восхищался. Он никогда не бывал в горах, не занимался зимним спортом. Прижавшись лбом к стеклу, застыв от восторга, он не отрываясь смотрел на снег, падавший на памятник погибшим и на мэрию Межева. Потом Вилдмер спросил у хозяйки, как работает канатная дорога и можно ли записаться в лыжную школу.

Шале называлось «Южный Крест». Просторное, все из темного дерева, с зелеными ставнями. Кажется, Фредди снял его у кого-то из парижских друзей. Оно возвышалось над одним из виражей дороги, но было скрыто завесой пихт. К нему вела извилистая тропинка. Дорога тоже куда-то

поднималась, но у меня так и не хватило любопытства выяснить, куда именно.

Наша с Дениз спальня была на втором этаже, и из окна, поверх пихт, открывался вид на весь Межев. Я научился различать в ясную погоду колокольню церкви, охряное пятно отеля у подножья Рошбрюна, автостанцию и вдалеке — каток и кладбище. Фредди и Гэй Орлова занимали спальню на первом этаже, рядом с гостиной, а чтобы пройти в спальню Вилдмера, надо было спуститься еще на этаж — она находилась ниже, и окно, круглое, как иллюминатор, было вровень с землей. Но Вилдмер сам ее выбрал — свою нору, как он говорил.

Поначалу мы проводили все время в шале. Подолгу засиживались в гостиной за картами. Я хорошо помню эту комнату. Шерстяной ковер. Кожаный диванчик, над ним ряды книжных полок. Низкий стол. Два окна, выходящие на балкон… Женщина, жившая по соседству, взялась покупать для нас продукты в Межеве. Дениз читала детективы, которые отыскала на полках. Я тоже. Фредди отпустил бороду, а Гэй Орлова каждый вечер готовила нам борщ. Вилдмер попросил, чтобы ему регулярно доставляли из Межева «Пари-спор», и читал его, забившись в

свою «нору». Как-то под вечер, когда мы играли в бридж, он ворвался к нам, потрясая газетой, на нем лица не было. Обозреватель излагал наиболее примечательные события в мире скачек за последние десять лет и вспомнил среди прочего «нашумевший несчастный случай в Отее с английским жокеем Андре Вилдмером». Статью сопровождали несколько снимков, и в том числе совсем маленькая, меньше почтовой марки, фотография Вилдмера. Это и повергло его в панику: ведь кто-нибудь на вокзале в Саланше или в Межеве, в кондитерской возле церкви, может быть, его узнал. Или вдруг женщина, которая приносит нам продукты и помогает по хозяйству, опознает в нем «английского жокея Андре Вилдмера». Разве за неделю до нашего отъезда у него дома, на сквере Алискан, не раздался анонимный телефонный звонок? Приглушенный голос произнес: «Алло? Все еще в Париже, Вилдмер?» — затем послышался хохот, и повесили трубку.

Мы без устали твердили, что ему ничто не угрожает, так как он теперь «доминиканский дипломат», но тщетно. Он все равно нервничал.

Однажды ночью, часа в три, Фредди начал колотить в дверь вилдмеровской «норы» и кричать: «Мы знаем, что ты здесь, Андре Вилдмер… мы зна-

ем, что вы английский жокей Андре Вилдмер… Выходите немедленно…»

Вилдмер не оценил этой шутки и несколько дней не разговаривал с Фредди. Потом они помирились.

Не считая этого незначительного инцидента, первые дни мы жили в шале очень спокойно.

Но понемногу Фредди и Гэй Орловой начала надоедать монотонность нашего существования. Даже Вилдмер, невзирая на страх, что в нем узнают «английского жокея», метался как зверь в клетке. Спортсмен, он не привык к бездействию.

Фредди и Гэй Орлова встречали каких-то людей во время своих прогулок по Межеву. Многие будто бы приехали сюда, как и мы, чтобы укрыться в тиши. Они собирались, устраивали «вечеринки». Мы слышали об этих сборищах от Фредди, Гэй Орловой и Вилдмера, которые не преминули включиться в ночную жизнь Межева. Но я этого остерегался. И предпочитал сидеть в шале с Дениз.

Однако время от времени мы все-таки спускались в деревню. Мы выходили из шале часов в десять утра и шли по дороге, вьющейся между маленькими часовенками. Иногда мы заходили в какую-нибудь из них, и Дениз ставила свечку.

Некоторые были закрыты. Мы двигались медленно, чтобы не провалиться в снег.

Ниже, посреди круглой площадки, стояло каменное распятие, отсюда дорога круто шла вниз. Правда, на полпути спуска были сделаны деревянные ступеньки, но их завалило снегом. Я шагал впереди Дениз, чтобы поддержать ее, если она поскользнется. Внизу лежала деревня. Мы проходили по главной улице до площади мэрии, потом мимо отеля «Монблан». Немного дальше, справа, возвышалось здание почты из сероватого бетона. Оттуда мы посылали письма друзьям Дениз: Леону и Элен, которая сдавала нам свою квартиру на улице Камбасерес… Я написал несколько слов Рубирозе — я сообщал, что благодаря его паспортам мы добрались до места, и советовал ему присоединиться к нам — в последний раз, когда мы виделись в миссии, он говорил, что хочет «немного проветриться». Я сообщил ему наш адрес.

Мы поднимались к Рошбрюну. Из всех отелей, стоявших вдоль дороги, высыпали стайки детей с тренерами в темно-синих лыжных костюмах. На плечах они несли лыжи или коньки. Несколько месяцев назад отели здесь предоставили бедным детям из больших городов. Прежде чем повер-

нуть назад, мы долго смотрели издали на людей, толпящихся у будки канатной дороги.

Над шале «Южный Крест», если подниматься от него по дорожке между пихт, стояло еще одно шале, низенькое, одноэтажное. В нем жила женщина, покупавшая для нас продукты в Межеве. Ее муж держал несколько коров, в отсутствие владельцев он присматривал за «Южным Крестом». У себя в шале в большом зале он оборудовал простенький бар, расставил столики и поместил туда бильярд. Как-то после обеда мы с Дениз поднялись к нему за молоком. Он был не слишком любезен с нами, но Дениз, увидев бильярд, попросила разрешения сыграть. Он сначала удивился, потом растаял. И даже сказал, что она может приходить сюда играть, когда ей будет угодно.

Мы часто поднимались к ним по вечерам, с тех пор как Фредди, Гэй Орлова и Вилдмер стали покидать нас ради светских развлечений в Межеве. Они все время звали нас с собой в «Экип» или какое-нибудь другое шале на «дружеский ужин», но мы предпочитали уходить наверх. Жорж — так звали того человека — и его жена ждали нас. Я думаю, мы пришлись им по душе. Мы играли на бильярде с ним и двумя-тремя его друзьями. Лучше всех играла Дениз. Я вижу ее, такую гра-

циозную, с бильярдным кием в руке, ее нежное азиатское лицо, светлые глаза и длинные, до талии, вьющиеся, отливающие медью волосы… Она носила старый красный свитер, который ей отдал Фредди.

Мы допоздна болтали с Жоржем и его женой. Жорж говорил, что в один из ближайших дней обязательно произойдет какой-нибудь скандал и тогда будет проверка документов, потому что многие из тех, кто приехал отдыхать в Межев, устраивают попойки и привлекают к себе внимание. Мы не такие, как они. Его жена и он позаботятся о нас, если что…

Дениз призналась мне, что Жорж напоминает ей отца. Часто мы затапливали камин. Так текли часы, полные покоя и человеческого тепла, и нам казалось, мы обрели семью.

Бывало, что все уходили, а мы с Дениз оставались в «Южном Кресте». Тогда шале принадлежало нам одним. Я хотел бы вновь пережить те прозрачные ночи, когда мы смотрели на лежащую внизу деревню — она четко вырисовывалась на снегу и казалась миниатюрной игрушкой, вроде тех, что выставляют в витринах на Рождество. В эти ночи все представлялось простым и ясным, и мы мечтали о будущем. Мы поселимся здесь,

наши дети пойдут в деревенскую школу, и лето будет приходить к нам со звоном колокольчиков пасущегося стада… Мы заживем, ничего не опасаясь, счастливо и спокойно.

Но когда по ночам шел снег, мне казалось, что я задыхаюсь. Никогда нам с Дениз не выкарабкаться. Мы пленники этой долины и мало-помалу будем погребены под снегом. Что может повергать в большее уныние, чем горы, замыкающие горизонт… Меня охватывала паника. Тогда я открывал дверь, и мы выходили на балкон. Я вдыхал холодный воздух, напоенный ароматом пихт. И мой страх отступал. Напротив, этот пейзаж навевал на меня тихую грусть, и понемногу мне становилось легче. И что есть мы в этом пейзаже? Отзвук наших поступков, наших жизней, чудилось мне, тонет в вате легких снежинок вокруг нас, падающих на колокольню, на каток и кладбище, на темную полоску дороги, пересекающей долину.

А потом Фредди и Гэй Орлова начали вечерами приглашать людей к себе. Вилдмер уже не боялся, что его узнают, и стал душой общества. Приходило человек десять, часто больше, без предупреждения, ближе к полуночи, и вечеринка, начавшаяся в другом шале, разгоралась с новой

силой. Мы с Дениз избегали их, но Фредди так трогательно уговаривал нас остаться, что мы иногда уступали ему.

И сейчас передо мной, как в тумане, возникают какие-то лица. Вертлявый брюнет, без конца предлагавший сыграть партию в покер, — он ездил на машине с люксембургским номером; некий Андре-Карл, блондин в красном свитере, ходивший на лыжах на длинные дистанции и потому всегда загорелый; еще один тип, коренастый, закутанный в черный бархат, в моих воспоминаниях он похож на неотвязно гудящего большого шмеля… И спортивные красотки Жаклин и некая мадам Кампан.

Иногда в самый разгар вечера в гостиной внезапно тушили свет или какая-нибудь парочка уединялась в спальне.

И наконец, Кирилл — тот тип, которого Гэй Орлова встретила на вокзале в Саланше и который предложил нам свою машину. Русский, женатый на француженке, очень красивой женщине. По-моему, он вел какие-то сомнительные дела с красильными и алюминиевыми заводами. Он часто звонил из нашего шале в Париж, и я убеждал Фредди, что эти звонки рано или поздно привлекут к нам внимание, но он, как и Вилдмер,

потерял всякую осторожность.

И именно этот Кирилл с женой привели к нам как-то вечером Боба Бессона и некоего Олега де Вреде. Бессон был лыжным тренером, и среди его клиентов попадались и знаменитости. Он прыгал с трамплина, не раз падал и разбивался, все его лицо было в шрамах. Он слегка хромал. Маленький, черноволосый, он был уроженцем Межева. Пил — что, правда, не мешало ему в восемь утра вставать на лыжи. Помимо своей тренерской работы, он занимал какую-то должность в службе снабжения, благодаря чему в его распоряжении была машина — тот самый черный закрытый автомобиль, который мы видели еще на вокзале в Саланше. Вреде, молодой человек русского происхождения, которого Гэй Орлова уже встречала в Париже, приезжал в Межев довольно часто. Он, насколько я тогда понял, изворачивался, как мог, и жил на доходы от покупки и перепродажи шин и запасных частей автомобилей… Он тоже звонил из нашего шале в Париж, и я слышал, что он всегда вызывал загадочный гараж «Комета».

Почему я заговорил в тот вечер с Вреде? Может, потому, что он был очень приятен в общении. Его открытый взгляд и какое-то радостно-наивное выражение лица подкупали меня. Он смеялся

по любому поводу. Он был ко всем удивительно внимателен и без конца спрашивал, «хорошо ли вы себя чувствуете», «не хотите ли чего-нибудь выпить», «может, пересядете на диван, там удобнее, чем на этом стуле» и «хорошо ли вы спали сегодня ночью»... И еще эта особая манера слушать — он просто ловил каждое ваше слово и, наморщив лоб, глядел на вас во все глаза, словно внимал оракулу.

Он понял, в каком мы положении, и тут же спросил меня, надолго ли мы собираемся оставаться в «этих горах». И когда я ответил, что у нас нет выбора, он объявил мне, понизив голос, что знает способ нелегально перейти швейцарскую границу. Не заинтересует ли меня такая возможность?

Я поколебался мгновение и ответил утвердительно.

Он сказал, что это будет стоить по 50.000 франков с каждого и что Бессон примет в этом участие. Они с Бессоном доведут нас до ближайшего к границе пункта, где его друг, опытный проводник, сменит их. Они уже переправили через границу человек десять — он назвал имена. У меня еще есть время подумать. Он уезжает в Париж, но на той неделе вернется. Он дал мне какой-то париж-

ский телефон — ОТЕЙ 54–73, чтобы связаться с ним, если я быстро приму решение.

Я рассказал об этом Гэй Орловой, Фредди и Вилдмеру. Гэй Орлова была, по-моему, удивлена, что Вреде занимается переправкой через границу, она считала его просто легкомысленным юнцом, перебивающимся спекуляциями. Фредди полагал, что незачем уезжать из Франции, ведь мы были под защитой доминиканских паспортов. Вилдмер же говорил, что у Вреде «рожа сутенера», но особенно ему не нравился Бессон. Он уверял нас, что шрамы на лице Бессона поддельные, что он сам каждое утро наносит их гримом. Ревность спортсмена? Нет, он в самом деле не переносил Бессона и прозвал его «Папье-маше». А вот Дениз находила Вреде «симпатичным».

Все решилось внезапно. Из-за снега. Неделю не переставая валил снег. Я снова испытывал ощущение удушья, знакомое мне еще по Парижу. Я сказал себе, что если мы здесь застрянем, то окажемся в ловушке. Я объяснил это Дениз.

Вреде вернулся через неделю. Мы договорились и обсудили с ним и с Бессоном все детали перехода через границу. Никогда еще Вреде не казался мне таким сердечным и достойным доверия. Его дружеская манера похлопывать собеседника

по плечу, его светлые глаза и белые зубы, его предупредительность — все это нравилось мне, хотя Гэй Орлова часто повторяла, смеясь, что с русскими и поляками надо держать ухо востро.

В то утро, очень рано, мы с Дениз уложили свои вещи. Остальные еще спали, и нам не хотелось их будить. Я оставил Фредди записку.

Они ждали нас на обочине дороги, в черном автомобиле Бессона, том самом, который я видел в Саланше. Вреде сидел за рулем, Бессон рядом. Я сам открыл багажник, чтобы положить туда наши сумки и чемодан, и мы с Дениз устроились на заднем сиденье.

На протяжении всего пути мы не произнесли ни слова. Вреде, по-моему, нервничал.

Шел снег. Вреде вел машину медленно. Ехали мы по горным дорогам. Прошло часа два.

Только когда Вреде остановил машину и потребовал деньги, у меня появилось смутное тревожное предчувствие. Я протянул ему пачку купюр. Он пересчитал их. Потом повернулся к нам и улыбнулся мне. Он сказал, что теперь, прежде чем пересечь границу, нам надо ради большей безопасности разделиться. Я пойду пешком с Бессоном, а они с Дениз поедут с багажом на машине. Мы встретимся через час, у друзей,

уже на той стороне… Он по-прежнему улыбался. Странной улыбкой, которую я и теперь еще вижу иногда в своих снах.

Мы с Бессоном вышли из машины. Дениз пересела вперед, к Вреде. Я посмотрел на нее, и снова у меня дрогнуло сердце от дурного предчувствия. Я хотел открыть дверцу и попросить ее выйти. Мы ушли бы вдвоем. Но я сказал себе, что подозрителен по природе и вечно что-то выдумываю. Дениз, казалось, не испытывала никакой тревоги и была в хорошем настроении. Она послала мне воздушный поцелуй.

В то утро на ней была шубка из скунса, свитер с пестрым узором и лыжные брюки Фредди. Ей было двадцать шесть лет. Светлые волосы, зеленые глаза, рост — метр шестьдесят пять. Наш багаж был невелик — две кожаные сумки и темно-коричневый чемоданчик.

Вреде, все так же улыбаясь, завел мотор. Дениз высунулась из опущенного окна, и я махнул ей на прощанье. Я провожал взглядом удалявшуюся машину. Я смотрел на нее, пока она не превратилась в черную точку.

Потом я пошел за Бессоном. Я видел его спину и следы на снегу. Внезапно он сказал, что отправится на разведку, потому что мы приближались

к границе. И попросил подождать его.

Минут через десять я понял, что он не вернется. Зачем я втянул Дениз в эту западню? Изо всех сил я пытался отогнать от себя мысль, что и Вреде бросит Дениз и мы оба бесследно исчезнем…

По-прежнему валил снег. Я продолжал идти, тщетно пытаясь отыскать хоть какие-нибудь ориентиры. Я шел очень долго. Потом лег на снег. Вокруг меня все было белым-бело.

38

Я сошел с поезда в Саланше. Светило солнце. На вокзальной площади ждал автобус с заведенным мотором. Единственное такси, «Ситроен-19», стояло у тротуара. Я сел в него.

— В Межев, — сказал я шоферу.

Такси тронулось. Шофер, человек лет шестидесяти, с проседью в волосах, был в канадке с потертым меховым воротником. Он сосал леденец или Пастилку.

— Хороша погодка, а? — сказал он.

— Да…

Я смотрел в окно и пытался узнать дорогу, по которой мы тогда ехали, но без снега она выглядела совсем иначе. Освещенные солнцем пихты, лужайки, переплетенные ветви деревьев, образующие своды над дорогой, — богатство зеленых оттенков поражало меня.

— Ничего не узнаю, — сказал я шоферу.

— Вы здесь бывали?

— Да, но очень давно… и тогда лежал снег…

— Когда снег, здесь все по-другому.

Он вынул из кармана круглую металлическую

коробочку и протянул мне.

— Хотите?

— Спасибо.

Он тоже взял пастилку.

— Я уже неделю как бросил курить… И доктор мне посоветовал сосать пастилки… А вы-то курите?

— Я тоже бросил… Скажите… Вы из Межева?

— Да, месье.

— У меня были здесь знакомые… Интересно, что с ними стало. Например, я знал одного типа по имени Боб Бессон…

Он чуть притормозил и обернулся.

— Робер? Тренер?

— Да.

Он кивнул.

— Я учился с ним в школе.

— И что с ним стало?

— Он умер. Разбился, прыгая с трамплина, несколько лет назад.

— Вот как…

— Он мог бы сделать что-то стоящее… Но… Вы знали его?

— Так, немного…

— Роберу слишком рано вскружили голову… Такие у него были клиенты… — Он открыл ме-

таллическую коробочку и взял пастилку. — Он разбился и мгновенно умер.

Автобус ехал за нами метрах в двадцати. Небесно-голубой автобус.

— Он очень дружил с одним русским, да? — спросил я.

— С русским? Бессон дружил с русским? — Он не понимал, что я хочу сказать. — Знаете, в общем, Бессон был не слишком-то привлекательным человеком… И никогда нельзя было знать, что у него на уме…

Я понял, что он больше ничего не скажет о Бессоне.

— В Межеве есть шале «Южный Крест»?

— «Южный Крест»? Тут много шале с таким названием…

Он снова протянул мне коробку с пастилками. Я взял одну.

— То шале стояло прямо над дорогой.

— Над какой дорогой?

Действительно — над какой? Та, что возникала в моих воспоминаниях, была похожа на любую горную дорогу. Как ее найти? Шале, может быть, уже не существует… А если и существует…

Я наклонился к шоферу. Мой подбородок коснулся мехового воротника его куртки.

— Отвезите меня назад, на вокзал в Саланш, — сказал я.

Он обернулся. Вид у него был удивленный.

— Как вам будет угодно, месье.

39

«Объект: ГОВАРД ДЕ ЛЮЦ, Альфред, Жан.

Родился: в Порт-Луи (остров Маврикий), 30 июля 1912-го, от ГОВАРД ДЕ ЛЮЦА, Жозефа Симети и Луизы, урожденной ФУКЕРО.

Подданство: британское (и американское).

Месье Говард де Люц проживал по адресам:

Замок Сен-Лазар, Вальбрез (Орн);

Ул. Рейнуар, 23, Париж (XVI);

Отель «Шатобриан», ул. Сирк, 18, Париж (VIII);

Авеню Монтеня, 53, Париж (VIII);

Авеню Маршала Лиоте, 25, Париж (XVI).

В Париже месье Говард де Люц, Альфред Жан, не имел определенной профессии.

С 1934 по 1939 г. он занимался изучением рынка сбыта и скупкой старинной мебели для одного поселившегося во Франции греческого подданного, некоего Джимми Стерна, и совершил в связи с этим длительное путешествие в Соединенные Штаты, откуда была родом его бабушка.

Хотя месье Говард де Люц происходил из французской семьи с острова Маврикий, у него было двойное подданство — британское и американ-

ское.

В 1950 г. месье Говард де Люц покинул Францию и обосновался в Полинезии, на острове Падипи, возле Бора-Бора (острова Общества)».

К этой карточке была приложена записка следующего содержания:

«Дорогой месье, приношу Вам свои извинения за опоздание, с которым посылаю имеющиеся в нашем распоряжении сведения о месье Говард де Люце. Получить их оказалось очень трудно: месье Говард де Люц, будучи британским (и американским) подданным, не оставил ни малейшего следа в наших службах.

Примите мои искренние пожелания Вам и Хютте.

Ж.-П.Бернарди».

40

«Дорогой Хютте, на будущей неделе я уезжаю из Парижа на тихоокеанский остров — у меня есть слабая надежда найти там человека, который сможет рассказать мне, какой же все-таки была моя жизнь. Мы как будто дружили с ним в юности.

До сих пор мне все казалось таким хаотичным и раздробленным… Какие-то лоскутки, обрывки чего-то возвращались ко мне неожиданно, по ходу моих поисков… Но может, в конечном счете это и есть жизнь.

Только моя ли? Или другого человека, в шкуру которого я влез?

Я напишу Вам оттуда.

Надеюсь, у Вас в Ницце все идет хорошо и Вы получили должность библиотекаря, которой так добивались, — там, где все напоминает Вам детство».

41

«ОТЕЙ 54–73: ГАРАЖ «КОМЕТА», ул. Фуко, 5, Париж (XVI)».

42

Улица выходит на набережную перед садами Трокадеро, по-моему, именно здесь живет Уолдо Блант, американский пианист, которого я как-то провожал домой, — он был первым мужем Гэй Орловой.

Судя по тому, как заржавела большая железная дверь, гараж давно закрыт. Над дверью, на серой стене, еще можно прочесть надпись, хотя синие буквы почти стерлись: «ГАРАЖ «КОМЕТА».

На втором этаже, справа, окно со спущенной оранжевой шторой. Спальня? Контора? Может, в этой комнате и находился тот русский, когда я позвонил ему из Межева по номеру ОТЕЙ 54–73? Чем занимался он в гараже «Комета»? Как это узнать? Когда стоишь перед заброшенным зданием, все кажется таким бесконечно далеким…

Я пошел назад, но задержался на набережной. Я смотрел на проезжавшие мимо машины, на огни на том берегу Сены, у Марсова поля. Какая-то частичка моей жизни, быть может, продолжала существовать там, в маленькой квартирке вблизи садов Трокадеро, и, может, кто-то, кто там

бывал, еще помнит обо мне.

43

На первом этаже дома на углу улиц Рюд и Сайгонской у окна стоит женщина. Светит солнце. Чуть поодаль, на тротуаре, дети играют в мяч. Они все время кричат «Педро» — должно быть, так зовут одного из них. Они то и дело окликают его. Эти звонкие детские выкрики «Педро» как-то странно звенят в воздухе.

Из окна ей не видно детей. Педро. Она знала человека, которого так звали, но очень давно. Под крики, смех и глухие удары мяча, отскакивающего от стены, она пытается вспомнить, когда же это было. Ну да, конечно. В то время она служила манекенщицей у Алекса Маги. Там она познакомилась с Дениз, блондинкой с азиатскими чертами лица, — она тоже работала у этого модельера. Они сразу друг другу понравились.

Эта Дениз жила с неким Педро. Скорее всего латиноамериканцем. Во всяком случае, она помнит, что Педро работал в миссии. Высокий брюнет — его лицо с неожиданной четкостью всплывает в ее памяти. Она могла бы узнать Педро даже сейчас, хотя, наверное, он сильно постарел.

Как-то вечером они пришли сюда, на Сайгонскую улицу. Она пригласила к себе на ужин нескольких друзей. Японского актера с женой — у нее были светлые волосы с коралловым отливом. Жили они совсем рядом, на улице Шальгрен. Эвелин, брюнетку, с которой она познакомилась у Алекса Маги, ее сопровождал бледный молодой человек. И еще кого-то, уже забыла кого, да, и этого бельгийца, Жан-Клода, своего поклонника… Ужин прошел очень весело. Она подумала тогда, что Дениз и Педро — прекрасная пара.

Кто-то из детей ловит на лету мяч, прижимает к себе и удирает, остальные — за ним. Она видит, как они проносятся мимо ее окна. Мальчишка с мячом выбегает, запыхавшись, на авеню Гранд-Арме, пересекает ее, по-прежнему прижимая к себе мяч. Его приятели не решаются преследовать его и замирают, глядя, как он бежит по противоположному тротуару. Он гонит мяч ногой. В витринах сверкают на солнце хромированные велосипеды.

Он обо всех забыл. Он бежит один, гоня перед собой мяч, сворачивает направо, на улицу Анатоль-де-ла-Форж.

44

Я прижался лбом к иллюминатору. Двое мужчин, болтая, прогуливались по палубе, и в лунном свете их лица казались пепельно-серыми. В конце концов они облокотились на бортовую сетку.

Я не мог уснуть, хотя качка прекратилась. Я разглядывал один за другим снимки, где были мы все — Дениз, Фредди и Гэй Орлова, но постепенно, пока судно совершало круиз, они утрачивали свою реальность. Существовали ли они вообще?.. Я вспомнил, что мне сказали о занятиях Фредди в Америке. Он был «доверенным лицом Джона Гилберта». Я представил себе такую картину: двое мужчин идут рядом по заброшенному саду виллы, вдоль теннисного корта, усыпанного сухими листьями и сломанными ветками, тот, что повыше, — Фредди — наклоняется к своему спутнику, который, должно быть, что-то говорит шепотом, — этот человек, наверное, и есть Джон Гилберт.

Потом из коридора донеслись голоса и смех, какая-то возня. Они отнимали друг у друга трубу, чтобы сыграть первые такты песенки «У моей

блондинки». Скрипнула дверь соседней каюты. Их было там несколько человек. До меня донеслись взрывы хохота, позвякивание бокалов — они чокались, — учащенное дыхание и тихий, долгий стон…

Кто-то бродил по коридорам, позванивая в колокольчик, и повторял голосом певчего, что мы пересекли экватор.

45

Вдалеке мигают красные сигнальные огни, и в первую минуту кажется, они просто плавают в воздухе, — только потом понимаешь, что они обозначают береговую линию. Проступают очертания горы, будто из темно-синего шелка. После того как судно миновало рифы, мы попали в полный штиль.

Мы подходили к рейду у Папеэте.

46

Меня направили к какому-то Фрибургу. Он уже лет тридцать жил на Бора-Бора, снимал документальные фильмы о тихоокеанских островах и обычно демонстрировал их в Париже, в зале «Плейель». Он был одним из лучших знатоков Океании.

Мне даже не понадобилось показывать ему фотографию Фредди. Он несколько раз встречался с ним, когда бывал на острове Падипи. Он описал мне человека почти двухметрового роста, который лишь изредка покидал остров, да и то в оиночестве, на своей шхуне. Он совершал на ней длительные путешествия по атоллам Туамоту и доходил даже до Маркизских островов.

Фрибург предложил отвезти меня на Падипи. Мы сели на что-то вроде рыбачьего баркаса. Сопровождал нас толстяк маори, ни на шаг не отходивший от Фрибурга. Думаю, они жили вместе. Странная пара — невысокий человечек, по виду бывший скаутский командир, в поношенных штанах для игры в гольф, в тенниске и очках в металлической оправе, и тучный меднокожий

маори в набедренной повязке и голубой хлопчатобумажной безрукавке. Пока мы плыли, он рассказывал мне нежным голосом, что в юности играл в футбол с самим Аленом Жербо[6].

[6] Примечания: 6

Французский мореплаватель (1893–1941); в 1932 г. отправился на тихоокеанские острова, где проводил исторические и географические исследования.

47

Мы пошли по аллее, заросшей густой травой, между кокосовыми пальмами и хлебными деревьями. Время от времени возникала белая стена, огораживающая сад, в глубине которого стоял дом с верандой под зеленой железной крышей, как и все дома здесь, на острове.

Наконец перед нами открылось большое поле, окруженное забором из колючей проволоки. С левой стороны его замыкали ангары, среди которых виднелось желто-розовое трехэтажное строение. Фрибург сказал, что здесь был аэродром, построенный американцами еще во время войны на Тихом океане, — тут-то и жил Фредди.

Мы вошли в дом. В спальне на первом этаже стояли кровать под противомоскитной сеткой, письменный стол и плетеное кресло. Дверь вела в весьма примитивную ванную комнату.

На втором и третьем этажах в комнатах никакой мебели не было. Стекла в окнах выбиты. Неубранный строительный мусор валялся прямо в коридоре. На стене висела военная карта южной части Тихого океана.

Мы вернулись в спальню, где, наверное, и жил Фредди. Птицы с коричневым оперением залетали в приоткрытое окно и садились тесными рядами на ковать, на стол, на книжные полки у двери. Их становилось все больше и больше. Фрибург сказал, что это моллюскные дрозды, которые пожирают все — бумагу, дерево, даже стены домов.

В комнату вошел седой бородатый мужчина в набедренной повязке. Он заговорил с толстым маори, тенью следовавшим за Фрибургом, и наш толстяк, пинаясь с ноги на ногу, начал переводить. Недели две назад шхуна, на которой Фредди собирался совершить путешествие на Маркизские острова, потерпела крушение, налетев на коралловые рифы возле острова, но Фредди на борту не оказалось.

Он спросил, не хотим ли мы посмотреть на разбитую шхуну, и повел нас на берег лагуны. Мы увидели шхуну с автомобильными шинами, висящими вль бортов. Мачта ее была сломана.

Фрибург пообещал, вернувшись на свой остров, потребовать от властей, чтобы они тут же начали поиски. Толстый маори в голубом что-то объяснял дому своим пронзительным голосом. Казалось, он не говорит, а повизгивает. Вскоре я

перестал обращать на них внимание.

Не знаю, сколько я простоял на берегу этой лагуны. Я думал о Фредди. Нет, конечно, он не исчез в море. Он, наверное, решил обрубить швартовы и скрылся на каком-нибудь атолле. И в конце концов я найду его. И потом, мне ведь еще надо предпринять последнюю попытку — поехать в Рим, на улицу Темных Лавок, дом два, — туда, где я когда-то жил.

Стемнело. Лагуна медленно гасла, ее ярко-зеленый цвет делался все тусклее. Вода еще кое-где светилась, и по ней проскальзывали легкие лилово-серые тени.

Я машинально вынул из кармана фотографии, которые хотел показать Фредди, — среди них был и снимок Гэй Орловой в детстве. До сих пор я не замечал, что она плачет. Я понял это по ее насупленным бровям. На мгновение мысли унесли меня далеко от лагуны, на другой конец света, в курортный городок на юге России, где была сделана эта фотография, так бесконечно давно. Маленькая девочка вместе с матерью возвращается в сумерках с пляжа. Она плачет, в общем-то, без причины, ей просто хотелось еще поиграть. Она уходит все дальше. Вот она уже завернула за угол… И наши жизни, не рассеиваются ли они

в вечерних сумерках так же стремительно, как детская обида?